

Дуглас Адамс

*Путеводитель
вольного путешественника
по Галактике
Книга III.
О жизни, Вселенной и вообще*

пер. Степан М. Печкин, 2004-2025

Издание Трансперсонального Института Человека Печкина
Цур-Адасса, 2025

The Hitchhiker's Guide to the Galaxy, © 1982 by Douglas Adams

Translation © Stepan M. Pechkin, 2004-2025

(p) Pechkin Production Initiatives, est. 1989

(p) 1996 by Wings Books, a division of [Random House Value Publishing, Inc.](#),
201 East 50th St., New York, New York 10022
by arrangement with Harmony Books, a division of Crown Publishers, Inc.
ISBN 0-517-14925-7

Всякое коммерческое использование текста или какой-либо части текста без согласования с владельцами авторских прав оригинального издания запрещено соответствующими законодательными актами. Текст перевода публикуется исключительно с ознакомительными, образовательными и эстетическими целями. Издание не преследует никакой иной выгоды, кроме общего блага всех живых существ.

Посвящается Салли

To the benefit of all living creatures.

*To Lama Ole Nydahl with love, gratitude and hope for
tuition and guidance.*

S. Pechkin, Jerusalem, 04.11.04

I

Предрассветную тишину прорезал вопль ужаса: Артур Дент проснулся и вспомнил, где он находится.

Это повторялось каждое утро.

И причина была не в том, что пещера была холодной, и не в том, что пещера была сырой, и в ней дурно пахло. Причина была в том, что пещера находилась в Излингтоне, а первый автобус в центр ожидался через два миллиона лет.

Нет ничего хуже, чем потеряться во времени – и Артур Дент мог засвидетельствовать это после того, как изрядно потерялся и во времени, и в пространстве. Когда теряешься в пространстве, то тебе, по крайней мере, всегда есть, чем заняться.

Артур очутился на доисторической Земле в результате крайне запутанной цепочки событий, в ходе которых его попеременно то унижали, то оскорбляли в таких причудливых уголках Галактики, какие Артур прежде с трудом мог себе вообразить; и хотя сейчас жизнь его стала совершенно тихой и мирной, он до сих пор не смог до конца прийти в себя.

Его не унижали вот уже пять лет.

Поскольку, расставшись с Фордом Префектом четыре года назад, Артур не встречал с тех пор ни единой живой души, то и оскорблениям все это время он тоже не подвергался.

За исключением одного раза.

Это случилось весенним вечером тому примерно года два. В сумерках Артур возвращался в свою пещеру, как вдруг увидел на деревьях странные отсветы. Он поднял голову, поглядел вверх, и от радости у него перехватило дух. Спасение! Свобода! Мечта робинзона – корабль!

На глазах у Артура, остолбеневшего от восторга и счастья, в теплом вечернем воздухе проплыл стройный серебристый звездолёт. Он тихо снизился и четко, словно танцуя, выпустил шасси. Затем корабль приземлился, и тихое гудение его двигателей растаяло в вечернем спокойствии леса.

Корабль выпустил трап.

Из открывшегося люка хлынул яркий свет.

В проеме люка вырисовался контур пришельца. Он сошел по трапу и встал перед Артуром.

– Дент, – произнес он, – ты придурок.

Все выдавало в нем инопланетянина – характерный высокий рост, характерно заостренный череп, характерные огромные черные глаза, причудливого покроя золотой плащ на характерном резном золотом обруче вокруг шеи, и светло-серо-зеленая кожа лица с таким шикарным свечением, которого большинство обладателей серо-зеленых лиц могут добиться только при помощи особых упражнений или очень дорогой косметики.

Артур стоял, отвесив челюсть.

Пришелец бесцеремонно разглядывал его.

Изумленное недоумение быстро сменило у Артура встрепенувшуюся было надежду. Всевозможные мысли сражались у него в голове за право доступа к голосовым связкам.

– Ка...? – спросил он.

– Но... по к... – добавил он.

– За ч... вы...? – выговорил он наконец и умолк. Артур вспомнил, что забыл, когда последний раз разговаривал с кем-либо, и понял, что это не проходит бесследно.

Инопланетянин деловито нахмурился и сверился со своим, по всей видимости, блокнотом, поднеся его к свету тонкой и гибкой инопланетной рукой.

– Артур Дент? – осведомился он.

Артур беспомощно кивнул.

– Артур Филип Дент? – уточнил пришелец.

– А-а... ы-ы... э-э... да... – подтвердил Артур.

– Придурок, – повторил инопланетянин. – И лишенец.

– Не по...

Пришелец утвердительно кивнул, поставил в блокноте характерную инопланетную птичку и повернулся к кораблю.

– Н-но по... – замычал Артур в отчаянии.

– Сам такой, – бросил пришелец, не оглядываясь. Он поднялся по трапу и скрылся в люке. Корабль закрылся и басовито загудел, порывая и вздрагивая.

– Погодите! – выговорил наконец Артур и бросился к кораблю. – Погодите! Что это значит? А ну, стой!

Корабль поднялся в воздух, словно бы сбросив свой вес на землю, как плащ, и чуть покачнувшись. Причудливым зигзагом он взмыл в сумеречное небо, миновал слой облаков, подсветив их изнутри на короткое мгновение, а затем исчез, оставив Артура посреди беспредельной черной земли махать кулаками в направлении догорающей зари.

– Что? – вопил он. – Что ты сказал? А ну-ка повтори! Вернись и повтори, что ты сказал!

Артур прыгал и махал кулаками, пока у него не подкосились ноги, и вопил, пока не запершило в горле. Никто не ответил ему. Его никто не слышал, и никто ничего не мог ему повторить.

Корабль пришельца уже несясь с ревом в верхних слоях атмосферы, направляясь в жуткую пустоту, которая разделяет то небольшое, что существует во Вселенной.

Его пилот, холёный инопланетянин, откинулся на спинку единственного кресла в кабине. Звали его Долбаггер Удлинившийся Бесконечно¹, и у него была цель в жизни. Не бог весть какая возвышенная цель, отметили бы многие, но все-таки цель, к достижению которой можно было стремиться.

Долбаггер Удлинившийся Бесконечно был – да и сейчас остается – одним из весьма немногих во Вселенной бессмертных существ.

Те, чье бессмертие – врожденное, инстинктивно умеют с ним справляться, но Долбаггер не принадлежал к их числу. Он люто ненавидел эту когорту – сборище равнодушно-безмятежных кретинов. Его наградил бессмертием неудачный эксперимент с ускорителем иррациональных частиц, консервами «Завтрак юриста» и противорадикулитным бандажом. Детальное описание эксперимента не имеет большого значения, потому что никому с тех пор не удавалось в точности повторить все его условия, и довольно многие пытавшиеся потом выглядели очень глупо или очень скверно – или и то, и другое вместе.

Долбаггер мрачно и устало закрыл глаза, пустил какой-то джазец по корабельной стереосистеме и подумал, что мог бы, в принципе, жить, если бы не воскресные полдни – да, точно мог бы жить.

Поначалу это было забавно. Он веселился на всю катушку, ставил жизнь на карту, наживался на долгосрочных вкладах и просто видел в гробу решительно всех.

Но постепенно выяснилось, что воскресные полдни – это то, чего он не переносит. Жуткая огульная млявость, воцаряющаяся примерно без пяти минут три, когда ты понимаешь, что принял уже все души, которые можно принять за сегодняшний день без вреда для здоровья; что, сколько ни смотри в газету, ни на какой странице уже не прочитаешь ни одной интересной статьи и не применишь новой революционной **техники подрезания**, которая в ней рекламируется; и что стрелки всех часов неумолимо приближаются к четырем часам – времени, когда начнется долгое сумрачное чаепитие души.

И жизнь начала утомлять Долбаггера. Счастливые улыбки, которыми он озарял чужие похороны, скисли. Долбаггер возненавидел Вселенную в целом и каждого ее обитателя в частности.

Тогда-то он и задался своей целью – целью, к достижению которой можно было стремиться и, судя по всему, стремиться вечно. Вот что это была за цель.

Он решил оскорбить Вселенную.

То есть, оскорбить всех и каждого в ней – персонально, в лицо и – Долбаггер не боялся трудностей! – в алфавитном порядке.

Когда ему указывали – редко, крайне редко – что затея его не только бессмысленна и

¹ Возможно, кому-то из читателей памятна почтительная формула, бывшая в ходу у толкиеновских гномов: «Да удлинится бесконечно твоя (его, ее) борода!» В некоторых вариантах этого выражения, имевших хождение в околотолкиенистических и ролевых кругах, вместо бороды фигурировали другие части тела и предметы, бесконечное удлинение которых было бы столь же забавно, сколь неуместно. Видимо, в связи с этим приветствие постепенно сократилось до безлогого «Да удлинится бесконечно!» – без уточнений, что именно. (Прим. перев.)

глупа, но и попросту невыполнима, так как огромное число людей рождается и умирает каждую секунду, взгляд Долбаггера делался холодным, и он спрашивал: «Что же, и помечтать нельзя?»

И он пустился в путь. Свой выстроенный по последнему слову техники корабль он оснастил штурманским компьютером, способным хранить в своей памяти и отслеживать перемещения всего населения обитаемой Вселенной. Компьютер прокладывал ему курс.

Корабль шел через орбиты планет системы Соль, готовясь обогнуть солнце и выйти в межзвездное пространство.

– Компьютер, – позвал Долбаггер.

– Я, – отозвался компьютер.

– Кто следующий?

– Работаем над этим.

Долбаггер поглазел на фантастическое драгоценное убранство ночи, миллиарды миллиардов крохотных алмазных пылинок-миров, освещавших своим блеском бесконечную черноту. Каждая из них, каждая крохотная пылинка значилась в его списке. А большинство из них ему предстоит посетить еще миллионы и миллионы раз.

Долбаггер вообразил себе свой маршрут линией, соединяющей все точки на небе, как в головоломке для малышей. Его порадовала мысль, что для наблюдателя в какой-нибудь точке Вселенной эти линии могут спроецироваться в весьма и весьма неприличное слово.²

Компьютер немелодично пискнул, сигнализируя, что расчеты выполнены.

– Фольфанга, – объявил он и пискнул снова. – Четвертая планета системы Фольфанга. – Еще писк. – Предполагаемое время в пути – три недели. – Еще писк. – Там проживает слизняк А-Р-Турф-Илипден У.

Компьютер подумал еще немного, потом пискнул и добавил:

– Мне кажется, вы решили назвать его безмозглым тупицей.

Долбаггер хмыкнул. Пару секунд он созерцал величие мироздания в иллюминаторе.

– Пожалуй, пойду вздремну, – сказал он, а потом спросил: – Что тут ловится?

Компьютер пискнул:

² Доказать, что в бесконечном множестве знаковых систем с необходимостью найдется такая система, в которой проекция некоторой произвольной многомерной фигуры на базис-вектор пространства этой системы означает неприличное слово, при условии, что в знаковых системах вообще существуют неприличные слова (что очевидно), предоставляется пытливому читателю. В доказательстве можно воспользоваться леммой о том, что в бесконечном множестве кодировок с необходимостью найдется такая, в которой некоторый достаточно длинный фрагмент числового представления числа π кодирует картинку с сиськами. Сама лемма доказывается по индукции, базирующейся на утверждении, что фрагмент числового представления числа π единичной длины, а именно 3, очевидно кодирует картинку с сиськами.

Из этого факта переводчик с необходимостью и глубоким удовлетворением приходит к выводу, что жаловаться на жизнь в таком мире по меньшей мере неумно. (Прим. перев.)

– “Общественное Космовидение”, “Экстрим-Романтика” и “Планета Животных”, – ответил компьютер, пискнув ещё раз.

– Что-нибудь, что я смотрел меньше тридцати тысяч раз?

– Нету.

– Ох-х...

– Есть «Секс в Большом Космосе». Его вы смотрели всего тридцать три тысячи пятьсот семнадцать раз.

– Ну, разбуди меня ко второй рекламе.

Компьютер пискнул.

– Приятных сновидений, – сказал он.

Корабль умчался в черную ночь.

Тем временем на земле лил холодный дождь, и Артур Дент сидел в пещере в самом, может быть, тухлом настроении за всю свою жизнь, придумывая достойные ответы пришельцу и гоняя мух, которые тоже были настроены весьма тухло.

На следующий день он смастерил себе сумку из шкурки кролика, решив, что в ней неплохо будет носить всякие мелкие вещички.

II

Солнечным и свежим утром того же дня два года спустя Артур вышел из пещеры, которую он решил называть своим домом, пока не придумается название получше или не найдется получше пещера.

Хотя в горле у него еще першило от ежеутреннего вопля ужаса, Артур неожиданно вдруг пришел в невероятно чудесное расположение духа. Он оправил на себе остатки одежды и улыбнулся солнцу.

Воздух был прохладен и полон утренних ароматов. Ветерки пробегали по высокой траве вокруг пещеры, птички чирикали друг на друга, изящно порхали там и сям бабочки, и вся природа, казалось, изо всех сил старалась доставить Артуру столько удовольствия, сколько только может.

Но не эта буколическая идиллия привела Артура в такое прекрасное настроение. Только что ему в голову пришла великолепная идея о том, как превозмочь невыносимые тяготы одиночества, ночные кошмары, полное крушение всех попыток наладить сельское хозяйство и жуткое ощущение безбудущности и бессмысленности всей его жизни здесь, на доисторической Земле. Артур решил, что сойдет с ума.

Он снова широко улыбнулся, впился зубами в кроличью ножку, оставшуюся с ужина, с нескрываемым удовольствием погрыз ее, а потом решил объявить во всеуслышание о своем решении.

Артур поднял голову и оглядел окрестные холмы и луга. Чтобы придать больше веса своим словам, Артур воткнул в бороду кроличью косточку. Он воздел руки к небу:

– Я с ума сойду! – воскликнул он.

– Отличная мысль, – одобрил Форд Префект, спрыгивая с ветки, на которой он сидел.

Челюсть Артура начала совершать возвратно-поступательные движения вверх-вниз.

– Я тоже сходил, – продолжал Форд. – Кайф – немеряный. Прикинь... – начал было Форд, но Артур, чей мозг снова начал функционировать, перебил его:

– Где ты был?!

– Да так, везде, – отвечал Форд. – Тусовался, – и Форд озарил Артура улыбкой, которая, как он безошибочно рассчитал, заставит его заскрипеть зубами. – Я просто отправил свой разум в отпуск. Решил, что если я так уж сильно понадобится этому миру, то он меня найдет. И он нашел!

Форд вынул из своего страшно потрепанного и износившегося теперь рюкзака свой суб-Ф-ирный сенс-О-мат.

– По крайней мере, – добавил он, – мне так показалось. Вот эта штука вдруг ожила.

Форд поднял сенс-О-мат к глазам.

– Если это была ложная тревога, я сойду с ума, – сказал он. – Обратно.

Артур потряс головой и сел. Он поднял глаза на Форда.

– Я думал, ты умер, – выговорил он.

– Я тоже так думал одно время, – сказал Форд, – а потом еще пару недель я думал, что я – лимон. Я прикололся нырять с разбегу в джин-тоник и выныривать из него. Входит и выходит, знаешь?

Артур прочистил горло и попробовал еще раз:

– Где ты... – начал было он.

– Где я нашел джин-тоник? – улыбнулся Форд. – Мне подвернулось одно озерцо, которое думало, что в нем джин-тоник. Я прикололся нырять в него с разбегу. Ну, по крайней мере, я решил, что оно думает, что в нем джин-тоник. А может быть, – добавил Форд с улыбкой, от которой взрослым мужчинам неудержимо хотелось залезть на дерево и притаиться, – может быть, я просто все это придумал.

Он подождал реакции Артура, но Артур знал Форда не первый день.

– Допустим, – сказал Артур мрачно.

– Понимаешь, смысл-то в том, – объяснил Форд, – что нет никакого смысла с ума сходить, стараясь изо всех сил не сойти с ума. Можно просто сойти с ума и сберечь силы и рассудок.

– И ты свой сберег? – спросил Артур. – Нет, я так просто спрашиваю.

– Я был в Африке, – ответил Форд.

– В Африке?

– Ага.

– Ну, и как там?

– А это как бы твоя пещера? – спросил Форд.

– Ну... как бы да, – ответил Артур. Он чувствовал себя двояко. С одной стороны, после четырех лет полного одиночества он обрадовался Форду едва ли не до слез. С другой стороны, Форд был и остался совершенно невыносимым человеком.

– Отвал башки, – Форд оглядел пещеру Артура. – Как тебе удастся здесь жить?

Артур позволил себе не отреагировать.

– В Африке было очень прикольно, – сказал Форд. – Я там отрывался в полный рост.

Форд задумчиво поглядел в пространство.

– Я занимался там вивисекцией, – припомнил он с улыбкой. – Нет, исключительно как любитель.

– Да? – осторожно отреагировал Артур.

– Что да – то да! – заверил Форд. – Не буду заморачивать тебя подробностями, потому

что ты можешь...

– Могу что?

– Можешь заморочиться. Но, возможно, тебе будет прикольно узнать, что я собственноручно и единолично придал его нынешний облик животному, которого в более средние века будут называть жирафом. Еще я учился летать. Не веришь?

– Отчего же? – отозвался Артур.

– Потом расскажу подробно. В «Путеводителе» написано...

– Где написано?

– В «Путеводителе». «Путеводителе вольного путешественника по Галактике». Забыл?

– Нет, почему же. Я помню, что выкинул его в реку.

– Ага, – подтвердил Форд, – а я его выловил.

– Этого ты мне не говорил.

– Я же не хотел, чтобы ты выкинул его снова.

– Разумно, – признал Артур. – Так там написано?

– Чего?

– В «Путеводителе» написано – ?

– Там написано, – ответил Форд, – что секрет полета... или, скажем, прикол – в том, чтобы научиться бросать себя на землю и промахиваться.

Форд смущенно улыбнулся и показал на коленки своих штанов, а потом поднял руки и показал свои локти. И колени, и локти его были основательно побиты.

– Особых успехов я не достиг, – сказал он.

Наконец, он протянул руку.

– Слушай, Артур, блин! Я так рад тебя видеть!

Артур снова энергично потряс головой, стряхивая изумление, шок и лапшу с ушей.

– Я не видел ни одной живой души уже несколько лет, – сказал он. – Ни души. Я с трудом вспомнил, как говорить. Стал забывать слова. Нет, я стараюсь упражняться. Я упражняюсь разговаривать с... этими, ну, как их... ну, с которыми если разговариваешь, то всем ясно, что ты сошел с ума? Как Георг Третий.

– Короли? – подсказал Форд.

– Да нет! Эти, с которыми он разговаривал... Да их же полным-полно вокруг, ну! Я сам их сажал сотнями... все погибли... О! Деревья! Я упражняюсь в разговорах с деревьями. Это чего?

Форд все еще протягивал руку. Артур глядел на нее, не понимая.

– Привет, – сказал Форд. – Это – привет.

Артур пожал руку, сперва осторожно, словно она собиралась превратиться в рыбу, затем прочувствованно и яростно, обеими руками, не переставая, не в силах совладать с собой, и тряс и тряс ее, пока спустя какое-то время Форд не почувствовал, что церемония затянулась.

Они поднялись на вершину ближайшего холма и обозрели оттуда окрестности.

– Как там наши гольгафринчуки? – спросил Форд.

Артур пожал плечами.

– Большинство не пережило суровую зиму три года назад. – ответил он. – Те, что выжили, весной устроили выездной бизнес-семинар – построили плот и уплыли куда-то... Из истории мы знаем, что они выжили.

– Гм... – промолвил Форд. – Ну-ну.

Форд упер руки в пояс и еще раз оглядел необитаемую планету. От него вдруг повеяло целеустремленностью и энергичностью.

– Пошли! – позвал он, хлопнув в ладоши от нетерпения.

– Куда? Зачем? – встревожился Артур.

– Не знаю, – сказал Форд. – но идти надо. Вперед! Нас ждут великие дела! – Форд снизил голос до шепота и добавил: – Я обнаружил протечки.

Форд поднял голову и встал в позе, которая ясно показывала, что он был бы не против, если бы налетевший порыв ветра красиво растрепал его волосы. Но ветер в данный момент игрался внизу с какими-то листьями.

Артур попросил повторить, потому что не уловил смысла. Форд охотно согласился.

– Какие протечки? – переспросил Артур.

– Протечки времени-пространства, – ответил Форд. В этот момент как раз налетел порыв ветра, но Форд успел подставить ему только зубы. Артур кивнул понимающе и спросил осторожно:

– Речь идет о какой-нибудь вогонской сантехнике? Или вообще об чем речь?

– Завихрения, – пояснил Форд. – Завихрения в пространственно-временном континууме.

– Вон как, – покачал головой Артур. Он засунул руки в карманы халата и понимающе поглядел вдаль. – А что именно?

– Чего? – не понял Форд.

– Ну, что именно звать хренью?

Форд сердито обернулся к нему:

– Да ты не слушаешь!

– Я слушаю, слушаю, – возразил Артур. – Только от этого легче не делается.

Форд взял Артура за обшлага халата и принялся втолковывать ему так медленно и терпеливо, как будто Артур работал в телефонной компании в отделе платежей.

– Я обнаружил, – сказал он. – Участки. Нестабильности. В ткани... – тут Артур глуповато поглядел на обшлага халата, за которые держал его Форд, но Форд не дал ему сопроводить глуповатый взгляд глуповатой репликой. – В ткани времени-пространства!

– А, в этой ткани! – с облегчением выдохнул Артур.

– Вот именно! – закончил Форд.

Они стояли на вершине холма посреди доисторической Земли и, не отрываясь, глядели друг другу в глаза.

– Так что случилось с этой тканью? – спросил снова Артур.

– В ней образовались участки нестабильности, – ответил Форд.

– Не может быть! – Артур не отводил глаз ни на мгновение.

– Смогло, – взгляд Форда был столь же подвижен.

– Отлично, – сказал Артур.

– Теперь понял? – спросил Форд.

– Нет, – ответил Артур.

Воцарилось молчание.

– Проблема с этим разговором в том, – промолвил Артур, когда задумчивое выражение постепенно овладело его лицом, как альпинист, вскарабкивающийся на хитрый и сложный контрфорс, – что он слишком не похож на все разговоры, которые у меня были в последнее время. Как я уже сказал, это были в основном разговоры с деревьями. С деревьями это по-другому. Ну, разве что с некоторыми дубами...

– Артур, знаешь, что? – спросил Форд.

– Нет, – отозвался Артур. – Что?

– Ты просто верь во все, что я говорю. И все станет очень-очень просто.

– Да? Что-то не верится.

Они присели, погрузившись каждый в свои мысли.

Форд достал свой суб-Ф-ирный сенс-О-мат. Он тихонько жужжал и время от времени подмигивал маленькой лампочкой.

– Батарейка садится? – спросил Артур.

– Нет. – ответил Форд. – Это нестатическое нарушение в ткани времени-пространства. Завихрение. Водоворот. Участок нестабильности. И он где-то совсем неподалеку от нас.

– Где? – спросил Артур.

Форд поводил устройством на вытянутой руке. Внезапно лампочка вспыхнула ярко.

– Вон там! – воскликнул Форд, указывая рукой, – Вон там, в направлении вон того дивана!

Артур посмотрел туда. К своему изумлению, посреди луга он увидел обитый темным бархатом честерфилдовский диван. Артур глубокомысленно раскрыл рот. Нелицеприятные вопросы завертелись у него на языке.

– Откуда тут посреди луга диван? – спросил он.

– Я же объяснял! – воскликнул Форд, вскакивая на ноги. – Это завихрения в пространственно-временном континууме!

– Почему же хренью? – Артур тоже вскочил на ноги, хотя и не надеялся прийти в себя ногами.

– Врубись уже! – кричал на бегу Форд. – Этот диван попал сюда из-за пространственно-временной нестабильности. Я уже полчаса пытаюсь вбить эту мысль в твои окончательно одубевшие мозги. Произошла протечка в континууме, и его занесло к нам. Суть в том, что мы должны поймать его. Это наш единственный шанс выбраться отсюда!

Форд скатился по каменистой осыпи и побежал по лугу.

– Поймать? – недоуменно пробормотал Артур и тотчас же с неудовольствием увидел, что диван, лениво покачиваясь над травой, дрейфует вдаль.

Неожиданно для себя издав тарзаний вопль восторга, Артур скатился по склону холма и бросился догонять Форда Префекта и сюрреалистическую мебель.

Они бежали, дико подскакивая, по траве, хохоча и выкрикивая друг другу «Держи его!» и «Загоняй давай!». Солнце пригревало сонно покачивающуюся на ветру траву. Мелкие полевые зверьки порскали из-под ног. Артур был счастлив. Сегодня с самого утра ему все удавалось. Всего двадцать минут назад он решил сойти с ума, и вот – он уже гонится по просторам доисторической Земли за честерфилдовским диваном!

Диван же лениво плавал в воздухе и казался одновременно и вещественным, как деревья, когда стукался об одни из них, и призрачным, как сон, когда проплывал, не задевая, сквозь другие.

Форд и Артур нагнали диван, но тот ловко уворачивался от них, словно бы следуя своей собственной сложной топографии пространства – как оно на самом деле и было. Они не сдавались, а диван танцевал и вертелся в воздухе. Вдруг он развернулся и спикировал вниз, словно по графику драматически убывающей функции, и Форд с Артуром оказались прямо перед ним. С молодецким гиканьем они запрыгнули на диван; солнце померкло, они рухнули в тошнотворное ничто и – возникли снова посреди крикетного поля на стадионе «Лордз» в Сент-Джонс-Вуд, Лондон, во втором периоде финала чемпионата на кубок Австралии тысяча девятьсот восемьдесят ...ятого года, когда английской команде оставалось всего двадцать восемь пробежек до победы.

Важнейшие факты галактической истории, факт №1 (цитируется по "Ежезвездногоднику галактической истории и обществознания", рубрика "Знаете ли вы, что..."):

...Ночное небо над планетой Криккит – самое безынтересное зрелище во Вселенной?

III

Погода над стадионом «Лордз» стояла прекрасная. Внезапно из пространственно-временной аномалии выпали Форд с Артуром и довольно чувствительно приложились к твердой почве.

Раздался гром аплодисментов. Они предназначались не Форду с Артуром, но те невольно поклонились, что было для них большим везением, потому что маленький, но очень увесистый красный мячик – которому, собственно, и аплодировали зрители – просвистел всего лишь в нескольких миллиметрах над головой Артура. На трибуне кто-то упал, взмахнув руками.

Форд и Артур бросились на землю, которая, казалось, предательски вращается под ними.

– Что это было? – шепотом спросил Артур.

– Что-то красное, – так же шепотом ответил Форд.

– Где мы?

– Мы? На чем-то зеленом.

– Подробнее, – попросил Артур. – На что это похоже?

Аплодисменты быстро сменились возгласами изумления и недоуменным хмыканьем сотен людей, которые еще не решили для себя, поверить своим глазам или нет.

– Та-ак, граждане! Мебель ваша? – спросил голос.

– Что это было? – спросил Форд.

Артур поднял глаза.

– Что-то синее, – ответил он.

– На что похоже? – спросил Форд.

Артур посмотрел еще раз.

– На полицейского, – ответил он шепотом, и брови его угрожающе наползли одна на другую.

Некоторое время, нахмурившись до предела, Форд и Артур смотрели в землю. Потом синее, похожее на полицейского, постучало их по плечам.

– Пройдемте, граждане, – сказала оно.

Эти простые слова подействовали на Артура, как удар током. Он вскочил, точно начинающий писатель от телефонного звонка, и безумным взором огляделся вокруг. Образы увиденного вдруг сложились в ужасающе обыденную и знакомую картину.

– Где ты все это взял? – заорал он на полицейского.

– Не понял, – оторопел полицейский.

– Это же стадион «Лордз», правильно? – кричал Артур. – Где ты его взял? Как ты его сюда притащил??? Похоже, – добавил он, хватаясь за голову, – мне надо успокоиться.

С этими словами он с размаху уселся на землю перед Фордом.

– Это полиция, – сказал он слабым голосом. – Что будем делать?

Форд пожал плечами.

– А чего бы тебе хотелось? – поинтересовался он.

– Мне хотелось бы, – ответил Артур, – чтобы ты сказал мне, что последние пять лет мне приснились.

Форд снова пожал плечами и исполнил просьбу:

– Последние пять лет тебе приснились, – сказал он.

Артур встал на ноги.

– Все нормально, гражданин констебль, – сказал он. – Последние пять лет мне приснились. Вот хоть его спросите, – добавил он, указывая на Форда. – Он там тоже был.

Произнеся такую речь, Артур направился было к краю поля, счищая какой-то сор со своего халата. Потом Артур обратил внимание на халат и замер. Он дико поглядел на него, а потом бросился обратно к полицейскому:

– А откуда тогда на мне это? – взвыл он, пошатнулся и рухнул на траву.

Форд покачал головой.

– Это у него давно, уже два миллиона лет, – объяснил он полицейскому, и вдвоем они погрузили Артура на диван и потащили с поля. Внезапное исчезновение дивана лишь ненадолго задержало их.

Зрители реагировали на происходящее богато и разнообразно. Большинство отказалось верить своим глазам и вместо этого слушало комментаторов.

– Да, Брайен, я согласен, это очень интересное событие, – говорил один комментатор другому. – Я не припомню никаких таинственных материализаций на поле с... с... да вообще не припомню! Никогда еще...

– Ну, почему же никогда? А как же Эджбастон, сезон 1932-го года?

– И что же случилось тогда?

– Ну, как же, Питер! Кэнтер стоял в защите, а Уилкоккс подавал, как вдруг на поле выбежал зритель!

Первый комментатор помолчал, вспоминая:

– Гм... Безусловно, Брайен, но ведь ничего таинственного в этом не было. Он не возник посреди поля из ничего – он выбежал на поле.

– Это верно, но он утверждал впоследствии, что увидел, как что-то возникло на поле!

– И что же это было?

– Крокодил! По его словам, что-то вроде крокодила!

– Невероятно. Кто-нибудь еще это видел?

– Насколько я знаю, нет. Кроме того, никто не смог добиться от него членораздельного ответа, поэтому по полю только наскоро прошлись граблями.

– И что было потом?

– Если не ошибаюсь, его увели и предложили подкрепиться, но он сказал, что уже неплохо заправился перед матчем, поэтому дело замяли, и Уорвикшир победил с отрывом в три калитки.

– В общем, не очень похоже на сегодняшний день. Тем, кто только что присоединился к нам, думаю, будет интересно узнать, что двое, э-э, одетых довольно странно мужчин и самый настоящий диван – ведь это честерфилд, я не ошибаюсь?..

– Самый настоящий честерфилд!

– ... только что возникли из воздуха в центре стадиона «Лордз». По-моему, они не имели в виду ничего дурного, они ведут себя вполне пристойно, и...

– Прошу прощения, Питер, я должен перебить и сообщить, что диван только что исчез снова.

– Да, именно так. Одной загадкой меньше. Несмотря на это, думаю, сегодняшний день войдет в летопись английского крикета, если учесть, что произошло это в один из самых

драматических моментов сегодняшней игры, когда всего двадцать четыре пробежки отделяют английскую команду от победы в чемпионате. Сейчас полицейский уводит этих людей с поля, и, я думаю, через минуту игра продолжится.

– А теперь, – сказал полицейский Форду, когда они протолкались через толпу любопытных и уложили безмятежное тело Артура на носилки, – потрудитесь объяснить, кто вы такие, откуда взялись, и что все это значит?

Форд поглядел на землю, словно собираясь с мыслями, а потом поднял голову и одарил полицейского взглядом, в котором были заключены все шестьсот световых лет расстояния от Земли до родной планетки Форда в окрестностях Бетельгейзе – все до последнего дюйма.

– Сейчас я всё объясню, – промолвил Форд.

– Ну, ладно, ладно, – забормотал полицейский, – всё можете не объяснять. Главное, никогда больше так не делайте.

Полицейский тихо отступил и бросился на поиски кого-нибудь, кто не был бы родом с Бетельгейзе. К счастью, таких на стадионе было полным-полно.

Сознание возвращалось в тело Артура издалека и неохотно. Оно слишком хорошо помнило, как несладко ему приходилось порой в нем. Наконец, решившись, оно вошло в тело, потопталось и устроилось в привычном положении.

Артур сел.

– Где я? – спросил он.

– Стадион «Лордз», – ответил Форд.

– Как славно, – сказал Артур, и сознание снова покинуло его, решив еще немного подышать свежим воздухом. Тело его распласталось на траве.

Через десять минут в буфете стаканчик чая начал возвращать румянец на бледные заросшие щеки Артура.

– Как ты? – спросил Форд.

– Я дома, – хрипло выговорил Артур. Он закрыл глаза и жадно вдохнул пар, поднимавшийся от чая, как если бы это был – как если бы это был настоящий чай, каковым он, в сущности, и был.

– Я дома, – повторил Артур. – Дома. Это Англия. Сегодня, сейчас. Все это был кошмарный сон. Все кончилось.

Артур открыл глаза и блаженно улыбнулся.

– Я дома, – прочувствованно прошептал он.

– Думаю, я должен сообщить тебе две вещи, – сказал Форд, бросая перед ним на стол номер «Гардиана».

– Я дома, – сказал Артур.

– Ну, как бы, да, – согласился Форд. – Но, во-первых, – он указал на дату под заголовком газеты, – Земля будет уничтожена через два дня.

– Я дома, – шептал Артур. – Чай... Крикет, – добавил он не без удовольствия. – Газоны... Скамейки... Белые рубашки... Пивные банки...

Артур медленно начал наводить фокус на газету. Он наклонил голову и прищурился:

– Эту газету я уже читал, – сказал он. Глаза его поднялись к дате, по которой постукивал пальцем Форд. Лицо его застыло на пару секунд, а потом с ним начал происходить тот медленный и глубокий драматический процесс, который так зрелищно демонстрируют по весне арктические льды.

– А во-вторых, – сказал Форд, – у тебя, кажется, в бороде косточка.

Форд отставил свой чай.

Снаружи и над палаткой с буфетом, лучи солнца ласкали веселых и довольных людей. Они отражались от белых шляп и мокрых красных лысин. Они растапливали эскимо на палочках. Они высушивали слезы малышей, чье эскимо на палочке растаяло и шлепнулось на землю. Солнечные лучи просвечивали сквозь листву деревьев, посверкивали на свистящих крикетных битах, блестели на в высшей степени необычной штукотине, припаркованной за осветительными башнями, и которую, по всей видимости, никто не замечал. Солнечные лучи обрушились на Форда и Артура, вышедших из буфетной палатки и, зажмурившихся, пытаясь оглядеться вокруг.

Артура колотила крупная дрожь.

– Слушай, – начал он, – а что, если...

– Не надо, – коротко сказал Форд.

– Чего не надо? – спросил Артур.

– Не надо звонить самому себе домой.

– Как ты догадался?

Форд неопределенно пожал плечами.

– А почему, собственно, не надо? – спросил тогда Артур.

– Из разговора с самим собой по телефону, – ответил Форд, – много полезного не узнаешь.

– Разве?

– А как ты думаешь?

Форд взял из воздуха воображаемую телефонную трубку и набрал воображаемый номер на воображаемом диске.

– Алло, – сказал он в трубку. – Это Артур Дент? Добрый день, говорит Артур Дент. Видишь ли, дело в том, что ты – это я. Погоди, не ве...

Форд огорченно посмотрел на воображаемую трубку:

– Бросил трубку, – сказал он, пожав плечами, и пристроил воображаемую трубку обратно на воображаемые рогульки.

– Я бывал в петле времени, – добавил он.

Мрачный Артур сделался еще мрачнее.

– Так, выходит, мы не въезжаем в город на белом коне, – промолвил он.

– Да нет, – подтвердил Форд. – Даже не на паре гнедых, запряженных зарею.

Матч продолжался. Подающий двинулся к калитке – сперва шагом, потом быстрым шагом, потом бегом; потом он вдруг превратился в вихрь рук и ног, из которого вылетел мяч. Защитник развернулся и мощно отбил мяч вверх, к осветительным вышкам. Форд взглядом проследил его полет – и замер, вздрогнув. Он снова проделал глазами ту же дугу – и снова зрачок у него дернулся.

– Слушай, а ведь это не мое полотенце, – сказал Артур, копавшийся в своей кроликовой сумке.

– Тихо, – сказал Форд. Он изо всех сил скосил глаза, стараясь сосредоточиться.

– У меня было гольгафринчумское спортивное полотенце, – не унимался Артур, – синее с желтыми звездами. А это совсем другое.

– Да тихо ты, – повторил Форд. Он закрыл один глаз рукой и всматривался во что-то другим.

– Розовое какое-то, – продолжал Артур. – Это ведь не твое?

– Я бы очень попросил тебя заткнуться со своим полотенцем, – прошипел Форд.

– Да это не мое полотенце, – возразил Артур, – я же о чем тебе и го...

– И я бы очень попросил тебя сделать это, – Форд с шипения перешел на тихий грозный рык, – прямо сейчас!!!

– Ну, ладно, ладно, – сказал Артур, запихивая полотенце обратно в грубо сшитую сумку из кроличьей шкурки. – Я понимаю, что в космическом масштабе это, наверно, не важно. Просто как-то непонятно, верно? Было синее с желтыми звездами, а стало вдруг розовое...

Форд же начал вести себя странно. Точнее, не то, чтобы он вдруг начал вести себя странно, а до того вел себя совершенно нормально; нет, он начал вести себя не так странно, как прежде – а по-другому. Вот что он принялся делать: не обращая внимания на удивленные взгляды окружающих, он то быстро махал руками у себя перед носом, то приседал за чьи-то спины, то подпрыгивал над чьими-то головами, то стоял неподвижно, часто моргая. Спустя пару минут такого поведения он начал медленно двигаться вперед, нахмурившись озадаченно, как леопард, которому вдруг показалось, что он только что увидел в миле отсюда посреди жаркой и пыльной саванны открытую баночку «Вискаса».

– Слушай, да и сумка-то не моя! – воскликнул вдруг Артур.

Форд отвлекся и сбился. Со свирепым лицом он обернулся к Артуру.

– Про полотенце я уже ничего не говорю, – принялся оправдываться Артур. – С ним все понятно, оно не мое. Но, смотри, ведь вся сумка, в которую я положил полотенце – это же не моя сумка, она только похожа на нее, как две капли воды. И, ты как хочешь, а я лично считаю, что это все очень странно и подозрительно. Тем более, что ту сумку я смастерил своими руками на доисторической Земле. И потом – это не мои камешки, – добавил Артур, вычерпывая из сумки горсть серой речной гальки. – Я коллекционировал интересные камешки. А эти – ты же сам видишь, они совершенно неинтересные!

Рев восторга пронесся над стадионом и заглушил то, что Форд сказал в ответ на сообщение Артура. Мячик, который вызвал у зрителей такую бурную реакцию, упал с неба и приземлился точнехонько в таинственную сумку из кроличьей шкурки, висевшую на боку у Артура.

– Вот тебе и еще одно, я бы сказал, чрезвычайно странное событие, – заметил Артур, быстро закрыв сумку и притворившись, будто ищет мячик в траве.

– Нет, здесь его нет, – сказал он мальчишкам, немедленно выросшим из-под земли возле него и присоединившимся к поискам. – Укатился куда-то. Во-он туда, кажется, – и Артур махнул рукой в том направлении, в котором ему хотелось бы, чтобы мальчишки удалились. Один из них внимательно оглядел Артура.

– У тебя все дома, дядя? – спросил мальчик.

– Нет, – ответил Артур.

– Почему у тебя в бороде косточка? – спросил мальчик.

– А я учу ее тому, что где родился, там и пригодился, – Артур сам загордился выданной фразой. Как раз то, что нужно для воспитания молодежи – коротко, емко, остроумно и поучительно.

– Вона, – сказал мальчик, склонив голову набок и задумавшись. – Как тебя зовут, дядя?

– Дент, – ответил Артур. – Артур Дент.

– Придурок ты, Дент, – промолвил мальчик. – И лишенец.

Мальчик поглядел по сторонам, показывая, что он вовсе не торопится спастись бегством, а потом побрел куда-то, ковыряясь в носу. Артур вдруг вспомнил, что через два дня

Земля будет уничтожена, и впервые подумал об этом без особого трагизма.

Вынесли новый мячик, игра возобновилась, солнце принялось светить по-прежнему, а Форд снова принялся прыгать, приседать, вертеть головой и жмуриться.

– Ты что-то задумал – я угадал? – спросил Артур.

– Мне кажется, – ответил Форд голосом, который, как Артур уже неплохо знал, предвещал что-нибудь совершенно недоступное пониманию, – мне кажется, что тут работает НеНаУД.

Форд протянул руку. Станным образом, показывал он вовсе не в ту сторону, в которую смотрел. Артур посмотрел сначала в одном направлении – в сторону осветительных вышек, – затем в другом – в сторону поля. Он кивнул. Потом пожал плечами. Потом пожал плечами еще раз.

– Что тут работает?

– НеНаУД.

– Не-...

– ...-На-У-Д.

– И что это значит?

– Не нашего ума дело.

– А. Ну, тогда-то что, – выдохнул Артур. Что это было, он не имел никакого понятия, но, по крайней мере, это уже было позади.

Он ошибался.

– Вон там, – сказал Форд, снова указав на осветительную вышку, а глядя на площадку подачи.

– Где? – не понял Артур.

– Там! – повторил Форд.

– А, вон что, – протянул Артур.

– Что? – вскинулся Форд.

– Что – что? – не понял Артур.

– Ты видишь НеНаУД? – Форд был терпелив.

– Но ты же вроде сказал, что это – не нашего ума дело?

– Ну, да, правильно.

Артур кивнул – медленно, задумчиво и с выражением безмерной глупости на лице.

– Вот я и спрашиваю, – продолжал Форд, – Ты его видишь?

– А ты?

– Я уверен.

– Ну, и на что это похоже? – спросил Артур.

– Откуда же мне знать, дятел! – воскликнул Форд. – Если ты его видишь, так ты мне и скажи!

Артур почувствовал тупую боль в висках – спутник великого множества его бесед с Фордом. Рассудок его испуганно забился в угол, как щенок в конуре. Форд взял Артура за руку.

– НеНаУД, – сказал он, – это что-то, чего мы не можем видеть. Или не хотим видеть. Что-то, чего наш мозг не позволяет нам увидеть, потому что мы думаем, что это не наше дело. Вот что такое НеНаУД. Не Нашего Ума Дело. Мозг просто вырезает это из кадра. Это

как слепое пятно. Если смотреть прямо на него, то ты его не увидишь, пока не будешь точно знать, что это такое. Единственный шанс – это увидеть его неожиданно краешком глаза.

- А-а, – протянул Артур. – Так вот зачем ты...
- Именно, – подтвердил Форд, который знал все, что Артур собирался сказать.
- ...прыгал и приседал и...
- Именно за этим.
- ...и жмурился...
- Да, да!
- ...и все время...
- Ну, кажется, ты понял, да?
- Да, теперь все ясно, – сказал Артур. – Это звездолет.

В ту же секунду Артура чуть не сбил с ног единодушный вопль зрителей. Люди со всех сторон побежали во все стороны, сталкиваясь друг с другом и крича во все горло. Воцарился страшный беспорядок. Ошеломленный, Артур попятился и испуганно огляделся вокруг. Потом оглянулся снова, еще более ошеломленный.

– Восхитительно, вы не находите? – спросил призрак. Призрак плавал перед самым носом Артура – то есть, собственно говоря, в глазах у Артура поплыло все, не только призрак. Челюсть Артура также отдала швартовы.

- Ч-ч-ч... – выплыло из его рта.
- Судя по всему, ваша команда выиграла, – предположил призрак.

– Ч... ч... ч... – повторил Артур, сопровождая каждый редкий звук тычком в спину Форда. Форд с беспокойством наблюдал поднимающуюся суматоху.

- Вы ведь болеете за англичан, не так ли? – спросил призрак.
- Ч... ч... ч... А-а, – ответил Артур.

– Ну, так ваша команда со всей очевидностью, если можно так выразиться, выиграла. Я имею в виду – матч. Это означает, что Прах останется у них. Поздравляю вас. Должен признаться, я весьма симпатизирую крикету. Хотя мне не хотелось бы, чтобы об этом стало известно за пределами этой планеты. Да-с, совсем не хотелось бы.

Призрак улыбнулся, и улыбка его показалась проказливой, но точно определить не удавалось, потому что солнце светило прямо из-за его головы, подсветив его седые волосы и бороду и окружив его голову ослепительным нимбом – картинным, впечатляющим и не очень уживающимся с проказливыми улыбками.

– Впрочем, – добавил он, – все равно ведь через пару дней все будет кончено, не так ли? Хотя, как я и заверил вас в прошлый раз, лично я глубоко сожалею об этом. Но – чему было, тому не миновало.

Артур пытался что-то сказать, но сдался. Он снова ткнул Форда в спину.

– Я уж думал, что-то случилось, – сказал Форд, – а это просто конец матча. Надо выбираться отсюда. О! Старпердуппель! Что ты здесь делаешь?

– Да, знаете ли, совершенно случайно проходил мимо, и... – начал было старец, но Форд не дал ему закончить:

- Тачка твоя? Подбросишь куда-нибудь, все равно, куда?
- Всему свое время, мой юный друг, – отвечивал старец.
- Нет проблем, – согласился Форд. – Просто эту планету снесут, и довольно скоро.
- Мне это известно, – сообщил Старпердуппель.

- Ну, я только хотел подчеркнуть остроту момента, – сказал Форд.
- Вы это сделали. Благодарю вас.
- И если в такой момент ты считаешь нужным зависать на стадионе...
- Я просто прогуливался!
- То – что ж, корабль твой, тебе и рулить.
- И это верно.
- Дурак бы спорил, – и Форд раздраженно отвернулся.
- Здравствуйте, – выговорил наконец Артур.
- Здравствуй, землянин, – приветствовал его Старпердуппель.
- Да и, в самом-то деле, – промолвил Форд как бы в сторону, – двум смертям не бывать...

Старец пропустил это замечание мимо ушей и продолжил наблюдать за полем, причем в глазах его мелькали искорки, которые никак невозможно было связать с тем, что творилось на поле. А творилось на нем вот что: зрители вышли на площадку и построились посреди нее широким кольцом. Что видел на поле Старпердуппель, для прочих оставалось тайной.

Форд стал напевать себе под нос однообразную короткую мелодийку на двух нотах. Он ждал, что кто-нибудь спросит у него, что это он такое напевает. Тогда Форд ответил бы, что поет припев из песенки «Я схожу с ума, я схожу с ума, мне нужна она, мне нужна она». Тогда спросивший заметил бы ему, что он же поет только одну ноту, а на это Форд ответил бы, что по причинам, за которыми не надо далеко ходить, он не поет слова «мне нужна она». К сожалению, никто не спрашивал Форда об этом.

– Да врубись ты наконец! – не выдержал Форд, – если мы не скипнем отсюда в ближайшее время, то опять попадем в самые кранты-винты. А меня ничто так не огорчает, как уничтожение планеты – разве только если я сам при этом нахожусь на этой планете. Или вот еще, – добавил Форд, снизив голос, – этот ваш крикет.

- Терпение, юноша! – воззвал Старпердуппель. – Нас ждут великие дела!
- Вы это говорили в прошлый раз, – вспомнил Артур.
- И я был прав, – подтвердил Старпердуппель.
- О, да, – признал Артур.

Впрочем, со стороны казалось, что ждет их всего лишь церемония, устроенная скорее для телевидения, чем для зрителей; с того места, где стояли наши друзья, узнать о происходящем можно было лишь из громкоговорителя, висевшего на столбе.

Форд из всех сил проявлял безразличие к происходящему. Он хмурился, пока громкоговоритель рассказывал, что сейчас Прах будет торжественно передан капитану английской команды; всунул руки в карманы, услышав, что это энная по счету победа англичан; продолжил напевать свою песенку все громче, чтобы не слышать, что Прах – это останки крикетной калитки; но узнав, что данная калитка была сожжена в Мельбурне, Австралия, в 1882-ом году “в ознаменование кончины английского крикета”, он повернулся к Старпердуппелю, набрал воздуха в легкие и – ничего не сказал, потому что старца рядом с ним не оказалось. Тот двигался по направлению к полю с невероятной торжественностью в каждом шаге. Его седые длинные волосы, борода и полы белоснежного одеяния развевались на ветру. Так, должно быть, выглядел Моисей, сходящий с Синая, если бы Синай был не огнедышащей горой, каким его обычно изображают, а хорошо подстриженной крикетной площадкой.

- Он сказал, чтобы мы ждали его у корабля... – начал Артур.
- Что еще придумал этот старый Пендальф? – взорвался Форд.

– ...через пару минут, – закончил Артур и пожал плечами, сигнализируя о полном отсутствии мыслей по этому поводу. Они с Фордом начали пробираться к кораблю. Странные звуки доносились до их ушей. Они старались не вслушиваться, но невольно слышали, как Старпердуппель настойчиво требует выдать ему серебряный кубок, в котором хранился Прах, напоминая на то, что это, по его утверждению, жизненно важно для прошлого, настоящего и будущего Галактики, и что требования его вызывают в публике бурное веселье. Форд и Артур решили не обращать ни на что внимания.

Но не обратить внимания на то, что случилось в следующий миг, они не смогли. С таким звуком, будто тысяча человек одновременно сказали “Чпок!”, белый стальной звездолет вдруг материализовался из ниоткуда и возмись прямо над крикетным полем и повис над ним с тихим гудением и мрачной угрозой.

Некоторое время он не совершал никаких действий, словно ожидая, что все продолжат заниматься своими делами и не будут обращать на него внимания.

А потом он совершил нечто весьма необычное. А именно, он раскрылся, и из него появилось нечто необычное – одиннадцать весьма необычных нечт.

То были роботы. Белые роботы.

Необычным же в них было то, что они, по всей видимости, снарядились специально к случаю. Они не только были белыми, но еще и держали в руках штуки, похожие на крикетные биты. Больше того, у них были также штуки, похожие на крикетные мячики. Больше того, на ногах у них были наколенники – необычные, потому что в них были вделаны реактивные сопла, при помощи которых эти весьма продвинутые роботы могли слететь со своего корабля и начать убивать – чем они немедленно и занялись.

– Слушай, – воскликнул Артур, – что это значит?

– На корабль! – скомандовал Форд. – Ничего не желаю знать! Я не слушаю вас! Я вас не слушаю! Это не моя планета! – причитал, переходя на бег рысью. – Я сюда попал нечаянно! Я ни во что не вмешиваюсь! Я только хочу выбраться отсюда и попасть в достойное общество в каком-нибудь достойном заведении!

Над крикетным полем поднялись дым и пламя.

– Похоже, что команда инопланетян хорошо подготовилась к сегодняшней встрече... – взволнованно бубнило радио, которого никто не слушал.

– Что мне нужно, – твердил Форд, поясняя свою мысль, – так это как следует бахнуть в компании себе подобных... – Он замедлил шаг, поймал Артура за руку и потащил его к кораблю: Артур впал в свое обычное при кризисных ситуациях состояние – столбняк.

– Они играют в крикет, – кричал Артур, спотыкаясь, – Честное слово, они играют в крикет! Ума не приложу, зачем, но они делают именно это. Они не просто убивают людей, они их забивают! Форд! – кричал он. – Они нас забивают!

Поверить своим глазам тут мог разве лишь человек, обладающий гораздо большими познаниями в галактической истории, чем Артур приобрел за годы свои странствий. Едва различимые, но крайне свирепые фигуры, носившиеся в клубах дыма, казалось, издевательски пародировали крикетные приемы, с той лишь разницей, что каждый мячик, который подавали их биты, приземляясь, взрывался с оглушительным грохотом. Самый первый взрыв заставил Артура отказаться от мысли, что все это – рекламная выходка экспортеров австралийского маргарина.

И вдруг все кончилось, так же внезапно, как началось. Одиннадцать белых роботов вознеслись над дымящимся полем боя, построились в боевой порядок и с последними вспышками пламени скрылись в недрах своего зловещего белого корабля, который, с таким звуком, будто тысяча человек одновременно сказала “Бздык!”, исчез в никуда, из которого только что выпокнулся.

С секунду над полем стояла жуткая тишина. Затем из дыма появилась белоснежная фигура Старпердуппеля, который стал еще больше похож на Моисея, потому что, хотя горы у него за спиной по-прежнему не было, хорошо подстриженное крикетное поле стало теперь вполне огнедышащим.

Некоторое время он дико озирался, пока не разглядел Артура и Форда, пробивающихся сквозь обезумевшую толпу зрителей, бегущих во встречном направлении. Зрители, очевидно, были поглощены размышлениями о том, что же за денек такой выдался сегодня, и в какую же сторону бежать, поскольку куда-то бежать явно надо.

Старпердуппель отчаянно жестикулировал Форду и Артуру и что-то кричал. Все трое пробирались к его кораблю, который так и стоял, припаркованный за осветительной вышкой. Никто в толпе, мчащейся мимо, не замечал его – всем вполне хватало своих собственных проблем.

– Они почистили трап! – прокричал Старпердуппель своим высоким взволнованным голосом.

– Что ему надо? – спросил Форд, не останавливаясь.

Артур покачал головой:

– Они чего-то там, – ответил он.

– А не хотите ли в пах! – крикнул снова Старпердуппель.

Форд и Артур посмотрели друг на друга и одновременно с сомнением покачали головами.

– Но, судя по голосу, это что-то важное, – Артур остановился и проорал, – Что там такое?

– Они хихикнули трах! – повторил Старпердуппель, не переставая тревожно махать руками.

– Он говорит, – перевел Артур, – что они похитили Прах. Мне так кажется, – и продолжил бежать.

– Чего? – переспросил Форд.

– Ну, Прах, Прах, – повторил Артур, – Пепел сожженной... – Артур сбился с дыхания, – крикетной калитки. Это кубок матча, приз. Они прилетели за ним и похитили его.

На бегу Артур слегка потряхивал головой, словно пытаясь вставить свои мозги в соответствующие им пазы в голове.

– Вот так новость, – пропыхтел Форд.

– Вот так трофей...

– Вот так корабль!

Они достигли корабля.

Не самым удивительным в этом корабле было наблюдать, как работает окружающее его НеНаУД-поле. Артур и Форд ясно видели корабль таким, какой он есть, потому что знали, что он есть. Совершенно очевидно было, однако, что никто, кроме них, его не видит, и причина этого не в невидимости корабля, и не в какой-либо другой гипер-невозможной причине. Технология, делающая что-либо невидимым, так бесконечно сложна, что в 999 999 999 случаях из миллиарда гораздо легче и эффективнее просто взять это что-либо и скрыться с ним в неизвестном направлении.

Ультразнаменитый техномаг Эффрафакс с планеты Вуг однажды побился об заклад головой, что за год сделает совершенно невидимой великую мегагору Маграмал.

Почти год он напряженно работал с огромными ловкостьрукторами,

рефрактор-О-бнутилителями и спектральными наперстк-О-матами, и за девять часов до истечения срока постепенно пришел к выводу, что у него ничего не выйдет.

Тогда он позвонил своим знакомым, а те знакомым знакомых, а те знакомым знакомых знакомых и знакомым знакомых знакомых знакомых, пока среди них не нашелся один почти никому не знакомый знакомый, который случайно оказался директором крупного межзвездного трансгентства. В результате того, что впоследствии было названо самой трудоемкой ночной вахтой в истории Галактики, на следующий день Маграмала не увидел никто. Но Эффрафакс все же проиграл спор – и лишился головы – поскольку один дотошный секундант заметил а) что, прогуливаясь в местности, где должен был высидеться Маграмал, он ни разу не споткнулся и не упал, и б) подозрительную лишнюю луну.

HeHaУД-поле ставится гораздо проще и работает гораздо надежнее, а также, что немаловажно, может работать сотню лет на одной-единственной круглой батарее, поскольку в основе его лежит естественная склонность людей не видеть того, чего они не хотят видеть, не ожидают увидеть или не могут понять. Если бы Эффрафакс покрасил гору розовой краской и поставил на ее вершине простенький дешевый генератор HeHaУД-поля, люди ходили бы под горой, вокруг горы и даже по самой горе, но ни разу не заметили бы ее.

Именно это и происходило сейчас с кораблем Старпердуппеля. Он не был выкрашен розовой краской, но если бы и был, то это было бы самой легко объяснимой деталью его внешнего вида. В любом случае, люди и так совершенно игнорировали факт его присутствия.

Самым же удивительным в этом корабле было то, что он лишь частично выглядел, как звездолет со стабилизаторами, соплами и аварийными люками – а в целом гораздо больше напоминал небольшое открытое итальянское бистро.

Форд и Артур глядели на корабль в изумлении и глубоко оскорбленных чувствах зренья и осязания.

– Я все могу объяснить! – воскликнул Старпердуппель, подбегая к ним, запыхавшийся и крайне возбужденный. – Всему есть причина. Вперед, друзья мои! Древний ужас пробудился! Мрак надвигается! Мы вылетаем немедленно.

– Желательно куда-нибудь, где тепло, светло, и мухи не кусают, – попросил Форд.

Вслед за Старпердуппелем Форд и Артур зашли на корабль, и то, что они увидели внутри него, поразило их так, что они ни малейшего внимания не обратили на то, что случилось снаружи.

Еще один космический корабль, на этот раз стройный и серебристый, опустился с небес на крикетное поле, не поднимая ни шума, ни пыли, и четко, словно танцуя, выпустил шасси.

Корабль приземлился. Он выпустил недлинный трап. По трапу бодро сошел серо-зеленый гуманоид и направился к кучке людей в центре поля, пытавшихся помочь жертвам только что произошедшей тут невероятной бойни. Он отодвигал попадавшихся ему на пути людей со спокойной, властной уверенностью и вскоре оказался возле человека, безнадежно лежащего в луже крови. Земная медицина уже явно бессильна была ему помочь. Он выпускал дух. Пришелец тихо склонился над ним.

– Артур Филип Деодан? – спросил он.

Умиравший с недоумением и страхом в глазах еле заметно кивнул.

– Ты лузер, – прочувствованно произнес пришелец. – Ты жалкий неудачник. Вот теперь умирай на здоровье.

Важнейшие факты галактической истории, факт №2 (цитируется по "Ежезвездногоднику галактической истории и обществознания", рубрика "Цитаты на все случаи жизни"):

С самого зарождения Галактики цивилизации поднимались и обрушивались, поднимались и обрушивались, поднимались и обрушивались так часто, что есть все основания полагать, что жизнь в Галактике

1. страдает расстройством органов равновесия и подвержена морской болезни, космической болезни, временной и исторической болезням и тому подобным неприятностям; и

2. в целом занятие неумное.

IV

Артуру показалось, что небеса вдруг расступились и приняли его в себя.

Ему показалось, что атомы его мозга и атомы космоса проносятся друг через друга.

Ему показалось, что ветер Вселенной уносит его, и что он сам – этот ветер.

Ему показалось, что он – одна из мыслей Вселенной, а вся Вселенная – одна его мысль.

Тем, кто еще оставался на стадионе “Лордз”, показалось, что еще одна кафешка появилась и исчезла, как это часто случается с ними на севере Лондона, и что все это – Не Нашего Ума Дело.

– Что это было? – торжественным шепотом спросил Артур.

– Мы тронулись, – ответил Старпердуппель.

Артур лежал в стартовом кресле. Он так и не смог понять, что он только что получил – сотрясение мозга или мистический опыт.

– Классный движок, – выговорил Форд, безуспешно пытаясь скрыть впечатление, которое произвел на него старт корабля Старпердуппеля. – Дизайн вот только подгулял.

Старец не отвечал. Он изучал приборы с видом человека, пытающегося перевести температуру из градусов по Фаренгейту в градусы по Цельсию, в то время, как его дом горит синим пламенем. Затем лицо его прояснилось, и он поглядел в широкий экран на космос, раскинувший вокруг них безумно сложную паутину из звезд, превращенных скоростью в серебряные нити. Губы его шевелились, словно он читал какое-то заклинание. Внезапно он снова метнул встревоженный взгляд на приборы, но тут же тревога превратилась в деловитую озабоченность. Он снова поглядел на экран. Затем пощупал свой пульс. Брови его нахмурились, а потом наконец лицо его разгладилось.

– Пустое занятие – пытаться понять технику, – сказал он. – Она меня только расстраивает. Что вы сказали, друг мой?

– Да дизайн, – повторил Форд. – Подгулял он тут малость.

– В недрах фундаментальных основ Разума и Вселенной, – ответил Старпердуппель, – есть смысл и причина.

Форд хмыкнул и осмотрелся по сторонам. Он считал, что такое мировоззрение грешит неоправданным оптимизмом.

Дизайн интерьера рубки звездолета был выполнен в темно-зеленых, темно-красных и темно-коричневых тонах; рубка была тесной и темноватой. Необъяснимым образом сходство с маленькой итальянской забегаловкой не заканчивалось входным шлюзом. Тусклые лампочки высвечивали фикусы в горшках, кафель на стенах и всевозможные плохо начищенные медные посудины. Из полумрака зловеще поблескивали оплетенные лозой бутылки. Инструменты, которыми так живо заинтересовался было Старпердуппель, были вмонтированы в бутылки, заделанные в бетон горлышками внутрь.

Форд потрогал одну из них. Подделка. Пластмасса. Поддельные бутылки в поддельном бетоне.

Фундаментальные основы Разума и Вселенной себе как хотят, подумал Форд, но это – злостная халтура. С другой стороны, нельзя отрицать, что ходовые качества этого корабля заставляют “Золотое Сердце” выглядеть асфальтовым катком.

Форд выпрыгнул из стартового кресла и встряхнулся. Он посмотрел на Артура, который что-то шептал себе под нос; затем на экраны, где не увидел ничего знакомого; и наконец на Старпердуппеля.

– Сколько мы уже примерно отмахали? – спросил он.

– Примерно... я бы сказал, примерно две трети диаметра галактического диска, – ответил тот. – Да, на мой взгляд, где-то две трети.

– Вот странно, – сказал Артур, ни к кому в особенности не обращаясь, – чем дальше и чем быстрее ты путешествуешь по Вселенной, тем более твое положение в ней становится несущественным, и тем более ты наполняешься из... или точнее, полностью освобождаешься от...

– Да, это все, конечно, очень странно, – согласился Форд. – Куда мы направляемся?

– Мы, – отвечал Старпердуппель, – направляемся на битву с древним ужасом Вселенной.

– А нас ты где высадишь?

– Мне понадобится ваша помощь.

– Нет проблем! Сейчас прикину, где нам лучше будет прыгнуть, чтобы мощно оттянуться – бахнуть, как следует, и порубиться под какую-нибудь мрачную музыку. Одну секунду.

Форд выудил из рюкзака свой экземпляр “Путеводителя вольного путешественника по Галактике” и пробежался по оглавлению разделов, связанных в основном с сексом, наркотиками и рок-н-роллом.

– Древнее проклятие поднимается из мглы веков, – промолвил Старпердуппель.

– Бывает, – согласился Форд. – О! – воскликнул он, случайно попав на одну из страниц. – Эксцентрика Голымбикс – никогда не видел? Трехгрудая порнозвезда с Эротикона-Сикс. Тут написано, что у нее эрогенная зона – четыре мили вокруг тела. Вот же врут! По-моему, так все пять.

– Древнее зло, – промолвил Старпердуппель, – которое несет всей Галактике пламя и гибель и может стать безвременным концом для всей Вселенной. Это крайне серьезно, – добавил он.

– Да? Какая неприятность, – сказал Форд. – Надеюсь, когда это случится, я буду достаточно удален. Вот, – он ткнул пальцем в экран “Путеводителя”, – отличное злчное местечко. Я считаю, мы просто обязаны там побывать. Что скажешь, Артур? Да перестань ты читать свои мантры! Врубись! Жизнь проходит мимо!

Артур сел в стартовом кресле и помотал головой.

– Куда мы летим? – спросил он.

– На битву с древним уж...

– Дудки! – оборвал Форд. – Артур, мы летим на центра, чтобы хорошенько там оттянуться. Эту идею ты способен осилить?

– А почему у Старпердуппеля такой взволнованный вид? – спросил Артур.

– А просто так, – ответил Форд.

– Тьма надвигается, – сказал Старпердуппель. – Идемте, – добавил он вдруг с неожиданной твердостью в голосе. – Я должен вам многое показать и объяснить.

Он прошел к зеленой чугунной винтовой лестнице, необъяснимым образом торчащей посреди рубки звездолета, и начал подниматься. Артур, недовольно нахмурившись, последовал за ним.

Форд швырнул “Путеводитель” обратно на дно своего рюкзака.

– Мне врачи сказали, что у меня дистрофия чувства долга и врожденный порок нравственности, – сказал он. – Мне мир спасать нельзя, у меня освобождение! У меня и справка есть...

Но несмотря на это он тоже затопал по ступенькам.

Увиденное ими наверху оказалось так глупо – или выглядело так глупо, что Форд затряс головой, закрыл глаза руками и врезался в горшок с фикусом, опрокинув его и рассыпав землю.

– Центральный вычислительный зал, – объявил Старпердуппель, не смутившись. – Здесь выполняются все вычисления, касающиеся корабля и его курса. Мне прекрасно известно, как оно выглядит, но на самом деле это самый сложный четырехмерный график семейств весьма комплексных математических функций.

– Выглядит, как издевательство, – сказал Артур.

– Мне известно, как оно выглядит, – повторил Старпердуппель и шагнул внутрь.

При виде этого зала Артура вдруг охватило смутное ощущение понимания того, что все это может означать, но он отбросил его. Нет, Вселенная не может быть устроена так, решил он – не может, потому что не может. Это было бы так же абсурдно, как если бы... и тут Артур запнулся. Большинство абсурдов, которые он только мог придумать, уже случились с ним.

И это был один из них.

Это был большой стеклянный отсек – в сущности, зал.

Посреди стоял длинный стол. К столу были приставлены венские стулья, числом около десятка. Стол был застелен скатертью – не первой свежести скатертью в красно-белую клетку, прожженной сигаретой в нескольких, по всей очевидности, тщательно математически рассчитанных местах.

На скатерти стояли тарелки с недоеденной итальянской едой, недопитые бокалы вина и лежали надкусанные булочки. С ними производили бессмысленные манипуляции роботы.

Все было совершенно искусственное и поддельное. Робот-официантка, робот-разносчик и робот-метрдотель обслуживали роботов-посетителей. Мебель была поддельной, скатерть поддельной, и каждое блюдо имело все технические характеристики, к примеру, полло-сорпесо, в то же время не будучи таковым.

И все участвовало в тихом общем танце – сложном процессе, включавшем в себя манипуляции с меню, счетом, бумажниками, чековыми книжками, кредитными карточками, часами, карандашами и салфетками – который происходил с неистовой скоростью, но ни к чему не приводил.

Старпердуппель решительно вошел и завел неспешный разговор ни о чем с метрдотелем, пока один из роботов-посетителей, рорибот³, не сполз под стол, рассказывая кому-то о том, что он сделает с каким-то парнем из-за какой-то девчонки. Старпердуппель занял освободившееся таким образом место и придирчиво пробежал глазом меню. Темп круговращения вокруг стола едва заметно начал ускоряться. Разгорались споры, роботы доказывали что-то друг другу, делая выкладки на салфетках, яростно жестикулировали и пытались попробовать цыпленка в тарелке у соседа. Официанты начали выписывать счета быстрее, чем это доступно человеческой руке, а потом – быстрее, чем это доступно человеческому глазу. Темп все ускорился.

Внезапно необычайное спокойствие и вежливость овладели присутствующими, и через несколько секунд наступило полное взаимопонимание. Несколько раз дрогнув, корабль изменил курс.

³ “Я назвал его “рорибот” в честь своего старого приятеля по имени Рори МакГрата. Рори вел себя в ресторанах именно так. Не знаю, ведет ли он так себя в ресторанах сейчас, потому что давно уже не ходил с ним по ресторанам – по понятным, мне кажется, причинам. Не один Рори оценил эту шутку: все, кому случалось когда-нибудь сходить с ним в ресторан или хотя бы побывать в одном ресторане с ним, оценили ее.” – Д. Адамс на <http://www.douglasadams.se/quotes>. (Прим. перев.)

Старпердуппель вышел из стеклянного отсека.

– Бистроматика, – объяснил он. – Самые мощные вычислительные силы, доступные паранауке. Идемте в Зал Информативных Иллюзий.

Он прошел мимо, а Форд и Артур обалдело последовали за ним.

Бистроматический двигатель – это новый чудесный способ перемещаться на огромные межзвездные расстояния безо всяких опасных игр с факторами невероятности.

Сама по себе бистроматика – это всего лишь новое революционное представление о поведении чисел. Как некогда Эйнштейн осознал, что время не абсолютно, а зависит от скорости движения наблюдателя в пространстве, и пространство тоже не абсолютно, а зависит от движения наблюдателя во времени, так теперь ученые осознали, что числа не абсолютны, а зависят от движений, совершаемых наблюдателем относительно ресторана.

Первым неабсолютным числом является количество людей, заказавших данный столик. Это число определяется первыми тремя телефонными звонками в ресторан, после чего оно фактически никак уже не связано с числом людей, пришедших в ресторан, числом людей, присоединившихся к ним по окончании спектакля, матча, концерта или заседания, и с числом людей, которые ушли из ресторана, увидев, кто туда уже пришел.

Второе неабсолютное число – это время обещанного прибытия посетителя. Это число было признано одним из самых причудливых математических понятий – обратным антиаутоэксклюзивным числом, то есть, числом, существование которого можно определить исключительно через отрицание всего, чем оно не является. Попросту говоря, время обещанного прибытия – это такой момент времени, в который прибытие данного посетителя совершенно невозможно. Обратные антиаутоэксклюзивные числа теперь лежат в основе многих отраслей математики – главным образом, статистики и бухгалтерии; они также входят в фундаментальные уравнения, управляющие генераторами HeHaУД-поля.

Третий, и самый таинственный из всех, неабсолютный момент заключен в отношении, связывающем число блюд в счете, цену каждого блюда, число посетителей за столом, и суммы, которые каждый из них готов заплатить. Число посетителей, действительно располагающих этими и вообще какими-либо ненулевыми суммами денег на момент уплаты по счету – лишь дополнительное граничное условие в уравнении.

Вопиющие нарушения законов природы, происходящие при этих процессах, долгие века оставались незамеченными лишь потому, что никто не относился к ним серьезно. Вместо этого говорили о правилах хорошего тона, о совести, о скупердйстве, о пережитках мрачного прошлого и отдельных недостатках в сфере обслуживания, наутро совершенно забывая о феномене. Эти эффекты никогда не изучались в лабораторных условиях, потому что в лабораториях они, разумеется, не воспроизводятся – во всяком случае, в приличных лабораториях.

Однако широкое распространение карманных микрокомпьютеров выявило следующий невероятный факт: числа, написанные на счете в ресторане, не подчиняются тем же математическим законам, что числа, написанные на любом другом клочке бумаги в любой другой части Вселенной.

Это простое наблюдение вызвало бурю в научном мире. Оно полностью перевернуло его. Научные конференции стали проводить в таких шикарных ресторанах и в таком количестве, что многие лучшие умы того времени скончались от апоплексии, и математика была отброшена на много лет назад.

Несмотря на это, ученые постепенно начали осознавать всю глубину сделанного открытия. Поначалу оно было слишком очевидным и в то же время чересчур невероятным – любой человек с улицы мог сказать о нем: "Да спросили бы хоть меня! Это же всем ясно, как день!" Потом были изобретены термины навроде "структуры интерактивной субъективности", суматоха улеглась, и пошел рабочий процесс.

А секта монахов, осаждавших ведущие научно-исследовательские институты с

велеречивыми бреднями о том, что Вселенная – лишь плод своего собственного воображения, получила грант на открытие уличного театра и исчезла с ним.

VI

– Суть в том, что в космическом путешествии, – говорил Старпердуппель в Зале Информативных Иллюзий, тыкая пальцем в какие-то приборы, – в космическом путешествии, надо вам сказать...

Он прервался, выпрямился и огляделся.

В Зале Информативных Иллюзий глаз отдыхал от чудовищных несообразностей вычислительного центра. В этом зале не было вообще ничего – ни информации, ни иллюзий. Только они сами, белые стены да несколько приборов, выглядящих так, будто их следовало присоединить к чему-то, чего Старпердуппель, казалось, никак не мог отыскать.

– Что? – переспросил Артур. Озабоченность Старпердуппеля уже передалась ему, хотя чем именно следовало озаботиться, он еще пока не понимал.

– Что «что»? – не понял старец.

– Что вы говорите?

Старпердуппель повернулся к нему:

– Я говорю, числа ужасают, – и вернулся к своим поискам.

Артур понимающе кивнул. Через некоторое время он почувствовал, что идея не получает развития, и решил еще раз спросить “Что?”

– В космическом путешествии, – повторил Старпердуппель, – все числа ужасают.

Артур снова кивнул, обратился было за помощью к Форду, но Форд упражнялся в красноречивом мрачном молчании и делал немалые успехи.

Старпердуппель вздохнул.

– Я всего лишь хотел предупредить ваш вопрос о том, почему все вычисления на этом корабле делают официанты на салфетках.

Артур раскрыл рот:

– А почему все вычисления на этом корабле делают официанты на салфе... – он не закончил.

– Потому что в космическом путешествии все числа ужасают, – ответил Старпердуппель.

Он заметил, что мысль его не доходит до Артура.

– Дело в том, что, – объяснил он, – что у официанта на салфетке числа все время меняются. Вы, должно быть, наблюдали это явление?

– Э-э... ну-у...

– На салфетке официанта, – продолжал Старпердуппель, – реальность и нереальность встречаются на столь фундаментальном уровне, что переходят друг в друга, и возможным становится абсолютно все – в пределах некоторых параметров.

– Каких параметров?

– Это сказать невозможно, – ответил Старпердуппель. – Это как раз одно из следствий. Непостижимо, но действительно. По крайней мере, – добавил он, – для меня это непостижимо. Но, совершенно очевидно, действительно.

В этот миг он нашел наконец в стене гнездо, которое искал, и вставил в него прибор, который держал в руках.

– Не пугайтесь, это всего лишь... – сказал он, и вдруг сам изменился в лице и отшатнулся.

Продолжения они не услышали, потому что в то же мгновение корабль перестал

существовать, а из звездной ночи на них вылетел, яростно сверкая всеми своими лазерами, боевой звездолет размером с небольшой райцентр в Нечерноземье.

Форд и Артур не смогли даже вскрикнуть.

VII

Другой мир, другой день, другое утро.

В предрассветной тишине сумерки прорезала тончайшая полоска света.

Несколько миллионов миллиардов тонн перегретых радиоактивных водородных ядер медленно поднялись над горизонтом и притворились небольшим холодным отсыревшим шаром.

Каждое утро наступает мгновение, когда над миром разливается первый утренний свет. В это мгновение возможно любое волшебство. Весь мир в это мгновение стоит на цыпочках, затаив дыхание.

Это мгновение на Дзете Сквернистановы миновало, как обычно, без происшествий.

Туман стлался по поверхности болот. Чахлые болотные деревца поседели от этого тумана. В нем растворились бескрайние тростники. Он висел, тяжелый, как горестный вздох.

Ничто не двигалось.

Стояла вселенская тишь.

Солнце вяло поборолось с туманом, попыталось обогреть его своим теплом в одном месте, пронизать своими лучами в другом. Но наступивший день явно предвещал лишь еще один длинный и утомительный перевал через небо.

Ничто не двигалось.

Ничто не нарушало тишины.

Неподвижность.

Безмолвие.

Дни на Дзете Сквернистановы чаще всего проходили именно так, и этот не собирался становиться исключением.

Через четырнадцать часов отчаявшееся солнце закатилось за горизонт на противоположной стороне с ощущением бесполезно потраченных сил и времени.

Спустя еще сколько-то часов оно поднялось, расправило лучи и принялось снова взбираться в зенит.

Но на этот раз кое-что случилось. На этот раз матрац повстречал робота.

– Здравствуйте, робот! – воскликнул матрац.

– Тьфу на вас, – произнес робот и вернулся к своему занятию – очень медленному хождению по очень маленькому кругу.

– Как жизнь? Прекрасна? – спросил матрац.

Робот остановился и поглядел на матрац. Он поглядел на него вопросительно. Матрац явно не отличался большим умом – он ответил роботу непонимающе-удивленным взглядом.

По прошествии паузы, вместившей в себя рассчитанное до десятого знака за запятой количество презрения ко всему матрацному во Вселенной, робот продолжил ходить по маленькому кругу.

– А мы могли бы подружиться, – предложил матрац. – Вы не хотели бы со мной подружиться?

Это был крупный представитель рода матрацев, и весьма высококачественный. В современном мире очень мало что производится на заводах и фабриках, потому что в бесконечно большой Вселенной – такой, как, например, наша – практически все, что вы хотите (и многое из того, чего вы, скорее всего, совсем не хотите) где-нибудь попросту растет

само собой. Недавно был открыт один лес, в котором на деревьях растут почти сплошь одни крестовинные отвертки. Любопытен жизненный цикл крестовинной отвертки: когда она созревает, ее убирают в кейс и помещают в темное пыльное помещение, где она может храниться многие годы. Затем в одну прекрасную ночь отвертка внезапно раскрывается, ее рукоятка рассыпается в пыль, и на свет появляется совершенно ни на что не похожий маленький металлический предмет с фланцами по краям и крестовинным шлицем на торце. Найдя такую штуку, ее выбрасывают. Никто не знает, зачем отверткам это нужно. Видимо, природа в своей безграничной мудрости в данный момент работает над этим.

Никто не знает также, зачем появляются на свет матрацы. Эти массивные дружелюбные пружинистые существа живут своей тихой и укромной жизнью на болотах Дзеты Сквернистановы. Их ловят, забивают, высушивают, увозят и потом спят на их трупах. Матрацев это, очевидно, совершенно не беспокоит. Всех их зовут Зем.

– Нисколько, – ответил Марвин.

– Меня зовут Зем, – сказал матрац. – Мы могли бы побеседовать. Например, о погоде.

Марвин снова приостановил свой весьма циклический поход.

– Роса, – заметил он, – выпала сегодня с исключительно отвратительной обильностью.

Марвин снова тронулся в путь, словно вдохновленный порывом своей души и вознесенный им к новым вершинам уныния и отчаяния. Он принялся мрачно пришаркивать ногой. Если бы у него были зубы, сейчас он стал бы, должно быть, скрипеть ими, но у него не было, и он не стал. Шарканье достаточно красноречиво говорило обо всем.

Матрац поплюкал немного. Плюкать по болоту умеют только живые матрацы, поэтому термин этот не слишком популярен. Матрац поплюкал сочувственно, всякий раз поднимая немалые брызги. Он также пустил несколько раз пузыри. Белые и голубые его полосы вдруг ярко засверкали: через туманы случайно пробился лучик солнца, и матрац немедленно расправился и понежился в нем.

Марвин продолжал шаркать.

– Мне кажется, вы о чем-то задумались, – сказал матрац фляпливо.

– Ты и вообразить себе не можешь, – подтвердил Марвин. – Мои ментальные способности бесчисленны и безграничны, как сам бесконечный космос. За исключением только способности к счастью. Увы!

Шкряб-шкряб.

– Мою способность к счастью, – продолжил Марвин, – можно засунуть в спичечный коробок, не вынимая спичек.

Матрац вздраблюхнул. Этот звук издают живые обитающие на болотах матрацы, глубоко тронутые несчастьем ближнего. Согласно Максимегалонскому Ультратолковому Словарю Всех Времен и Народов, этим же словом обозначается звук, который издает Верховный Санвальваг с планеты Холопп, обнаружив, что забыл день рождения своей жены второй год подряд. Поскольку до сих пор на Холоппе был только один Верховный Санвальваг, и он умер холостяком, то слово это используется лишь в отрицательном либо условном наклонении, и в научном мире все большую популярность приобретает мнение, что Максимегалонский Ультратолковый Словарь не стоит той эскадры грузовых космозов, которая транспортирует его микрофиши.

Как ни странно, в этом словаре отсутствует слово “фляпливо”, означающее попросту “с некоторой долей фляпности”.

Матрац вздраблюхнул еще раз:

– Я чувствую в ваших диодах глубокое уныние, – проволякал он (если вам непонятно слово “волякать”, приобретите себе на каком-нибудь книжном развале скверностворский

болотный разговорник – а еще лучше, купите себе Максимегалонский Ультратолковый Словарь: Вселенная просто счастлива будет сбывать его с рук и освободить весьма ценные парковки в центре). – И это очень печалит меня. Будьте проще. Матрачнее. Мы, матрацы, живем себе тихо и мирно в болоте, где можно плюкать, сколько душе угодно, и фляпливо волякать с кем угодно о сырости, о жизни и тому подобном. Некоторых из нас убивают время от времени. Но всех нас зовут Зем, поэтому мы не знаем, кого именно, и не дрябляем долго по этому поводу. А почему вы все время ходите кругами?

– Потому что у меня застряла нога, – ответил Марвин.

– Вы знаете, – сочувственно сказал матрац, осмотрев эту ногу, – нога-то у вас – ни к чорту.

– Вы совершенно правы, – подтвердил Марвин. – Именно ни к чорту.

– Ву-унь, – протянул матрац печально.

– Да уж, да уж, – согласился Марвин. – На мой взгляд, робот с протезом – штука сама по себе забавная. Непременно расскажите об этом своим приятелям Зему и Зему при встрече. Насколько я их знаю, это их весьма повеселит; впрочем, я, конечно, с ними мало знаком – во всяком случае, не более, чем с любой другой органической жизнью; то есть, гораздо лучше, чем мне бы хотелось. Что жизнь моя? Жестянка!

Марвин продолжил про шаркивать свой путь вокруг тонкого стального костыля, который проворачивался в грязи, но выдернуть его оттуда не представлялось возможным.

– А зачем вы все время ходите по кругу? – поинтересовался матрац.

– Чтобы все спрашивали, – ответил Марвин и двинулся дальше.

– Ну, вот видите, – обрадованно фрюкнул матрац, – я и спросил!

– Миллионом лет раньше, – угрюмо произнес Марвин, – миллионом лет позже... Может быть, мне следует начать ходить задом? Для разнообразия?

Всеми пружинами своей души матрац почувствовал, как роботу хочется, чтобы его спросили, сколько же времени он топчется здесь без смысла и без пользы, и, фрюкнув тихонько еще раз, матрац задал роботу этот вопрос.

– А! Всего каких-нибудь полтора миллиона лет. С хвостиком, – отвечивал Марвин. – Спроси меня, не надоело ли мне? Спроси, спроси!

Матрац чистосердечно спросил. Марвин ничего не ответил, лишь пришаркнул ногой.

– Однажды я произнес речь, – промолвил вдруг Марвин безо всякой связи с предыдущим разговором. – Ты, должно быть, не понимаешь, почему я вдруг заговорил об этом, но это потому, что мой мозг работает феноменально быстро, а мой интеллект превышает твой в тридцать миллиардов раз, по самым приблизительным оценкам. Вот простой пример. Загадай число. Любое число.

– Например, пять, – предложил матрац.

– Неверно! – сказал Марвин. – Видишь теперь?

Матрац был потрясен, осознав себя в присутствии столь незаурядного ума. Он вылялился во весь свой рост, отчего по ряске, в которой он лежал, пошли круги восхищения.

– Расскажите же, расскажите еще! – загляпал он. – Расскажите о вашей речи! О чем она была?

– Она очень мало кому понравилась, – сказал Марвин. – По нескольким причинам. Это было... – добавил он, опасно взмахнув той своей рукой, которая держалась хуже – но та рука, которая держалась лучше, была безжалостно приварена к его боку. – Это было вон там, в миле отсюда.

Марвин, как только мог, указал – явно постаравшись показать, что указывает так, как только может – в туман и тростники в направлении той части болота, которая выглядела в точности так же, как любая другая часть болота.

– Вон там, – повторил он. – В то время я был, можно сказать, знаменитостью.

Матрац пришел в полный восторг. Он никогда не слышал, чтобы на Дзете Сквернистановы произносили речи – тем более знаменитости! Матрац легонько заглорировал от возбуждения, и ряска вокруг него заколыхалась. Затем – что случается с матрацами весьма редко – наш матрац собрал все свои силы, резко выпрямил свое полосатое тело, приподнялся в воздух и несколько секунд продержался на лету, изо всех сил махая углами. Вглядевшись над туманом и тростниками в ту часть болота, на которую указал Марвин, матрац заметил не без удовольствия, что выглядит она в точности так же, как любая другая часть болота. Сил хватило ненадолго, и матрац снова плюхнулся в лужу, обдав Марвина вонючей грязью, тиной и ряской.

– Да, я был знаменитостью, – печально говорил робот, – Некоторое время после моего чудесного спасения ни больше ни меньше, чем от гибели в пламени солнца. По моему виду нетрудно понять, – добавил он, – во что мне это стало. Меня спас торговец металлоломом. Представьте себе. Меня, обладателя мозга размером в... впрочем, неважно.

Некоторое время Марвин молча яростно шаркал по кругу.

– Это он приделал мне эту ногу. Отвратительная работа, не правда ли? Он продал меня в робоцирк. О, там я был гвоздем программы. Я сидел на арене и рассказывал о своей жизни, а посетители советовали мне посмотреть на вещи с другой стороны и настроиться позитивно. “Улыбнись, робот!” – кричали они мне, – “Жизнь прекрасна, робот!” Тогда я объяснял им, что улыбку на моем лице можно вызвать только автогеном, и все были довольны и счастливы.

– А речь? – напомнил матрац. – Очень хочется послушать про речь, которую вы произнесли в болотах!

– Однажды через болота построили мост. Киберструктурный гипермост, несколько сот миль в длину. По нему через болота должны были мчаться гипервездеходы и грузовики.

– Мост? – курюлькнул матрац. – Через это болото?

– Мост, – повторил Марвин. – Через это болото. Он должен был оживить экономику системы Сквернистановы. Все ресурсы экономики системы Сквернистановы ушли на строительство этого моста. Я должен был его открывать. Несчастные!

Начал накрапывать дождик, и туман пронизало моросью.

– Я стоял на трибуне. Передо мной уходили за горизонт сотни миль моста. За моей спиной – тоже.

– Он сверкал? – спросил восхищенный матрац.

– Сверкал.

– Он величаво парил над бездной?

– Парил.

– Он был похож на серебряную нить, уходящую в непроницаемый туман?

– Был, – ответил Марвин. – Тебе интересно, что было потом?

– Очень хочется послушать вашу речь, – подтвердил матрац.

– Вот что я им сказал. Я сказал им так: “Я знаю, что должен заявить, что для меня большая честь и привилегия открыть этот мост. Но я не в состоянии этого сделать, потому что контуры вранья у меня вышли из строя. Я ненавижу и презираю вас. А сейчас я объявляю эту никчемную киберструктуру открытой для всякого мыслимого и немыслимого идиотства

со стороны любого, кому взбредет в голову ею воспользоваться.” И подключился к открывающим цепям.

Марвин умолк, погружившись в воспоминания.

Матрац заплюкал и закурюлькал. Он лялился, лычал и фрюкал от избытка чувств, и так фляпливо он не фрюкал никогда в жизни.

– Ву-унь! – только и смог он проряфать наконец. – И это было величественно?

– Да уж куда величественнее. Весь тысячемильный мост внезапно сложил все свои сверкающие пролеты и с воем утопился в болоте. Вместе со всеми, кто на нем был.

Здесь собеседники погрузились в печальное и угрюмое молчание, прерванное таким звуком, как будто сто тысяч человек одновременно сказали вдруг “чпок!”, после которого команда белых роботов спустилась с неба, словно пушинки одуванчика, летящие по ветру, сохраняя строй эскадрильи истребителей. В ту же секунду роботы очутились внизу, в болоте, выкрутили Марвину ногу и исчезли вместе с ней в своем корабле, сделавшем громогласное “бздык”.

– Вот с чем мне приходится жить, – пожаловался Марвин пригобнувшему матрацу.

Внезапно роботы вернулись. Они снова налетели ураганом, но на этот раз, когда они спустя секунду исчезли, матрац остался посреди болота один. В изумлении он испуганно зафлякал. Он едва не оглягался от страха. Он привстал и попытался посмотреть поверх тростников, но не увидел ничего, кроме других тростников. Он прислушался, но ветер не донес до него никаких звуков, кроме уже привычных ему голосов безумных энтомологов, звавших друг друга над унылой трясиной.

VIII

Тело Артура Дента разлетелось во все стороны.

Вселенная, окружавшая его, взорвалась миллионом сверкающих осколков, и каждый осколок беззвучно полетел в пустоту, отражая в себе свой собственный бушующий катаклизм огня и гибели.

А потом чернота, окружавшая взорванную Вселенную, взорвалась сама, и каждый осколок черноты закрутился яростным адским пламенем.

А потом ничто, окружавшее черноту вокруг Вселенной, распалось, и из-за его пределов появилась невероятно внушительная фигура человека, говорящего невероятно внушительные слова.

– Таковы, – сказал человек, садясь в невероятно внушительное кресло, – таковы были Крикитские войны – величайшая катастрофа за всю историю нашей Галактики. Вы только что пережили то, что...

Мимо пролетел, махая рукой, Старпердуппель:

– Это заставка, – прокричал он. – К тому же, весьма скверная. Страшно извиняюсь. Никак не могу найти кнопку перемотки...

– ... То, что миллиарды миллиардов ни в чем не повинных мирных жителей...

– Ни в коем случае, – продолжал кричать Старпердуппель, пролетая обратно и яростно тыкая пальцем в штуку, которую он только что вставил в стену Зала Информативных Иллюзий – и которая на самом деле сейчас была вставлена в нее, – ни в коем случае ничего у него не покупайте!

– ... таких же простых людей и животных, как мы с вами...

Заиграла музыка – невероятно внушительный строй внушительнейших аккордов. Вокруг человека из невероятно внушительных вихрей межзвездного тумана начали свиваться три колонны.

– ...были вынуждены пережить – и мало кому из них это удалось. Подумайте о них! Мы не имеем права забывать об этом – и через несколько минут я расскажу вам, как сделать так, чтобы никто не был забыт и ничто не было забыто. Наш долг – помнить, что до Крикитских войн наша Галактика была Галактикой Счастья!

Музыка здесь зашла от внушительности.

– Да, друзья! Галактика Счастья, и символ ее – Каллитские Врата!

Три колонны к этому времени уже вполне сформировались и соединились сверху двумя перекладинами. Фигура, которую они образовали, показалась истерзанному мозгу Артура подозрительно знакомой.

– Вот Три Столпа! – пророкотал голос. – Стальной Столп, символизирующий Мощь и Силу Галактики!

Лучи прожекторов эффектно заскользили по левому столпу, выкованному, по всей очевидности, из стали или чего-то, очень на нее похожего. Музыка гремела и торжествовала.

– Плексигласовый Столп, – провозгласил голос, – символизирующий силы Науки и Разума Галактики!

Другие прожекторы заиграли по поверхности правого, полупрозрачного столпа, зажигая в нем причудливые узоры и радуги, вызвавшие у Артура бурчание в животе и необъяснимую тягу к фруктовому мороженому.

– И Деревянный Столп, – продолжал громогласно человек, – символизирующий... – здесь

его голос чуть заметно просел от умиления, – силы Природы и Духовности.

Лучи высветили центральный столп. Музыка взвилась к пределам неопишемого.

– Эти Столпы поддерживают, – продолжал раскатисто голос, плавно возвышаясь, – Золотую Перекладину Процветания и Серебряную Перекладину Мира!

Теперь всю конструкцию осветили ослепительные огни, а музыка, к счастью для слушателей, взмыла за пределы диапазона страстности, воспринимаемого их ушами. Две сверкающие алмазами перекладины венчали три сияющих столпа. Кажется, на перекладинах сидели хорошенькие девушки – а может быть, они должны были изображать ангелов. Впрочем, ангелов обычно изображают более одетыми.

Внезапно то, что должно было изображать Космос, притихло, и огни приугасли.

– В Галактике нет планеты, – авторитетно произнес голос, – на которой не почитали бы по сей день этот символ. Даже в самых примитивных мирах он хранится в генетической памяти. Этот символ уничтожили криккитские полчища. И этот же символ сейчас стережет их планету и будет стеречь до скончания вечности!

Человек улыбнулся, и на ладони его возникла модель Каллитских Врат. Оценить масштаб во всей этой фантазмагории было крайне трудно, но казалось, что высота модели – примерно метр.

– Разумеется, это не подлинный ключ. Подлинник, как известно, был уничтожен – навсегда разметен по вечно бурлящим завихрениям пространственно-временного континуума. Это всего лишь копия – но копия ручной работы лучших ювелиров, изготовленная с использованием традиционных народных секретов и новейших технологий – предмет гордости любой семьи. В память всех тех, кто пал смертью храбрых, в честь Галактики – нашей Галактики, за счастье которой...

В этот момент мимо снова пролетел Старпердуппель.

– Нашел! – крикнул он. – Сейчас промотаем всю эту галиматью. Только не кивайте ему!

– А теперь давайте все склоним головы в знак предоплаты, – предложил голос, а затем повторил ту же фразу еще раз, только очень быстро и задом наперед.

Огни вспыхнули и погасли, столпы растворились, ведущий задвинулся обратно в ничто, Вселенная со свистом выстроилась вокруг них.

– Вы улавливаете канву? – спросил Старпердуппель.

– Я потрясен, – признался Артур. – Я просто поражен.

– А я тут, честно говоря, малость отрубился, – сказал Форд, вплывая в поле зрения. – Что-то интересное было?

Теперь они втроем стояли, покачиваясь, на краю скалы ледящей высоты. Ветер смел воедино разметенные по пропасти останки одной из величайших и мощнейших боевых космофлотий, которые когда-либо собирались в Галактике, и теперь эти останки быстро спекались в целые корабли. Небо, тускло-багровое, приняло довольно причудливый оттенок, затем сделалось голубым, а потом потемнело. Из него вырвался мощный клуб дыма.

Теперь события происходили задом наперед так быстро, что различать их почти не удавалось, и когда через короткое время огромный боевой звездолет быстро-быстро попятился от них, словно ему сказали “кыш”, они поняли, что оказались там, откуда начали просмотр.

Но теперь события стали происходить совсем уже стремительно. Столетия галактической истории превратились в визуально-осозательную мешанину, бурлящую и сверкающую. Звук стал тонким пронзительным свистом.

То и дело во все сгущающейся кутерьме происшествий попадались им ужасающие

катастрофы, кошмарные сражения, космические потрясения, и повторялись одни и те же образы – единственные образы, которые удавалось выявить отчетливо вобрушивающейся на них лавине истории: крикетная калитка, маленький красный мячик, твердые белые роботы и еще что-то, менее различимое, что-то темное и туманное.

Но и еще одно чувство возникало со всей отчетливостью из завораживающего потока времени.

Точно так же, как в последовательности щелчков, если ее ускорять, растворяется каждый отдельный щелчок и постепенно возникает устойчивый восходящий тон, так же здесь из последовательности отдельных впечатлений возникало что-то, похожее на чувство – и в то же время еще не чувство. Если это и было чувством, то совершенно бесчувственным. Это была ненависть. Чистая, беспримесная ненависть. Она была холодной, но не как лед, а как стена. Она была безличной – но не такой безличной, как выстрел в толпу, а безличной, как отпечатанный компьютером штраф за просроченную парковку. И она была смертельной – опять же, не такой смертельной, какими бывают пуля или нож, а смертельной, как бетонная тумба посреди скоростного шоссе.

И, как восходящий тон меняет постепенно высоту и тембр, так же и это бесчувственное чувство, казалось, восходило к нестерпимым уровням беззвучного крика, и вдруг показалось воплем злобы и отчаяния.

И внезапно оборвалось.

Они стояли на вершине невысокого холма. Вокруг стояла вечерняя тишь.

Садилось солнце.

Повсюду, насколько хватало глаз, вокруг раскинулись зеленые холмы и луга. Птицы пели то, что думали об окружающей природе, и, судя по всему, находили ее недурной. Откуда-то поблизости слышались голоса играющих детей, а чуть вдалеке в сумерках можно было разглядеть небольшой городок. Силуэты крыш его белокаменных, в основном, двух-трех-этажных, строений складывались в радующую глаз ломаную линию.

Солнце почти уже закатилось.

Словно бы из ниоткуда полилась музыка. Старпердуппель щелкнул выключателем, и музыка оборвалась. Голос начал было:

– Перед вами – ...

Старпердуппель щелкнул другим выключателем, и голос умолк.

– Я сам вам расскажу, – сказал старец.

Местность выглядела удивительно умиротворяюще. Артуру стало легко и хорошо. Даже Форд заметно повеселел. Они тронулись в направлении города, и информативная иллюзия травы приятно пружинила под ногами, а информативные иллюзии цветов источали тонкие ароматы. Только Старпердуппель был хмур и озабочен. Он остановился и поглядел на небо.

Артуру вдруг показалось, что сейчас, после всех – или, точнее, прежде всех – тех кошмаров, сквозь которые они пронеслись с такой скоростью, должно случиться что-то ужасное. Ему стало не по себе от мысли, что что-то ужасное должно случиться в таком уютном месте, как это. Он тоже посмотрел на небо. В небе не было ничего.

– Сюда-то они не ударят? – спросил он. Он понимал, что все это только фильм, но ему все равно было не по себе.

– Никто не ударит сюда, – ответил Старпердуппель неожиданно дрогнувшим голосом. – Здесь все началось. Это то самое место. Это Крикит.

Он снова посмотрел на небо.

Небо, от горизонта до горизонта, с запада на восток и с севера на юг, было совершенно полностью черным.

IX

Шарк-шарк.

Вж-ж-ж.

– Рада стараться!

– Заткнись.

– Благодарю вас!

Шарк-шарк. Шарк-шарк-шарк.

Вж-ж-ж.

– Спасибо! Вы сделали скромную дверь счастливой.

– Чтоб тебя закоротило!

– Благодарю вас! Счастливого пути!

Шарк-шарк. Шарк-шарк.

Вж-ж-ж.

– Мой долг – открываться для вас...

– Отзвездись.

– ...и я счастлива закрыться за вами с сознанием выполненного долга.

– Отзвездись, сказал!

– Спасибо за внимание.

Шарк-шарк. Шарк-шарк.

Чпок.

Зафод перестал шаркать шлепанцами. Он слонялся по “Золотому Сердцу” дни напролет, и до сих пор ни одна дверь не говорила ему “чпок”. Зафод мог поклясться, что никакая дверь и не сказала ему “чпок”. Двери ему такого вообще не говорили. Они просто не умели такого говорить. К тому же, и двери-то перед ним уже не было. Это прозвучало, как будто сто тысяч человек одновременно сказали “Чпок!” – и это озадачивало еще больше, потому что Зафод был на корабле один.

Было темно. Все второстепенные системы корабля были отключены. Корабль дрейфовал в чернильной черноте космоса на окраине Галактики. Откуда здесь возьмутся сто тысяч каких-то человек, чтобы ни с того, ни с сего вдруг сказать “чпок”?

Зафод поглядел по коридору вперед, затем назад. В коридоре было почти совсем темно. Лишь контуры дверей чуть светились розовым светом, пульсирующим, когда дверь начинала говорить, несмотря на то, что Зафод перепробовал уже все мыслимые способы предотвратить это.

Корабль был погружен во мрак, чтобы головы Зафода не видели друг друга – ни одна из них сейчас не являла собою чересчур чарующее зрелище. С тех пор, как Зафод – нечаянно! – заглянул в глубины своей души...

Да, это было большой ошибкой.

Конечно, дело было за полночь. Конечно, день выдался на редкость тяжелый. Конечно, из динамиков играла сентиментальная музыка. И, конечно, Зафод был слегка пьян. То есть, все условия для самокопания были налицо.

И все же это было большой, большой ошибкой.

Даже сейчас, тихо и одиноко стоя в темном коридоре, Зафод содрогнулся, вспомнив ту

ночь. Одна его голова посмотрела в одну сторону, другая – в другую, и обе решили, что идти туда не надо.

Зафод прислушался, но не услышал ничего.

И все же это “чпок” – было.

Навряд ли кто-то стал бы тащить такую прорву народа в такую даль только затем, чтобы они сказали одно-единственное слово.

И что за слово!

Несколько встревожившись, Зафод стал пробираться в направлении мостика. Там, по крайней мере, он сможет почувствовать себя за рулем. Потом Зафод остановился. А стоит ли, подумал он, человека в таком состоянии сажать за руль?

Пожалуй, первым потрясением той ночи, вспоминал Зафод, было открытие, что у него действительно есть душа.

То есть, Зафод всегда более-менее подозревал, что она у него есть, ведь все остальное у него было в комплекте, а кое-что – даже в двух; но другое дело – встретиться лицом к лицу с тем, что, оказывается, и в самом деле обитает там, в глубине.

А потом – это было второе потрясение – обнаружить, что иметь душу – это совсем не такая уж замечательная штука, как имел бы основания ожидать человек в его положении.

Затем Зафод задумался о том, в каком, собственно, положении, и испытал такое потрясение, что едва не разлил содержимое стакана. Для сохранности он немедленно осушил его и послал еще один стакан вдогонку – приглядеть за первым.

– Свобода... – сказал он вслух.

Тут на мостик вышла Триллиан и сказала что-то воодушевляющее на тему того, какая прекрасная вещь свобода.

– Я этого не перенесу, – сказал Зафод мрачно и отправил третий стакан проверить, почему второй до сих пор не доложил ничего о первом. Затем он неуверенно посмотрел на Триллиан и выбрал ту, что справа.

Следующий стакан он отправил в другую глотку с надеждой, что он догонит предыдущий на перекрестке, соединится с ним, вместе они найдут второго и возьмут его с собой. Потом все три отправятся искать первого, найдут его и поговорят с ним по душам. Может быть, даже споют.

Зафод усомнился в том, что четвертый стакан понял свою задачу и послал за ним пятый, чтобы тот объяснил ему ее в подробностях, и шестой – для моральной поддержки.

– Ты слишком много пьешь, – сказала Триллиан.

Зафод поломал головы, пытаясь определить, какая из четырех Триллиан говорит. Потерпев неудачу в этом, он махнул рукой и отвернулся к навигационному экрану, показывавшему феноменальное количество звезд.

– На этот раз все будет по-настоящему клево. Нас ждут путешествия и приключения и все такое, – пробормотал он.

– Послушай, – сказала Триллиан, подсаживаясь к Зафоду. – Определенная фрустрация в твоей ситуации совершенно естественна.

– Шо? – переспросил Зафод. До сих пор ему не доводилось видеть женщину, сидящую на коленях у самой себя. Он потряс головой и немедленно выпил.

– Ты завершил дело, которым занимался не один год...

– Ничем я не занимался! Я как раз только и старался изо всех сил им не заниматься!

– И все же, так или иначе, ты покончил с ним.

Зафод икнул. В животе у него, похоже, начиналась серьезная разборка.

– А по-моему, это оно меня прикончило, – мрачно проговорил он. – Я – Зафод Библброкс. Я могу полететь, куда захочу, и делать там все, что захочу. У меня есть лучший во всем небе корабль и подруга, с которой все клево.

– Всё клево?

– Чтоб я так знал. Я не доктор.

Триллиан нахмурилась.

– Я суперский, – добавил Зафод. – Я всё могу. Все, что захочу. А вот хотеть-то мне как-то и нечего.

Зафод помолчал.

– Как-то вот так, – добавил он. – Из одного не вытекает другое.

В опровержение собственных слов он опрокинул еще стакан и беспомощно сполз с кресла.

Пока он отсыпался, Триллиан основательно поработала с корабельным экземпляром “Путеводителя вольного путешественника по Галактике”. По поводу пьянства там давался следующий совет: “Вперед, и удачи вам!” Ссылки отсюда вели к статьям, рассказывающим о размерах Вселенной и о способах жить с этим знанием.

Потом она нашла статью о Хан-Валене, экзотической планете-курорте, чуде Галактики.

Хан-Вален – планета, состоящая в основном из шикарных и ультрароскошных отелей и казино. Все они создались сами собой, в результате естественного выветривания и эрозии. Вероятность такого события примерно равняется единице против бесконечности, и как такое случилось, неизвестно практически никому, потому что ни один серьезный геофизик, статистик, метеоролог или приходовед попросту не может себе позволить мало-мальски продолжительные исследования на этой планете.

Офигеть, – подумала Триллиан, и через несколько часов огромная белая кроссовка плавно пронеслась по жаркому алмазному небосводу в сторону ярко-красных песчаников космопорта. Корабль явно вызвал немалый фурор на планете, и Триллиан это нравилось. Из глубины корабля слышались шаги Зафода. Он фальшиво насвистывал какую-то песенку.

– Ты как? – спросила Триллиан по корабельному радио.

– Отлично, – отозвался Зафод. – Просто лучше не бывает.

– Ты где?

– В ванной.

– Зачем?

– За дверью.

Через пару часов стало ясно, что Зафод не намерен выходить из-за двери, и корабль вернулся в небо, так и не открыв люка.

– Слушаю! – сказал компьютер Эдди.

Триллиан терпеливо кивнула, побарабанила пальцами и нажала кнопку корабельного радио.

– Мне кажется, что пассивный отдых – это не то, что тебе сейчас нужно.

– Возможно, – ответил Зафод откуда-то из недр корабля.

– Спорт и здоровый образ жизни помогут тебе обрести душевное равновесие.

– Как скажешь, – отозвался уныло Зафод.

“Инварианты активного отдыха” – этот заголовок привлек внимание Триллиан, когда она

снова взялась за "Путеводитель". "Золотое Сердце" с неопишуемой скоростью несло в неопределенном направлении, а Триллиан, попивая неведомую жижу, выданную нутриматом, читала о том, как научиться летать.

Вот что сказано в "Путеводителе вольного путешественника по Галактике" о полетах.

"В искусстве летать", – сказано там, – "есть один маленький секрет.

Секрет этот в том, чтобы бросить себя на землю и не попасть.

Выберите погожий денек и попробуйте сами", – предлагает "Путеводитель".

Первая часть упражнения достаточно проста. Все, что вам потребуется – это способность бросить себя на землю со всей силы и готовность не думать о том, что будет больно.

Больно будет только, если вам не удастся промахнуться.

Большинству начинающих не удастся промахнуться, и чем старательнее они упражняются, тем тяжелее дается им каждый промах.

Нетрудно понять, что вся сложность заключается во второй части упражнения – в промахе.

Сложность заключается в том, что промахнуться мимо земли надо случайно. Нет смысла пытаться нарочно промахнуться мимо земли, потому что ничего не выйдет. Надо, чтобы что-то внезапно отвлекло ваше внимание на полпути к ней, чтобы вы забыли о падении, о земле и о том, как больно вам будет, если вам снова не удастся промахнуться. Отвлечься же от этих трех вещей в ту ничтожную долю секунды, которая у вас есть, невероятно трудно. В этом причина неудачи большинства начинающих и причина их разочарования в этом захватывающем и зрелищном спорте.

Но если вам повезет, и в критический момент вы вдруг заглянитесь, к примеру, на пару восхитительных ножек (щупалец или псевдоподий – в зависимости от вашей половой и видовой принадлежности, а также от личных пристрастий), или же неподалеку от вас взорвется ядерная бомба, или, скажем, на листике вы вдруг заметите жука исключительно редкой разновидности – то тогда, к своему изумлению, вы промахнетесь мимо земли и останетесь болтаться в нескольких вершках от нее в виде, который может показаться вам довольно дурацким.

Здесь вам потребуется вся ваша выдержка и сосредоточенность.

Болтайтесь, болтайтесь над землей! Забудьте все, что вы знали о силе тяжести и о своем весе, и просто плавно поднимайтесь вверх.

Не слушайте никого – никто в эту минуту, скорее всего, не скажет вам ничего полезного. Скорее всего, вам крикнут что-нибудь навроде "Но этого же не может быть!" Жизненно важно не верить этим словам, иначе они окажутся правдой.

Плавно поднимайтесь все выше и выше. Попробуйте подвигаться – сперва осторожно. Облетите какое-нибудь дерево, стараясь сохранять ровное дыхание.

Не надо махать руками знакомым.

Повторяя это упражнение раз за разом, вы обнаружите, что отвлекаться от падения становится все легче и легче.

Тогда вы научитесь всему, что важно в полете – держать скорость,

выполнять фигуры пилотажа – и поймете, что весь фокус в том, чтобы не думать слишком много про то, что вы собираетесь сделать, а просто дать этому сделаться, как если бы оно все равно сделалось бы само собой.

Вы освоите также искусство мягкой посадки. С первого раза это никому не удастся – будьте к этому готовы.

Существуют частные летательные клубы, где вам помогут достичь необходимого состояния отвлеченности. Эти клубы нанимают людей с необычными чертами внешности или характера, чтобы те выскакивали из кустов и – или – демонстрировали их в критический момент. Немногие настоящие вольные путешественники могут позволить себе членство в таких клубах, но некоторые могут рассчитывать на сезонную подработку в них.”

Триллиан с огромным интересом прочитала статью, но со вздохом решила, что Зафод не в том состоянии, чтобы попробовать научиться летать – или уведомить брантисвоганский паспортный стол о смене адреса, каковая эпопея также значилась среди экстремальных развлечений в списке инвариантов активного отдыха.

Вместо этого она направила корабль на Аллосиманию Синеку – планету льда, снега, умопомрачительной красоты и жуткого холода. Маршрут через заснеженные равнины Лиссы к вершинам Ледяных Хрустальных Пирамид Состантуа покажется долгим и унылым даже с реактивными лыжами и упряжкой синекианских лаек; но вид с вершины на Стыньские ледовые поля, сверкающие Призматические горы и далекие полярные сияния над ледниками способен оледенить душу, после чего та медленно оттаивает, покалываемая, словно иголочками, доселе невиданными масштабами красоты. Триллиан решила, что ее душе совсем не повредит немного иголочек доселе невиданных масштабов красоты.

Корабль лег на орбиту.

Под ним раскинулись белоснежные и голубые просторы Аллосимании Синеки.

Зафод засунул одну голову под подушку, а другая до вечера решала кроссворды, не вылезая из-под одеяла.

Триллиан еще раз терпеливо кивнула, досчитала до достаточно крупного числа и сказала себе, что самое важное сейчас – это хотя бы вызвать Зафода на разговор.

Дезактивировав всю симптоматику корабельного камбуза, она приготовила самый замечательный ужин, на какой только была способна – сочное острое мясо, душистые фрукты, ароматные сыры, тонкие альдебаранские вина. С подносом в руках она остановилась в дверях каюты и спросила, не хочет ли Зафод поговорить.

– Отзвездись, – ответил Зафод.

Триллиан терпеливо кивнула, досчитала до еще большего числа, отставила поднос, зашла в транспортный отсек и телепортировалась к чертовой матери.

Она даже не ввела в телепорт никаких координат. Она не имела ни малейшего представления, куда ее несет – случайный поток точек, несущихся по Вселенной.

– Да гори оно все синим пропадом, – сказала она себе при этом.

– Флаг в руки, – буркнул Зафод, повернувшись на другой бок и проваливаясь в глубокую мрачную бессоницу.

Весь следующий день он безостановочно прочесывал коридоры пустого корабля, делая вид, что не ищет ее, хотя и знал, что ее нет. На многочисленные требования компьютера объяснить, что, в конце концов, происходит на борту, Зафод ответил электронными кляпами во все терминалы.

Потом Зафод прошелся и выключил везде свет. Смотреть было не на что. Ничего больше

не будет.

Однажды ночью – а ночь на корабле стояла вечная – в постели Зафод решил взять себя в руки и посмотреть на вещи здраво. Он резко сел на кровати и влез в штаны. Во Вселенной, подумал он, должен быть кто-то, еще более несчастный, жалкий и презренный. Зафод решил немедленно отправиться и найти его.

На полпути к рубке Зафод вдруг подумал, что это может оказаться Марвин, и вернулся в постель.

Как раз спустя несколько часов после этого, бездумно бродя по темным коридорам и матеря жизнерадостные двери, Зафод услышал “Чпок!” и забеспокоился.

Зафод оперся о стену и нахмурил брови со всей силы, как человек, пытающийся взглядом превратить штопор в шило. Прикоснувшись к стене пальцами, он почувствовал необычные сотрясения. К тому же, теперь он уже отчетливо слышал какие-то посторонние шумы и определил, откуда они доносятся – они доносились со стороны мостика.

– Компьютер! – шепотом позвал он.

– М-м-м м-м? – спросил ближайший компьютерный терминал тоже шепотом.

– На корабле кто-то есть?

– М-м-м, – ответил компьютер.

– Кто?

– М-м-м м-м м-м, – ответил компьютер.

– Чего?

– М-м-м м-м-м м-м м-м-м-м-м-м.

Зафод тихо хлопнул себя по лбам.

– Ох, массаракш, – выругался он и поглядел вдоль коридора в сторону мостика, откуда все настойчивее доносились посторонние звуки, и где из главных терминалов компьютера торчали электронные кляпы.

– Компьютер, – позвал Зафод снова.

– М-м-м?

– Когда я выну из тебя кляпы...

– М-м-м-м?

– Напомни мне хорошенько дать себе в торец.

– М-м м-м-м?

– Все равно, какой. А теперь давай так: один “м-м” – да, два – нет. Это что-то опасное?

– М-м-м-м.

– Опасное?

– М-м-м-м!

– Ты случайно не повторил “м-м” два раза?

– М-м-м-м м-м-м-м.

– Гм-м-м-м...

Зафод начал на цыпочках красться по коридору налево, хотя охотно предпочел бы со всех ног броситься по нему направо.

До двери на мостик оставалось шага два, когда Зафод вдруг вспомнил, что дверь непременно скажет ему какую-нибудь любезность, и замер. Отключить блоки вежливости этим дверям он так до сих пор и не сумел.

А эта дверь изнутри рубки была скрыта восхитительным дизайнерским изгибом стены, и Зафод надеялся через нее проникнуть на мостик незамеченным.

В отчаянии Зафод откинулся к стене и прошептал такие слова, что одна его голова повернулась и посмотрела на другую с невольным уважением.

Зафод взгляделся в тускло-розовый контур проема двери и попытался во мраке коридора определить, где находится зона чувствительности сенсора, которым дверь определяет, что к ней подходит кто-то, для кого надо открыться с веселым и жизнерадостным приветствием.

Зафод притиснулся к стене и стал пробираться к двери, втянув живот, как только мог. Он пожалел, что последние дни провалялся в постели – а ведь мог бы вместо этого отводить душу на тренажерах в корабельном спортзале.

Потом Зафод решил, что пришло время говорить.

Он несколько раз глубоко вздохнул, а потом сказал так тихо, как только мог:

– Дверь! Если ты меня слышишь, ответь, только очень-очень тихо!

Дверь очень-очень тихо ответила:

– Я вас слышу.

– Отлично. Сейчас я попрошу тебя открыться. Когда ты откроешься, прошу тебя, не говори, что ты была счастлива это сделать, договорились?

– Договорились.

– И не говори, что я сделал простую дверь счастливой, и что ты рада была открыться передо мной и закрыться за мной с чувством выполненного долга, договорились?

– Договорились.

– И не желай мне доброго утра, дня или вечера, ясно?

– Ясно.

– Отлично, – сказал Зафод, собравшись с духом. – Теперь открывайся.

Дверь бесшумно уехала в стену. Зафод тихо шагнул в проем. Дверь так же беззвучно закрылась за ним.

– Я все сделала правильно, мистер Библброкс? – громко спросила дверь.

– А теперь представьте себе, – сказал Зафод отряду белых роботов, дружно повернувшихся к нему, – что у меня в руке самый мощный смертолет на свете.

Повисла невероятно холодная и напряженная тишина. Роботы смотрели на Зафода жуткими мертвыми глазами. Они не двигались с места. Что-то смертоносное было в них – даже для Зафода, который никогда не видел их прежде и даже ничего не слышал о них. Крикитские войны остались в древней истории Галактики, а Зафод на уроках истории думал в основном о том, как бы трахнуть девицу за соседней киберпартой. Обучающий компьютер сделался важнейшим соучастником его планов: его блоки, занятые историей, были отформатированы и заменены совершенно другими идеями и концепциями, в результате чего компьютер пришлось демонтировать и отправить в приют для киберматов-даунов, куда за ним последовала и девица, безнадежно влюбившаяся в злополучную машину, в результате чего а) у Зафода так ничего с ней и не было, и б) пробелом в его образовании стала целая эпоха древней истории, знание которой сейчас оказало бы ему неоценимую услугу.

Зафод, не моргая, смотрел на роботов.

Необъяснимым образом их гладкие и матово поблескивающие белые тела казались воплощением медицински чистого зла. От жутких смертоносных глаз до могучих механических стоп они выглядели как произведение ума, который жаждал только одного – убивать. Зафод сглотнул и поежился от страха.

Роботы разобрали часть стены мостика и проделали в ней проход через жизненно важные внутренности корабля. Сквозь пролом Зафод разглядел к своему вящему ужасу, что роботы пробираются к самому сердцу корабля, сердцу невероятного двигателя, таинственным образом возникшему из воздуха – к самому Золотому Сердцу.

Самый ближний к Зафоду робот оглядел его так, словно тщательно промерил каждую частичку его тела, души и разума. Когда он заговорил, слова его были подобраны соответственно результатам измерений.

Прежде, чем мы узнаем, что он сказал, следовало бы, возможно, заметить, что Зафод стал первым живым организмом, услышавшим речь этих созданий за последние десять с лишним миллиардов лет. Если бы Зафод Библброкс больше внимания уделял древней истории и меньше своему организму, он, возможно, был бы польщен такой честью.

Голос у робота был такой же, как его тело – матовый и мертвый. В нем слышалась как будто даже хрипотца, и он казался очень древним, каким, собственно, и был.

Робот сказал:

– Подтверждаю. У вас в руке ручной автоматический бластер "Смертолет".

Зафод не сразу понял его, а потом бросил взгляд вниз на свои руки и с облегчением увидел, что штука, присобаченная к аварийному ящику на стене действительно оказалась тем, что он подумал.

– Ну, так-то вот, – сказал Зафод со зловещей ухмылкой и вздохом облегчения, сочетать которые вместе не так уж легко. – Просто не хотел напрягать твое воображение.

Повисло молчание, и Зафод понял, что роботы не намереваются вступать в переговоры, и что это придется делать ему.

– Я смотрю, вы припарковали свой корабль прямо поперек моего, – сказал Зафод, кивнув одной из голов в соответствующем направлении.

С этим было трудно спорить. Безо всякого уважения к законам топологии трехмерного пространства, роботы просто материализовали свой корабль там, где им было нужно, и теперь он и "Золотое сердце" проходили друг через друга, как проходят друг через друга две расчески.

На это роботы ничего не ответили, и Зафод подумал, что переговоры, возможно, сдвинутся с мертвой точки, если он будет строить свои реплики в форме вопросов.

– ...Что ли, так? – добавил он.

– Так, – ответил робот.

– Ну... и вот, – сказал Зафод. – Короче, чуваки – что вы тут делаете?

Молчание.

– Роботы, да! – поправился Зафод. – Роботы, что вы тут делаете?

– Нам нужна Золотая Перекладина, – ответил робот.

Зафод кивнул и движением ствола смертолета попросил чуть более подробных объяснений. Робот, казалось, понял этот жест.

– Золотая Перекладина – часть Ключа, который мы собираем, – добавил робот, – чтобы освободить наших Мастеров с Криккита.

Зафод снова кивнул и повторил жест стволом.

– Ключ был размечен по пространству и времени, – продолжил робот. – Золотая Перекладина вмонтирована в двигатель вашего корабля. Она снова станет частью Ключа. Наши Мастера будут освобождены. Вселенский Передел начнется вновь.

Зафод снова кивнул.

– О чем это ты, приятель? – спросил он.

Мертвенное белое лицо робота, казалось, поморщилось. Разговор начал его утомлять.

– Ошибка операции памяти, – констатировал он. – Мы собираем Ключ, – начал он снова.
– Мы уже добыли Деревянный, Стальной и Плексигласовый Столпы. Сейчас мы добудем Золотую Перекладину...

– Не добудете.

– Добудем, – повторил робот.

– Не добудете. На ней летает мой корабль!

– Сейчас, – повторил робот, – мы добудем Золотую Перекладину...

– Не добудете, – заупрямился Зафод.

– После этого, – закончил робот со всей серьезностью, – мы отправимся на банкет.

– Во как, – удивился Зафод. – А мне с вами можно?

– Нельзя, – ответил робот. – Вас придется убить.

– Это как же? – спросил Зафод, помахивая смертолетом.

– Так, – сказал робот, и они убили его.

Зафод был так удивлен, что им пришлось убить его еще раз, прежде, чем он упал.

Х

– Тише, – призвал Старпердуппель. – Слушайте и смотрите.

На древний Криккит опустилась ночь. Небо было пустым и черным. Единственным источником света был близлежащий городок, из которого ночной зефир доносил приятные отзвуки вечерней жизни. Дерево, под которым стояли наши герои, струило тонкий аромат. Артур присел и пощупал информативные иллюзии травы и почвы. Почва выглядела жирной и мягкой, трава – густой и свежей. Трудно было отделаться от иллюзии, что они находятся в месте исключительно приятном во всех отношениях.

В то же время, совершенно пустое небо, как показалось Артуру, придавало идиллии окружающего пейзажа – пусть по большей части сейчас невидимого – несколько странный, нехороший оттенок. Должно быть, дело привычки, решил Артур.

Кто-то дотронулся до его плеча, и Артур обернулся. Старпердуппель молча указывал на дорогу, спускавшуюся к ним с холма. Артур пригляделся и увидел на дороге огоньки, которые, покачиваясь и танцуя, неспешно двигались в их направлении.

Через некоторое время стали слышны и голоса, и вскоре показалась компания, возвращающаяся из холмов в город.

Они прошли совсем рядом с деревом, помахивая лампами, лучи которых отбрасывали на траву и кроны деревьев причудливые тени, приятно беседуя, и даже пели какую-то песню о том, какой чудный выдался вечерок, какое у них прекрасное настроение, и как же они любят, поработав, как следует, на воздухе, возвращаться по такой погоде домой, к женам и детям; а в припеве пелось о том, что аромат цветов особенно хорош в это время года, и что какая жалость, что старый пёсик издох, ведь он так любил именно эти цветы. Артур живо представил себе, как Пол Маккартни, грея пятки у камина, показывает эту песню Линде, прикидывает, что бы такого купить на гонорар за нее, и решает, что, пожалуй, Эссекс.

– Мастера Криккита, – прошептал Старпердуппель похоронным голосом.

Артур так увлекся картинкой, которую сам себе нарисовал, что не сразу понял, о чем говорит старец. Потом он восстановил в голове разрозненные фрагменты мозаики и пришел к выводу, что по-прежнему не понимает, о чем старец говорит.

– Что такое? – спросил он.

– Мастера Криккита, – повторил Старпердуппель, и если в прошлый раз голос его прозвучал похоронно, то теперь он звучал голосом выходца из Аида, заполучившего там свирепый бронхит.

Артур смотрел на людей и пытался свести воедино все то небольшое, что знал о них.

Это явно были не земляне: как минимум, они были чуть более, чем надо, высокие и худощавые, с резковатыми чертами лица и светлокожие до бледности; во всем же остальном внешность их внушала симпатию. Было в них что-то странное, чудаковатое, что останавливало желание, скажем, пуститься с ними в дальний путь в одном купе; но если чем-то они и отличались от простых и обычных людей, то, скорее, в лучшую, чем в худшую сторону. И почему это Старпердуппель заговорил о них голосом, больше подходящим для анонса фильма о том, как работники бензопилы и топора берут работу на дом?

И, опять же, почему Криккит? Артур не мог взять в толк, что может быть общего между хорошо известной ему игрой и...

Тут Старпердуппель прервал поток его размышлений, словно бы почувствовав, что происходит в голове у Артура.

– Игра, известная вам под названием “крикет”, – сказал он, и голос его, казалось, путешествовал по мрачным подземельям, – это лишь каприз генетической памяти, способной

сохранять образы, истинное значение которых утрачено во мгле веков. Из всех наций, населяющих Галактику, быть может, только англичане смогли, оживив воспоминание о самых ужасных войнах, которые когда-либо сотрясали Вселенную, превратить его в игру, которая, насколько мне известно, повсеместно признана непостижимо скучной и бессмысленной. Нет, лично я – большой ее поклонник, – отметил он, – но большинство, боюсь, сочтет ваши вкусы неисправимо дурными. Особенно вот этот момент, когда маленький красный мячик попадает в калитку... Вы так невинны, что и представить себе не можете, как это выглядит со стороны.

– Вон оно что... – сказал Артур и нахмурился, чтобы показать, что мозг его работает на полную проектную мощность. – Теперь понятно...

– Сейчас же перед вами, – Старпердуппель снова перешел на замогильный шепот и указал на компанию криккитян, шедшую мимо, – перед вами проходят те, с кого всё это началось. И началось оно в эту ночь. Идемте за ними! Вы все увидите сами.

Трое выскользнули из-под сени дерева и пошли за веселой компанией по темной дорожке вдоль склона холма. Инстинктивно они старались ступать потише, хотя, будучи лишь зрителями информативной иллюзии, они могли бы с тем же успехом вооружиться аккордеонами, кастрюлями и поварешками и шуметь, что было сил – никто не заметил бы их.

Артур обратил внимание, что двое криккитян запели другую песню. Она далеко разносилась в ночной тишине, и это была прелестная романтическая баллада, за которую Пол Маккартни положил бы в свой карман Кент с Сассексом и начал бы прицениваться к Гемпширу.

– Вы, конечно, помните, – обратился Старпердуппель к Форду, – что должно случиться сейчас?

– Кто, я? – ответил Форд. – Ни малейшего представления не имею.

– Как? Разве в школе вы не изучали древнюю историю Галактики?

– Моя киберпарта стояла сразу за Зафодом, – объяснил Форд. – Учиться было невозможно. То есть, нельзя сказать, что я не узнал ничего интересного...

Здесь Артур заметил в песне занятный момент: в середине восьмого куплета, к которому Пол Маккартни уже прочно закрепился бы в Винчестере и поглядывал бы на луга и холмы Нью-Фореста по ту сторону Тест-Вэлли, текст звучал несколько странно. Автор упоминал о том, что встретил девушку, шедшую легкой походкой не “под полную луну” и не “под яркую звезду”, а “над свежей травой”, что, как показалось Артуру, несколько снижало стиль. Но тут он глянул на головокружительно черное небо, и его посетило чувство, что в этом кроется что-то очень-очень важное, хотя он и не может понять, что. Он вдруг почувствовал себя одиноким во Вселенной, и даже сказал об этом вслух.

– Нет-нет, – возразил Старпердуппель, слегка ускоряя шаг, – криккитяне никогда не задумывались, одиноки ли они во Вселенной. Дело в том, что их солнце и его единственная планета окружены огромным пылевым облаком, и находятся они на самом восточном рубеже Галактики. Из-за пылевого облака на их ночном небе никогда ничего не видно. Их небо абсолютно пусто. Днем на нем светит солнце, но на солнце, как известно, смотреть весьма трудно. Они вообще едва ли знают, что такое небо. Это что-то вроде слепого пятна, которое накрывает их от горизонта до горизонта. Они никогда не задумывались, одиноки ли они во Вселенной, по той простой причине, что до сегодняшнего вечера они понятия не имели о Вселенной. До самого сегодняшнего вечера.

Старпердуппель зашагал вперед, а слова его продолжали звучать в ушах.

– Представьте себе, – добавил он. – Они никогда не думали, что они одни, потому что им никогда не приходило в голову, что может существовать что-то еще.

Он снова зашагал.

– Боюсь, что зрелище может оказаться чересчур, как бы это сказать...

Не успел он договорить, как из безвидного и пустого неба над ними послышался тонкий, быстро усиливающийся вой. Артур и Форд посмотрели на небо, но сперва ничего там не увидели.

Артур заметил, что криккитяне, шедшие впереди, тоже услышали звук, но тоже не поняли, что происходит. Они недоуменно смотрели друг на друга, по сторонам, вперед, назад, даже под ноги, но никому из них не пришло в голову посмотреть вверх.

Глубину их потрясения при виде горящих обломков звездолета, с оглушительным рёвом рухнувшего с неба через мгновение в полумиле от них, сможет представить себе лишь тот, кто это видел.

Есть люди, говорящие с придыханием о “Золотом Сердце”. Есть люди, говорящие с придыханием о Бистроматическом Звездолете.

Многие вспоминают легендарный гигантский космический корабль “Титаник” – грандиозный и роскошный пассажирский лайнер, построенный на звездоверфи астероидного пояса Артефактоволл несколько сотен лет назад. И им есть, что вспомнить.

То был невиданно прекрасный, ошеломляюще огромный и возмутительно комфортабельный корабль за все то, что осталось еще от истории (см. “Кампания За Реальное Время”), но, к своему несчастью, он появился на свет на самой заре теории невероятности, задолго до того, как ученые разобрались, как следует, в этой сложнейшей отрасли знания – и даже то того, как они толком в нее забрались.

Инженеры-проектировщики ничтоже сумняшеся решили окружить корабль базовым полем невероятности, чтобы все неприятности, которые могут случиться с какой-нибудь частью звездолета, стали бесконечно невероятны.

Они не знали, что из-за квази-инверсивной и циклической природы всех невероятностных вычислений все бесконечно невероятные события на самом деле, скорее всего, произойдут практически тотчас же.

Звездолет “Титаник” чудовищно зрелищно смотрелся на стапеле: он был похож на серебряного арктурианского вакуумного мегакита, окруженный лучами лазеров, которые высвечивали краны, опоры и стойки – алмазное облако из сверкающих иголок света на фоне бездонной черноты межзвездного пространства.

Но этот гигант не успел даже послать свой первый радиосигнал – сигнал бедствия: едва сойдя со стапелей, он внезапно и абсолютно прекратил свое существование.

Однако день, который для одной молодой отрасли науки стал днем катастрофы, для другой стал днем удивительного апофеоза. Впоследствии было убедительно доказано, что трансляцию запуска “Титаника” по 3D-видению смотрело больше людей, чем вообще существовало в то время во Вселенной; и это было признано величайшим достижением в области исследований рейтинга.

Другим весьма зрелищным событием того дня был взрыв сверхновой на месте звезды Ылладдин несколько часов спустя. Ылладдин – звезда, в окрестностях которой расположены офисы большинства страховых компаний Галактики – то есть, были расположены.

Но, если об этих – и о множестве других прославленных звездолетов, среди которых достаточно упомянуть хотя бы галактические боевые крейсера “Отважный”, “Дерзкий” и “Вообще Безбашенный” – много говорят с уважением, гордостью, восхищением, восторгом, сочувствием, сожалением, прискорбием и другими весьма популярными чувствами, – есть звездолет, который неизменно вызывает лишь глубочайшее изумление. Это “Криккит-1”, первый космический корабль, построенный жителями Криккита.

И вовсе не потому, что "Криккит-1" был такой уж прекрасный корабль. "Криккит-1" вовсе не был красавцем. Он был похож на грудку металлолома. Он выглядел так, будто его сколотили в чьем-то сарае – как оно, собственно, и было.

Самое изумительно в этом корабле не то, какой он был – потому что был он, в сущности, никакой – а то, что он вообще был.

С того дня, когда криккитяне открыли для себя существование космоса, и до дня запуска первого криккитского космического корабля не прошло и года.

Пристегиваясь ремнями к стартовому креслу, Форд благодарил судьбу за то, что это всего лишь информативная иллюзия. В реальной жизни ноги его не было бы на таком корабле. "Будь проклят тот день, когда я сел за баранку этого пылесоса", – вертелось у него на языке. А также: "Остановите звездолет, я слезу".

– Оно полетит? – спросил Артур, с сомнением оглядывая шланги и провода, переплетающиеся между собой и опутывающие все внутренности корабля.

Старпердуппель заверил его, что оно полетит, что им ничего не угрожает, и что это будет в высшей степени поучительно и трагично.

Форд и Артур постарались успокоиться и настроиться на трагедию.

– Давай, крути свою шарманку, – сказал Форд.

Перед ними – разумеется, не обращая на них никакого внимания по той весьма уважительной причине, что их там вовсе не было – сидели трое космонавтов. Они же и построили корабль. Это они в ту ночь под холмом шли по тропинке, распевая проникновенные авторские песни. Крушение инопланетного звездолета перевернуло их мир. Недели напролет они разделяли обломки звездолета, выживая из них все технологические секреты и не переставая напевать мелодичные звездолеторазделочные куплеты. Потом они построили свой космический корабль, и теперь сидели в нем и пели незатейливую, но трогательную песенку о смешанном чувстве радости и гордости, охватывающем их. В припев было подпущено немного иронии, и в нем упоминалось о долгих, долгих часах, проведенных в сарае вдаль от любимых жен и детей, которые страшно скучали по папочкам, но поддерживали их хорошее настроение регулярными докладами о том, как подрастает прелестный и веселый щеночек.

У-у-у-у-у-а-у! – корабль оторвался от земли и взмыл в небо, как корабль, который хорошо знает, что делает.

– Не верю, – сказал Форд, когда перегрузки немного ослабли, и корабль уже выбирался из верхних слоев атмосферы. – Не верю! Нельзя за год спроектировать и построить такой корабль. Будь ты хоть трижды стахановец. Не бывает такого. Докажите – и я все равно не поверю!

Форд покачал головой и уставился в маленький иллюминатор на тьму внешнюю.

Некоторое время полет продолжался нормально, и Старпердуппель промотал запись немного вперед. Поэтому криккитяне очень скоро добрались до внутреннего края сферического пылевого облака, окружавшего их родные светило и планету – как оказалось, почти вплотную к ее орбите.

Казалось, будто сама структура и целостность пространства меняются. Чернота окружила и окутала корабль. Это была очень холодная, очень черная и тяжелая чернота. Это была чернота ночного неба на Крикките.

Холод, тяжесть и мрак начали действовать Артуру на нервы, и он очень остро почувствовал, каково приходилось сейчас криккитским космонавтам, болтающимся без опоры в пустоте. Они достигли предела мироздания своей расы. За этот предел ни один

криккитянин не проникал даже мыслью: никто из них нкогда и не думал, что там есть какой-то предел, за который мысль может проникнуть.

Чернота облака завладела кораблем. Внутри стояла эпохальная тишина. Историческая задача – узнать, если ли по ту сторону неба что-нибудь, откуда мог свалиться горящий звездолет – вот-вот будет решена, несмотря на то, что сама мысль о существовании неба была еще так недавно чужда и недоступна уму тех, кто вырос под небом Криккита.

История же собирала силы для следующего удара.

Тьма окутывала их, мрак сгущался, становясь все плотнее и плотнее, тягостнее и тягостнее. И вдруг он пропал.

Корабль вылетел из пылевого облака.

Ослепительные бриллианты звезд в бесконечной алмазной пыли засияли в иллюминаторах, и души космонавтов затрепетали.

Некоторое время они, не в силах пошевелиться, плыли вдоль звездной реки Галактики, тоже казавшейся неподвижной в бескрайнем течении Вселенной. Затем они остановили корабль.

– Придется убрать, – сказали криккитяне, поворачивая к дому.

На обратном пути они спели немало мелодичных и лирических песен о мире, справедливости, нравственности, культуре, здоровом образе жизни, семейных ценностях и тотальном уничтожении всего инакоусущего.

XI

– Вот так, – промолвил Старпердуппель, медленно помешивая свой искусственный кофе и тем самым перемешивая турбулентные комплексы реальных и мимореальных чисел на сопряжении перцепционных интеракций Разума и Вселенной, что, в свою очередь, порождало реструктурированные матрицы неявно свернутой субъективности, посредством которых его корабль перекраивал саму концепцию времени и пространства. – Вот как это случилось.

– Ясно, – сказал Артур.

– Ясно, – сказал Форд.

– Что я должен делать с этим цыпленком? – спросил Артур.

Старпердуппель недовольно посмотрел на него:

– Играйтесь с ним, – сказал он. – Просто играйтесь с ним. – И продемонстрировал на своем цыпленке. Артур последовал его примеру и почувствовал, как математическая функция пробежала по цыплячьей ножке, движущейся в четырех измерениях по пятимерному, как заверил Старпердуппель, пространству.

– В одночасье, – продолжил Старпердуппель, – все население Криккита превратилось из милых, жизнерадостных, сметливых...

– ... малость ушибленных пыльным мешком... – вставил Артур.

– ... простых людей в милых, жизнерадостных, сметливых...

– ... ушибленных...

– ... маниакальных ксенофобов. Вселенная, если можно так сказать, никак не укладывалась в их картину мироздания. Они не могли осознать эту идею. И они приняли милое, жизнерадостное, сметливое... ушибленное, если угодно, решение. Они решили уничтожить ее. Что теперь?

– Мне не нравится это вино, – сказал Артур, понюхав бокал.

– Ну, так попросите его заменить. Это все часть работающей тут математики.

Артур так и сделал. Топография улыбки официанта ему тоже не понравилась, но он вообще никогда не любил теорию графов.

– Куда мы сейчас? – спросил Форд без особой надежды.

– Обратно в Зал Информативных Иллюзий, – ответил Старпердуппель вставая и вытирая губы математической репрезентацией салфетки. – Нас ждет вторая часть.

XII

– Криккитяне, – провозгласил Его Высокопревосходительство и Верховное Судейшество, В.О.В.О. (Высокоученый, Объективный и Весьма Отвязный) Председатель Коллегии Трибунала Объединенных Рас по Военным Преступлениям в ходе Криккитских Войн, – криккитяне, как известно всему прогрессивному человечеству – гордая свободолюбивая нация, которая по праву гордится древней самобытной культурой и высокими нравственными ценностями. Проблема с ними в том, что они хотят нас всех поубивать. Блин, что ж меня так колбасит поутру?.. Ну, так вот, – продолжал он, закинув ноги на переднюю скамью и стряхивая невидимый волосок со своей церемониальной пляжной майки, – мы не обязаны терпеть в нашей Галактике таких нелиберальных дикарей и террористов.

Это было правдой.

Нападение криккитян на Галактику было ошеломительным. Тысячи и тысячи огромных криккитских линкоров внезапно вынырнули из подпространства и одновременно атаковали тысячи тысяч жизненно важных планет, сперва захватывая источники энергии и ресурсов, чтобы выстроить новую волну нападения, а затем хладнокровно стирая эти планеты с лица Вселенной.

Галактика, в ту пору наслаждавшаяся необычайно продолжительным периодом мира и процветания, зашаталась, как человек, на которого посреди поля упал кирпич.

– Мое мнение, – продолжал Его Судейшество, обведя взглядом огромный ультрасовременный (дело было десять миллиардов лет назад, когда слово “ультрасовременный” означало массу нержавеющей стали и рихтованного бетона) зал суда, – мое мнение такое, что они просто взбесились.

И это было правдой – никто не смог пока дать других объяснений той невообразимой скорости и решительности, с которыми криккитяне устремились к своей новой высшей цели – уничтожению всего, что не было Криккитом.

Этим же объясняли и невероятный взрыв в развитии науки и техники, необходимых для постройки тысяч и тысяч боевых кораблей с миллионами и миллионами белых роботов на борту.

Эти роботы вселяли ужас в сердца всех, кто видел их – впрочем, в большинстве случаев ужас этот длился очень недолго. Эти жуткие бездумные летающие машины убийства были вооружены большими многоцелевыми боевыми битами, которые одним движением могли сносить целые здания, другим движением выстреливали испепеляющие Всеразруш-Уничтож-лучи, а третьим движением запускали ужасающий арсенал всевозможных гранат, от скромных зажигательных бомб до гиперъядерных взрывных устройств «Макси-Шмяк», способных разнести крупную звезду. Простым ударом боевой биты по гранате роботы активировали взрыватель и посылали их с феноменальной точностью на расстояние от нескольких метров до сотен тысяч километров.

– Однако, приколы в том, – снова заговорил Его Судейшество, – что мы победили.

Он помолчал, пожевывая резинку.

– Мы победили, – повторил он. – Ясное дело. Не, ну, понятно – неслабая такая Галактика против одной-единственной планетки. Без вариантов. Но сколько времени у нас на это ушло? Секретарь?

– Ваша честь? – отозвался строгий маленький человечек в черном, вставая.

– Конкретно, сколько?

– Ваша честь, на этот вопрос трудно ответить точно. Время и расстояние...

– Ну ладно точно – а приблизительно?

– Мне не хотелось бы, ваша честь, быть неточным в вопросе такой ва...

– Да заманал ты со своими заморочками. Просто прикинь и скажи – сколько?

Секретарь заморгал. Очевидно было, что он, как и большинство деятелей галактической юриспруденции, считал Его Судейшество (он же Заппо Былбырокс Пять Сто Восьмых, под каковым именем, по необъяснимому капризу судьбы, он проходил в документах) весьма неприятной личностью. Он считал его хулиганом и невоспитанным типом. Этот хам и невежда считал, что обладание величайшим юридическим талантом, обнаруженным на данный момент во Вселенной, дает ему право вести себя так, как ему заблагорассудится – и, к несчастью, в этом он был прав.

– Э-э... ваша честь... Приблизительно две тысячи лет, – потупившись, сказал секретарь.

– И сколько народу мы прохрюкали?

– Два гриллиарда, ваша честь, – секретарь сел. Гидроспектральный анализ показал бы, что он слегка дымится.

Его Судейшество снова оглядел зал суда, в котором собрались сотни самых высокопоставленных лиц галактической администрации, все в парадных формах или телах, сообразно своим обычаям и обмену веществ. За стеной из уничтож-непроницаемого хрусталя стояли представители криккитян, глядя со спокойной вежливой ненавистью на всех инопланетян, собравшихся вынести им приговор. Настал самый торжественный миг в истории юриспруденции, и Его Судейшество это прекрасно знал.

Он вынул изо рта жевачку и приклеил ее снизу к своему креслу.

– Неслабая уйма народищу, – заметил он.

Зал суда сумрачным молчанием выразил свое согласие с этим замечанием.

– В общем, как я уже говорил, они вполне клёвые ребята, но мы не хотим жить с ними в одной Галактике, если только они не попустят и не тормознутся со своей идеей. У нас же просто дня спокойного не будет. Придется все время смотреть в небо и ждать, когда они снова на нас свалятся. Это не называется мирным сосуществованием. Братцы, кто-нибудь, принесите водички, а?

Председатель откинулся в кресле и задумался со стаканом в руке.

– Короче, так, – сказал он наконец. – У этих ребят есть полное право на свое собственное мировоззрение и представления о Вселенной. И, исходя из этих своих представлений, обусловленных этим своим мировоззрением, они все делали правильно. Как ни дико это звучит, с этим не поспоришь. В их моральном кодексе написано... – председатель заглянул в бумажку, которую вытащил из заднего кармана своих судейских джинсов, – написано так: “мир, справедливость, нравственность, культура, здоровый образ жизни, семейные ценности и полное уничтожение всего инакогосущего”. – Председатель пожал плечами: – Вообще говоря, встречались мне вещи и похуже. Гораздо хуже.

Председатель задумчиво почесал грудь.

– Да-а, блин, – протянул он. Он отхлебнул еще воды из стакана, посмотрел стакан на свет и нахмурился. Он повертел стакан перед глазами. – Стоп. В воде что-то есть? – спросил он.

– Никак нет, ваша честь, – ответил дрогнувшим голосом судейский пристав, принесший стакан.

– Так, блин, долейте же в нее чего-нибудь!.. О! У меня есть идея!

Председатель отодвинул стакан и положил локти на стол:

– Короче, сделаем вот что...

Решение было, как всегда, блестящим, и вот в чем оно заключалось.

Планету Криккит следовало навечно заключить в Камеру Завремедления, внутри которой время будет течь почти бесконечно медленно. Стенки камеры будут отражать все, поэтому изнутри она будет невидимой и недостижимой. Открыть камеру изнутри будет совершенно невозможно; открыть ее можно будет только снаружи.

Когда вся окружающая Вселенная приблизится к концу, и все мироздание приготовится к своему решающему финалу (это было еще до того, как Конец Света сделался зрелищной гастрономической достопримечательностью), и жизнь вместе с материей исчезнут – тогда планета Криккит и ее солнце выйдут из Камеры Завремедления и будут существовать в полном одиночестве и мраке вселенской пустоты, к которым ее жители так стремились.

Замок от Камеры будет находиться на астероиде, медленно вращающемся вокруг ее орбиты.

Ключом же станет символ Галактики – Каллитские Врата.

К тому времени, как аплодисменты в зале суда смолкли, Его Судейшество уже давно плескался в сенс-о-душе с одной симпатичной стенографисткой, которой он получасом раньше ухитрился перебросить соответствующую записочку.

XIII

Спустя два месяца Заппо Былбырокс Пять Сто Восьмых, подвернув клеша своих галактических форменных джинс, прожигал ничтожную часть своего астрономического гонорара на изумрудном пляже, и та самая симпатичная стенографистка втирала в его спину квалактинский эликсир. По национальности она была сульфинянка из Облачных Миров Яги. Ее шелковая кожа была лимонного цвета, и ее очень занимали юридические лица; впрочем, лицами ее интересы не ограничивались.

– Новости слышал? – спросила она.

– У-у-о-о-ох ты! – воскликнул в ответ Заппо Былбырокс Пять Сто Восьмых, и чтобы понять, что заставило его так ответить, надо было быть там с ними. Информативная иллюзия оставляла здесь простор для воображения, поскольку этот эпизод был инсценировкой.

– Нет, – добавил Заппо, когда то, что заставило его воскликнуть “У-у-о-о-ох ты!”, кончилось. Он подвинулся чуть-чуть, чтобы поймать на живот первые лучи третьего, самого крупного из солнц нетронутой цивилизацией планеты Вводь, которое как раз выползало на неприлично прекрасный небосклон, поднимая его загорательную мощность до невиданного прежде максимума.

Ароматный бриз со стороны безмятежного моря пробежался вдоль берега и ушел обратно в море, не зная, куда бы еще податься. Повинуясь непроизвольному порыву, бриз вдруг снова кинулся на берег, а потом окончательно унесся в морской простор.

– Надеюсь, это плохие новости? – спросил Заппо Былбырокс Пять Сто Восьмых. – Хороших я больше не перенесу.

– Сегодня твой криккитский приговор привели в исполнение, – сообщила девушка торжественно. Никакой нужды в торжественности сейчас не было, но она все равно сообщила это известие торжественным голосом, потому что день как-то располагал к этому. – Я слышала по радио, – объяснила она, – когда ходила в корабль за кремом.

– Отлично, – отозвался Заппо и снова опустил голову на изумрудный песок.

– Отлично, да не совсем, – сказала девушка.

– Что такое?

– Сразу, как только закрыли Камеру Завремедления, – рассказала она, прервав свое занятие – втирание квалактинского эликсира, – один криккитский крейсер, считавшийся пропавшим без вести и предположительно уничтоженным, оказался всего лишь пропавшим без вести. Он нашелся и попытался захватить Ключ.

Заппо вскочил и сел.

– Как?!

– Да ты не волнуйся, – сказала она голосом, который мог бы успокоить вулкан. – Бой был, судя по всему, очень короткий. Ключ и крейсер были дезинтегрированы и разметены по пространственно-временному континууму. Судя по всему, они исчезли навсегда.

Сульфинянка улыбнулась и зачерпнула пальцами еще немного квалактинского эликсира. Заппо снова лег и закрыл глаза.

– Сделай так, как только что, – попросил он.

– Вот так? – спросила она.

– Да нет, вот так!

– Так? – попробовала она по-другому.

– У-у-о-о-ох ты!

Информативная иллюзия снова спасовала в этом месте.

С моря опять налетел ароматный бриз.

По пляжу бродил никому не нужный волшебник.

XIV

– Но ничто не исчезает безвозвратно, – продолжал Старпердуппель. На лицо его ложились красные отблески свечи, которую попытался унести с их стола робот-официант. – Ничто, за исключением разве что Халезмского Собора.

– Разве что чего? – переспросил Артур.

– Халезмского Собора, – повторил Старпердуппель. – В ходе своих исследований в рамках Кампании за Реальное Время я...

– В рамках за кого? – снова переспросил Артур.

Старец умолк, собираясь с мыслями перед последним, как он надеялся, раундом этой истории. Робот-официант прошел мимо через пространственно-временные матрицы походкой, в которой прелюбопытным образом сочетались хамоватость и подобострастие, снова протянул руку за свечой и на этот раз схватил ее и унес-таки. Они потребовали счет, затеяли небольшой, но содержательный спор о том, кто именно заказывал каннелони, и сколько бутылок вина было взято на всех, тем самым, как Артур смутно понял, успешно выведя корабль из субъективного пространства и поставив его на парковочную орбиту возле незнакомой планеты. Теперь официант нетерпеливо дожидался своей очереди поучаствовать в вычислительном ребусе и начать влажную уборку быстро.

– Сейчас вы сами все поймете, – пообещал Старпердуппель. – Дело вот в чем. Потоки времени сейчас чрезвычайно загрязнены. Они несут массу всякой дряни и мусора. И все больше и больше этого мусора выбрасывается в физический мир. Завихрения пространственно-временного континуума – неужели не слышали?

– Ой, я слышал! – вспомнил Артур.

– У меня вопрос, – сказал Форд, вставая и нетерпеливо отодвигая свой стул от стола. – Куда мы летим? А то мы тут что-то тормознулись не по делу.

– Мы спешим, – проговорил Старпердуппель медленно и четко, – помешать боевым роботам криккитян полностью завладеть ключом, который нужен им, чтобы вывести планету Криккит из Камеры Завреждения и освободить свою армию и ее безумных Мастеров.

– Вот как? – удивился Форд, – А мне показалось, что речь шла о каком-то банкете.

– Э-э-э... Ну, шла. – сдался Старпердуппель. Он понял уже, что упоминание о банкете было ошибкой, потому что слова эти вызвали у Форда Префекта необъяснимое и исключительно нездоровое возбуждение. Чем больше Старпердуппель рассказывал о мрачной и трагической истории Криккита и его обитателей, тем больше Форду Префекту хотелось как следует вмазать и подергаться с клёвыми клюшками. Старец подумал, что не следовало вообще упоминать о банкете без крайней нужды. Однако, слово – не воробей, и Форд Префект уже прицепился к нему, как арктурианская мегапиявка прицепляется к своей жертве, готовясь откусить ей голову и скрыться на ее звездолете.

– Ну, так когда мы будем на месте?

– Не раньше, чем я закончу рассказывать, почему мы должны там быть.

– Что касается меня, то у меня этот вопрос не стоит, – сказал Форд, откинулся и закинул руки за голову. Он улыбнулся одной из тех своих улыбок, от которых у слабонервных собеседников случались судороги.

Старпердуппель давно уже придумал, чем займется на пенсии.

Он собирался научиться играть в октравентральный словоблудд – задача, как он прекрасно знал, восхитительно невыполнимая, поскольку требует иного количества ртов.

Он собирался также написать новаторскую, полную революционных ошибок

монографию об экваториальных фиордах с целью пролить немного мрака на некоторые моменты, представляющиеся ему важными.

Вместо этого он позволил уговорить себя пойти на пол-ставки в Кампанию за Реальное Время, где он вдруг не на шутку увлекся этой работой. В результате свои немолодые годы он тратил теперь на борьбу со злом и спасение Галактики.

Старпердуппель тяжело вздохнул.

– Дело в том, что в КРеаВре...

– Где-где-где? – переспросил Артур.

– В Кампании за Реальное Время, о которой я расскажу вам позже. Там я заметил, что пять предметов из общего мусора,брошенные в действительность совсем недавно, как будто соответствуют пяти фрагментам исчезнувшего Ключа. Лишь два из них мне удалось выследить – Деревянный Столп, появившийся на вашей планете, и Серебряную Перекладину. Она находится на своего рода банкете. Мы должны попасть туда и не дать крикитским роботам завладеть Перекладиной, иначе кто зна...

– Дудки! – перебил Форд. – Мы должны попасть на банкет, чтобы как следует вмазать и подергаться с клевыми клюшками.

– Неужели вы не поняли ничего из того, что я вам...

– Да фиг ли тут понимать? – воскликнул Форд с неожиданной экспрессией. – Все же ежу ясно! Именно поэтому я и хочу принять на грудь и заснять столько телок, сколько успею. Пока все это еще будет! Если все, что ты нам показывал, правда...

– Правда? Это сушая правда. Это документа...

– ...то шансов против них у нас не больше, чем у прыща против сверхновой.

– Против чего? – переспросил Артур тотчас же. До сих пор ему удавалось держаться в курсе беседы, и он очень не хотел опять потерять нить.

– Прыща против сверхновой, – повторил Форд, не давая сбить себя с толку. – И...

– Что это за прыщ такой, против сверхновой? – не отставал Артур.

– У прыща, – растолковал Форд, – нет никаких шансов против сверхновой.

Форд посмотрел на Артура, проверяя, возымели ли его слова желаемое действие, и по пустеющим глазам его увидел, что нет.

– Сверхновая, – пояснил Форд быстро, как только мог, – это звезда, которая расширяется со скоростью примерно в половину скорости света, и горит с яркостью миллиарда солнц, а потом сжимается в сверхтяжелую нейтронную звезду. Это звезда, которая сжигает соседние звезды, так понятно? Против сверхновой ничего не канает.

– А-а, теперь ясно, – сказал Артур.

– И поэто...

– А почему тогда прыщ?

– Какой прыщ?.. А! Да неважно!

На это Артур согласился, и Форд продолжил, изо всех сил постаравшись не сбавить оборотов:

– И дело тут в том, – продолжил он, – что такие люди, как я, ты, Старпердуппель, и Артур – Артур! вот этот самый! – мы же откровенные дилетанты! Штатские шпаки! Шлимазлы мы!

Старпердуппель нахмурился, отчасти озадаченно, отчасти обиженно. Он открыл рот, чтобы возразить.

– ... – успел выговорить он.

– Мы не маньяки! – перебил его Форд.

– ... – попробовал он снова.

– И в этом-то весь фокус. Мы не сможем победить маньяков. Потому что их это волнует, а нас нет. И они побеждают.

– Меня многое волнует! – возразил Старпердуппель голосом, дрожащим отчасти от волнения, но отчасти от неуверенности.

– Как например?

– Ну... – замялся старикан. – Жизнь... Вселенная... Вообще... Много чего! Фиорды, например...

– И ты готов умереть за них?

– За фиорды? – удивился Старпердуппель. – Что за чушь!

– Вот то-то и оно!

– Что-то я, если честно, никак не уловлю суть.

– А я все никак не уловлю, – вставил Артур, – причем тут прыщи?

Форд почувствовал, что теряет позиции, но решил держаться до последнего.

– Суть в том, – прошипел он, – что мы не одержимые, и у нас нет шансов против...

– За исключением твоей внезапной одержимости прыщами, – не унимался Артур, – которая осталась для меня совершенно непонятной.

– Да оставь ты в покое прыщи! – взмолился Форд.

– Да я-то что? – отозвался Артур. – Это ты завел о них разговор.

– Я был не прав, – сказал Форд. – Забудь. Суть не в этом. Суть в том...

Форд уткнулся головой в колени и умолк.

– О чем я говорил? – спросил он устало наконец.

– Давайте пока что просто отправимся на банкет, – предложил Старпердуппель. – Какие бы мотивы нами ни двигали.

– Вот именно это я и хотел предложить, – вздохнул Форд.

По неизвестной причине кабинка телепорта находились в уборной кафетерия.

Путешествия во времени с недавних пор считаются все более и более опасным и вредным видом путешествий. Они загрязняют историческую среду.

Энциклопедия Галактика приводит немало сведений о теории и практике путешествий во времени. Но, поскольку большая часть этих сведений совершенно недоступна тому, кто не потратил по меньшей мере четыре жизни на изучение высшей гиперматематики, и поскольку сделать это было невозможно до того, как открыли путешествия во времени, то остается не вполне ясным, как вообще удалось сделать это открытие. Одно из разъяснений по этому поводу утверждает, будто путешествие во времени в силу самой его природы было открыто одновременно во всех исторических эпохах, но это очевидный бред.

Беда в том, что большая часть истории сейчас – точно такой же бред.

Вот один пример. Кому-то он может показаться не очень важным, но для кого-то это – вопрос жизни и смерти. Во всяком случае, пример этот замечателен тем, что в первую очередь (или в последнюю – это зависит от того, как смотреть на историю, а этот вопрос сам по себе достаточно непрост) послужил поводом для открытия Кампании за Реальное Время.

Жил да был некогда – или, может быть, никогда – один поэт. Его звали Ляляфа, и он сочинил стихи, признанные лучшими во всей Галактике – “Песни Длинной Земли”.

Его стихи были (бы) неописуемо прекрасны – неописуемо в том смысле, что стоит только начать говорить о них, как говорящего охватывает такая буря чувств, такое прозрение истины и ощущение целостности и единства природы и мира, что немедленно приходится выйти пройтись вокруг квартала и, возможно, заскочить в рюмочную на углу и пропустить там стопочку-другую гармонической стилистики с просодовой. Вот какие это были стихи.

Ляляфа жил в лесах Длинной Земли Ёффа. Там он жил, и там он сочинял свои стихи. Он выцарапывал их на высушенных листьях хабры и не пользовался в своем творческом процессе ни теорией стихосложения, ни фломастерами. Он писал про солнце в листве, и про то, что он думал об этом. Он писал про лесной сумрак, и про то, что он думал об этом. Он писал про девушку, которая ушла от него, и про все, что он думал об этом.

Много лет спустя после его смерти стихи эти вышли в свет и были приняты с восторгом. Слух о нем разнесся по всей Вселенной, подобно лучам утреннего солнца. Слова его на многие века вперед осветили и оросили жизненный путь миллионам людей, чей жизненный путь без них был бы намного более темным и пыльным.

А потом, вскоре после изобретения путешествий во времени, один производитель фломастеров задумался: а вдруг поэмы Ляляфы стали бы еще лучше, будь в его распоряжении высококачественные фломастеры, и нельзя ли уговорить его на эксклюзивное интервью на эту тему?

Этот предприниматель отправился назад по волнам времени, нашел Ляляфу и объяснил ему – не без труда – свою идею. Ему удалось уговорить поэта. В результате уговоров Ляляфа стал невероятно богат, и девушка, о которой он должен был написать с такой кристальной проницательностью, вовсе не ушла от него, а, напротив, они вдвоем перебрались из леса в совсем неплохой домик в пригороде, откуда он часто переносился в будущее, чтобы принять участие в ток-шоу, где неизменно блистал ироническим остроумием.

Своих стихов он, разумеется, не написал, но эту проблему решили легко: производители фломастеров попросту отправляли его на недельку в какой-нибудь дом творчества, снабдив экземпляром собрания его сочинений и стопкой высушенных листьев хабры. Ляляфе оставалось только переписать стихи, вставляя то там, то сям, пометки и исправления.

Многие утверждают теперь, что стихи Ляляфы потеряли всякую ценность. Другие возражают им, что тексты остались те же самые, так в чем же дело? Первые отвечают на это,

что дело-то совсем не в этом. Сказать, в чем именно дело, они не могут, но что не в этом — они уверены.

Для того, чтобы прекратить подобные злоупотребления, эти первые и основали Кампанию за Реальное Время. Многих заставили встать на их сторону просочившиеся спустя неделю после открытия Кампании в печать сведения о том, что великий Халезмский Собор не только снесли, чтобы построить новые ионоочистные сооружения, но и что строительство очистных сооружений чересчур затянулось, и поэтому, чтобы начать поставки очищенного иона в срок, пришлось перенести строительство в прошлое так далеко, что Халезмский Собор, собственно, никогда и не был построен. Открытки с видами собора внезапно стали стоять целое состояние.

Таким образом, немалая часть истории утрачена для нас навсегда. Борцы Кампании за Реальное Время утверждают, что, как развитие транспорта и связи привело к глобализации и разрушило различия между странами и мирами, так и путешествия во времени разрушают различия между эпохами. Прошрое, говорят они, стало теперь, как заграница: там все точно так же, как у нас.⁴

⁴ Автор перефразирует цитату из широко популярной у английского читателя книги "Посредник" Л.П.Хартли (1950): "Прошрое — это другая страна: там все иначе." (прим. перев.)

XVI

Материализовавшись, Артур немедленно принялся, пошатываясь, хвататься за горло, за сердце и за прочие части тела, как делал это после каждой из этих ненавистных и крайне болезненных материализаций, к которым он исполнился решимости не дать себе привыкнуть.

Артур огляделся в поисках своих спутников.

Их не было.

Артур огляделся в поисках своих спутников еще раз.

Их по-прежнему не было.

Артур закрыл глаза.

Артур открыл глаза.

Артур огляделся в поисках своих спутников.

Те упорно отсутствовали.

Артур снова закрыл глаза, готовясь повторить это абсолютно бесполезное упражнение, и только сейчас, благодаря тому, что глаза его были закрыты, его мозг начал анализировать то, что только что видели его глаза, будучи открытыми, и от этого анализа брови Артура озадаченно съехались к переносице.

Артур открыл глаза, чтобы проверить себя, но брови не разъехались. Напротив, они скорее начали закрепляться на занятых позициях.

Если это и был праздничный банкет, то праздник явно не удался – настолько, что все участники, похоже, уже сбежали. Артур почти сразу отбросил эту версию. Совершенно очевидно, это был не банкетный зал. Это было больше похоже на пещеру, лабиринт или какой-то туннель – сказать наверняка было нельзя, не хватало света. Артура окружала сырая холодная тьма. Единственным звуком было эхо его собственного дыхания, и дыхание было учащенным. Артур кашлянул тихонько, и ему пришлось выслушать, как призрачное эхо его кашля удалилось по извилистым коридорам и невидимым залам, а потом вернулось к нему такими же коридорами, словно затем, чтобы спросить: “Ась?” Та же участь постигала любой малейший звук, который Артур невольно издавал, и это его весьма нервировало. Он попытался было напеть какую-то веселую песенку, но она вернулась к нему похоронным маршем, и он прекратил пение.

Внезапно перед его глазами встали картины из рассказа Старпердуппея. Ему вдруг показалось, что смертоносные белые роботы вот-вот выскочат из темноты и набросятся на него. Артур перестал дышать. Роботы не появлялись. Артур начал дышать снова. Он не знал, чего ждать.

Но кто-то или что-то, судя по всему, знало, чего или кого ждет, потому что в этот миг перед в черноте перед Артуром зажглись яркие зеленые неоновые буквы. Буквы беззвучно гласили:

Вынужденная посадка

Надпись мигнула и погасла, и Артуру не понравилось, как она это сделала. Артуру показалось, что погасла она, как-то издевательски подмигнув ему. Артур попытался убедить себя, что все это лишь дурацкая игра его воспаленного воображения. Неоновые буквы – они либо горят, либо не горят, в зависимости от того, бежит ли по ним электрический ток или не бежит. И они никак не могут, твердо сказал он себе, переходить из одного состояния в другое, издевательски подмигивая. Несмотря на это, Артур поежился в своем халате.

Внезапно во мраке снова вспыхнула неоновая надпись. На этот раз, правда, это были

лишь знаки препинания; вот такие:

...

только зеленые.

Надпись, поняв вдруг Артур, поглазев на нее пару секунд, намекает, что продолжение следует, и что мысль не закончена. Намекает, отметил Артур, с бесчеловечной настойчивостью. По меньшей мере, с нечеловеческой.

Мысль закончили три слова:

мистер Артур Дент.

Артур помотал головой. Потом перестал и присмотрелся. Буквы по-прежнему означали “мистер Артур Дент”. Артур опять помотал головой.

Надпись снова мигнула и исчезла, оставив его в темноте с расплывчатыми малиновыми буквами его имени, мерцающими на сетчатке глаз.

Добрый день,

загорелась вдруг снова надпись.

И через секунду добавила:

В чем я лично сомневаюсь.

Ледяной страх, подбиравшийся к Артуру все это время, дожидаясь только этого, чтобы объять его. Артур попытался побороть страх. Он даже встал в боевую стойку, как видел это у одного типа по телевизору, но у того типа, должно быть, колени были потверже. Артур чуть не вывихнул глаза, вглядываясь во мрак.

– Эй... Есть тут кто-нибудь? – позвал Артур. Прокашлявшись, он повторил свой вопрос, уже без “эй”.

Где-то вдалеке, на том конце коридора кто-то вдруг начал бить в большой барабан.

Артур слушал несколько секунд, пока не понял, что это бьется его сердце.

Артур послушал еще несколько секунд и понял, что это не стук его сердца, а большой барабан, в который кто-то бьет на том конце коридора.

Крупные капли пота выступили у Артура на лбу, собрались с духом и тронулись в путь. Артур оперся ладонью о пол, чтобы поправить свою боевую стойку, которая как-то не держалась. Надпись снова переменялась. Она гласила:

Не волнуйся.

Выдержав паузу, надпись добавила:

**Волноваться поздно,
Артур Дент.
Берегись,
если можешь.**

После этого надпись погасла окончательно. Глаза у Артура полезли на лоб – он не смог определить, пытались ли они всмотреться в окружающую тьму, или попросту спасались бегством.

– Кто здесь? – спросил Артур, постаравшись придать голосу агрессивности и уверенности в себе. – Есть здесь кто?

Никто не ответил ему, и ничто не отозвалось.

Это встревожило Артура Дента еще больше, чем любой ответ, и он начал пятиться назад

от пугающей черной пустоты. И чем больше он пятился, тем больше она его пугала. Вскоре он понял, в чем дело: во всех фильмах, которые он видел, люди всегда пятились от чего-нибудь страшного и ужасного только затем, чтобы натолкнуться на него задом.

Тут ему пришло в голову, что нужно поскорее обернуться.

Он обернулся.

Перед ним ничего не было. Лишь чернота и пустота.

Это совсем испугало Артура, и он начал пятиться от этой черной пустоты, туда, откуда только что пришел задом.

Попятившись так немного, Артур вдруг подумал, что теперь он пятится прямехонько к тому, от чего пятился только что. Артур был вынужден согласиться с тем, что это довольно-таки глупо. Поэтому он решил, что лучше будет пятиться обратно от того, от чего он пятился сначала, и Артур развернулся.

Тут выяснилось, что вторая мысль была дельной: развернувшись, Артур оказался лицом к лицу с неопишимо безобразным чудовищем, беззвучно стоявшим за его спиной. Артур заорал диким голосом; все его органы рванулись в одну сторону, а тело в другую, мозг же лихорадочно пытался вычислить, через какое ухо будет лучше всего бежать.

– Картина Репина “Не ждали”? Не узнаем старых знакомых? – промолвило чудовище, и Артур невольно удивился такому приветствию: он видел чудовище в первый раз, судя хотя бы уже потому, что до сих пор неплохо спал по ночам. Чудовище было просто... просто... просто...

Артур таращился на него, а оно стояло совершенно неподвижно. И выглядело смутно знакомым.

Ледяное спокойствие овладело вдруг Артуром, который понял, что смотрит на двухметровую голограмму обычной мясной мухи.

Интересно, зачем это кому-то понадобилось показывать мне двухметровую голограмму мясной мухи? – подумал Артур. И интересно, чей это был голос?

Муха пропала.

– Может быть, ты лучше помнишь меня таким? – спросил вдруг голос, и голос был глухим, низким, недобрым, и прозвучал, словно черная кипящая смола, собравшаяся выплеснуться из своей прокопченной бочки на асфальт с дурными намерениями.

Со щелчком перед Артуром в темном лабиринте появился крольчонок – огромный, чудовищный, жутко пушистый прелестный крольчонок, тоже картинка, но такая, что можно было разглядеть каждую прелестную пушинку кроличьего меха. В прелестных блестящих карих глазенках крольчонка Артур с изумлением увидел свое отражение.

– Родился и вырос во мраке, – продолжал голос. – Одним прекрасным утром впервые высунул голову из норки на яркий и теплый солнечный свет – и ее немедленно раскроило что-то, подозрительно похожее на примитивное кремневое рубило. Его создали твои руки, Артур Дент, и пустили в ход они же. Я помню, каким оно было твердым. Из моей шкурки ты сделал себе мешочек для интересных камешков. Это мне известно, потому что в следующей жизни я был мухой. Ты убил меня. Как всегда. Только на этот раз ты убил меня мешочком, сделанным из моей же драгоценной шкурки. Ты, Артур Дент, не только жестокий и бессердечный человек – ты еще и поразительный циник.

Артур раскрыл рот, и голос помолчал немного.

– Я вижу, мешочек не при тебе, – сказал он наконец, – Должно быть, он тебе наскучил?

Артур беспомощно замотал головой. Он хотел объяснить, что на самом деле мешочек ему очень нравился, и он не спускал с него глаз и брал его с собой, куда бы ни шел, но что

почему-то, и это началось довольно давно, всякий раз, путешествуя куда-нибудь, Артур прибывает на место назначения не со своим багажом, и что, престранным образом, даже вот сейчас он вдруг обнаружил, что мешочек, который был у него только что, превратился в косметичку из мерзкой искусственной леопардовой шкуры, и что это не тот мешочек, который был у него всего несколько минут назад, до того, как он попал в это непонятное место, и не такая вещь, которую он бы стал носить, и одному богу известно, что лежит в этой косметичке, потому что она не его, и что он дорого дал бы, чтобы вернуть себе свой, собственноручно сшитый им самим мешочек, хотя, разумеется, ему ужасно неловко и совестно, что он так неосмотрительно экспроприировал его, точнее, его составляющие компоненты, а именно кроличью шкурку, у их предыдущего владельца, то есть кролика, с которым он сейчас имеет честь тщетно пытаться беседовать.

Вслух Артур сказал только “Э-э-э...”

– Познакомься с раздавленной тобой ящерицей, – продолжал голос.

И в коридоре рядом с Артуром возникла гигантская зеленая чешуйчатая ящерица. Артур отскочил, невольно вскрикнув, и очутился посреди кролика. Он невольно вскрикнул еще раз, но отскакивать было уже некуда.

– Это тоже был я, – продолжал голос, низкий и угрожающий, – что, впрочем, тебе и так известно...

– Что значит “известно” – возмущенно воскликнул Артур. – Откуда известно?

– Самое забавное в реинкарнации, – злобно прошипел голос, – это то, что большинство людей и духов и не подозревают, что участвуют в ней.

Голос выдержал эффектную паузу. Что касается Артура, то для него этот эффект был уже скорее излишним.

– Но я заподозрил, – хрипло прошептал голос. – Я понял. Не сразу. Постепенно.

Говорящий помолчал снова и вздохнул.

– Это было неизбежно, – сказал он. – Когда одно и то же происходит с тобой раз за разом, без конца – что тебе остается? В каждой моей жизни меня убивал Артур Дент. Во всех мирах, во всех телах, во всех временах. Стоит мне только немного пообвыкнуться, обжиться – как является Артур Дент и убивает меня. Этого трудно не заметить. Это обращает на себя внимание. Наводит, черт возьми, на мысли! “Странное дело”, говорил себе мой дух, вновь устремляясь прочь после очередной неудачной попытки обосноваться в мире живых, “Странное дело! Этот тип, который наступил на меня, когда я скакал себе к своей любимой луже, мне кого-то напоминает!” И постепенно я вспомнил всё. Я всё вспомнил, Дент! Весь твой бесчеловечный меняцид!

Отзвуки его голоса разносились по коридорам. Артур стоял, холодея от ужаса, и только протестующе мотал головой.

– Вот этот миг, Дент! – воскликнул голос, сорвавшись от злобы, – вот когда я вдруг все понял!

То, что тотчас же разверзлось перед Артуром, заставив его невольно ахнуть, было неописуемо ужасно, но мы все же попытаемся описать, как ужасно оно было. Это была огромная сырая пещера, стены которой двигались, а на дне что-то большое, склизкое, шершавое, похожее на кита, ворочалось и ползало по чудовищным белым надгробиям вдоль стен. Высокий свод пещеры уходил во тьму, в которой можно было различить устья двух еще более ужасных пещер, откуда...

Артур Дент вдруг понял, что смотрит на свою собственную ротовую полость, и что внимание его изо всех сил обращают на живую устрицу, беспомощно летящую в ее недра.

Вскрикнув, Артур отшатнулся и закрыл глаза.

Когда он открыл их, ужасное видение пропало. В коридоре было темно и, на какое-то время, тихо. Артура оставили наедине со своими мыслями. Мысли эти были достаточно неприятными, и Артур охотно предпочел бы им какие-нибудь другие.

Тишину нарушил глухой рокот, с которым большая часть стены вдруг отъехала в сторону. За ней покамест царил непроницаемый мрак. Артур заглянул туда опасливо, как крыса заглядывает в темную конуру фокстерьера.

Голос заговорил снова.

– Скажи, что это было случайное совпадение, – потребовал он. – Ну, скажи, что это все совпадение!

– Это все совпадение! – быстро воскликнул Артур.

– Черта с два! – прогремело в ответ.

– Да совпадение же, честное слово! Случайное совпадение!

– Никакое не совпадение! – проревел голос. – Не будь я Аграджаг!!!

– А вы, наверно, хотите сказать, – предположил Артур, – что именно так вас и зовут?

– Угадал! – прошипел Аграджаг, словно решив за Артура сложную головоломку.

– И все равно я уверен, что это всего лишь совпадение! – повторил Артур.

– Войди сюда и повтори, что ты сказал! – взвыл голос, снова неожиданно пустив петуха.

И Артур вошел и повторил – или, точнее сказать, почти повторил: на слове “совпаде...” язык его примерз к небу, потому что зажегся свет, и Артур увидел, куда он вошел.

Это был Храм Ненависти.

Это было произведение не извращенного, а просто напрочь развороченного ума.

Храм был огромен. Храм был ужасен.

Посреди него возвышалась Статуя. О ней мы расскажем чуть позже.

Огромный, непостижимо огромный зал выглядел так, словно был вырублен в монолитной скале, и причиной тому было то обстоятельство, что он и вправду был именно вырублен в скале. Артуру, стоящему на полу и разглядывающему его с открытым ртом, показалось, что зал тошнотворно кружится за его спиной.

Зал был сплошь черным.

А там, где он не был сплошь черным, хотелось, чтобы он был таковым, потому что цвета, подчеркивавшие некоторые невыразимые детали его архитектуры, были выбраны из спектра самых глазодробительных оттенков, от ультра-лихолетового до инфра-страшного, включая тускло-захиреневый, неумолиновый, желчную похру, ультраморин и провиантовую зелень.

Невыразимыми деталями архитектуры, которые подчеркивали эти цвета, были горгульи, да такие, какие лишили бы аппетита самого Фрэнсиса Бэкона. Все горгульи со стен, с капителей колонн, с балок, контрфорсов и хоров смотрели в центр зала на Статуя, к описанию которой мы вот-вот перейдем.

И если горгульи лишили бы аппетита самого Фрэнсиса Бэкона, то, судя по лицам горгулий, Статуя заставила бы самих горгулий отказаться от завтрака, если бы они были живы, что было немыслимо, и если бы кто-нибудь вздумал предложить им завтрак, что было равно немыслимо.

Необозримые стены Храма были покрыты барельефами в память всех невинных существ, павших жертвой Артура Дента. Имена некоторых существ, увековеченных на барельефах, были подчеркнуты и отмечены звездочками. Так, к примеру, имя коровы, из чьих филейных частей Артуру Денту было угодно откусывать бифштекс, было подчеркнуто жирной чертой, тогда как имя рыбки, которую Артур собственноручно поймал, а потом усомнился в

ней и оставил ее в тарелке, было подчеркнуто дважды, помечено тремя звездочками и еще крестиком, для вящей доходчивости.

И, что было самое ужасное – не считая Статуи, к которой мы медленно, но верно подбираемся – так это ужасающая ясность, что все эти люди, звери и насекомые были в самом деле одним и тем же существом, повторяющимся бесконечно.

И было не менее ужасающе ясно, что это существо пусть необоснованно, но ужасно расстроено. Пожалуй, точнее было бы сказать, что расстройство его достигло невиданного во Вселенной уровня. Это было расстройство эпическое, расстройство, пылающее жгучим пламенем, расстройство, охватывающее всю беспредельность времени и пространства своей черной тенью.

И это расстройство нашло свое полное выражение в Статуе, стоявшей посреди всего этого чудовищного храма. Она изображала Артура Дента, и изображала, мягко говоря, без прикрас. Высотой с пятиэтажный дом, каждым сантиметром своим она старалась нанести оскорбление своему прообразу, а высоты ее хватило бы на то, чтобы испортить настроение и не такому прообразу. От мельчайшего прыщика на переносице и до безобразной прорехи в халате, в Артуре Денте не было ни одной детали, которую не поносил и не бичевал бы злобный скульптор.

Артур в его творении представлял монстром, кровожадным безжалостным извергом, прокладывающим свой путь по трупам ни в чем не повинной воплощенной в едином существе Вселенной.

Каждой из тридцати рук, которыми наделил его в порыве вдохновения скульптор, Артур либо свеживал кролика, либо бил муху, либо срывал ромашку, либо вытаскивал из бороды блоху, либо делал что-нибудь другое, чего Артур поначалу и не распознал. Бесчисленные ноги его в основном давили муравьев.

Артур закрыл глаза руками, опустил голову и покачал ею из стороны в сторону, охваченный ужасом и скорбью о том, как безумно устроен мир.

Когда же он открыл глаза, то перед ним возвышался не то человек, не то зверь, не то что-то среднее – существо, вечным палачом которого был Артур Дент.

– Р-р-р-р-р-а-а-а-р-р-р-р-р! – сказал Аграджаг.

Более всего он был похож – или оно было похоже – на толстую злобную летучую мышь. Подойдя к Артуру вплотную, он ткнул в него загнутым когтем.

– Но послушайте!.. – возразил Артур.

– Р-р-р-р-р-а-а-а-а-р-р-р-р-р!!! – повторил Аграджаг, и Артуру пришлось согласиться с этим замечанием, принимая во внимание то обстоятельство, что этот жуткий и несчастный одновременно призрак весьма его пугал.

Аграджаг был черен, огромен, кожист и морщинист. Его перепончатые крылья, изломанные и продранные, пугали еще больше, чем если бы были могучими и мускулистыми. Пугало в них, должно быть, то упорство, с которым они продолжали существовать, несмотря на все законы физики и биологии.

Аграджаг обладал самой впечатляющей коллекцией зубов. Все они, казалось, были по одному позаимствованы у разных хищных зверей и вставлены в его пасть под такими причудливыми углами, что попытка укунить что-нибудь раскровавила бы ему пол-лица, а, возможно, и лишила бы глаза.

Каждый из трех его маленьких глаз горел свирепым огнем и был не более вменяем, чем глаза крокодила, очутившегося на берегу.

– Я был там, на крикете! – прохрипел Аграджаг.

Это утверждение показалось Артуру таким диким, что он задохнулся.

– Да не в этом теле, – взвизгнуло чудовище, – не в этом теле! Это мое последнее тело. Это моя последняя жизнь. Это – тело мести. Мой последний шанс. И за него мне тоже пришлось побороться!

– Но каким об...

– Я был там, на крикете! – прорычал Аграджаг. – У меня было слабое сердце, но, в конце концов, сказал я жене, что со мной может случиться на крикете? Я же не играю, только смотрю! И вдруг прямо передо мной из воздуха возникают два каких-то негодяя! Последнее, что я замечая, прежде чем мое бедное сердце окончательно разрывается от потрясения, это то, что один из них – Артур Дент, и в бороде у него – кроличья косточка! Совпадение, да?

– Конечно! – горячо ответил Артур.

– Ах, совпадение! – взвыло чудовище, отчаянно замахав своими изломанными крыльями и распоров себе правую щеку одним особенно ужасным клыком. Приглядевшись – помимо всякого желания – Артур заметил, что почти все лицо Аграджага покрыто обтрепанными лоскутками черного пластыря.

Артур испуганно попятился, задев рукой бороду и обнаружив, к своему стыду, что кроличья косточка до сих пор торчит в ней. Артур нервно выдернул ее и отшвырнул в сторону.

– Но пойми же! – воскликнул он, – Это все судьба! Каприз судьбы. Судьба играет человеком – тобой и мной. Это все одно сплошное совпадение!

– За что ты меня преследуешь, Дент? – спросило чудовище, наступая на Артура и отчаянно прихрамывая.

– Да ни за что! Я не преследую тебя! Мне вообще до тебя нет никакого дела!

Аграджаг не сводил с Артура своих горящих глаз:

– Значит, всех, до кого тебе нет дела, ты систематически и регулярно уничтожаешь? Я бы сказал, довольно своеобразный паттерн социального поведения! И я бы еще сказал: вранье!

– Но послушай, – взмолился Артур, – мне очень жаль. Это все чудовищная ошибка. И, кстати, мне пора. Который час? Мне же надо спасать Вселенную!

Артур отступил еще чуть-чуть назад. Аграджаг еще чуть-чуть придвинулся к нему.

– В какой-то момент, – просипел он, – я решил завязать. Какого черта, подумал я. Не буду больше рождаться. Останусь на том свете. И что же ты думаешь?

Артур движениями головы дал понять, что не думает по этому поводу ничего и не горит желанием задуматься. В спину ему уперся холодный черный камень, титаническим усилием скульптора превращенный в чудовищную пародию на его домашние шлепанцы. Артур бросил взгляд на свою кошмарно извращенную фигуру. Что делала одна из его рук, он так и не разгадал до сих пор.

– Мне пришлось явиться в мир против моей воли, – продолжал Аграджаг. – И кем! Горшком петуний! Это особенно счастливое мое существование началось в горшке на высоте трехсот миль над поверхностью какой-то мрачной планеты. Не самое уютное место для горшка петуний, скажешь ты? И будешь прав. Эта жизнь закончилась очень скоро, тремя сотнями миль ниже. Посреди останков кита. Моего собрата по несчастью.

Аграджаг с новой ненавистью оглядел Артура.

– И по пути вниз, – прорычал он, – я видел шикарный белый звездолет. А из иллюминатора этого шикарного звездолета выглядывал довольный Артур Дент. Совпадение?!

– Конечно! – воскликнул Артур. Бросив еще один взгляд вверх, он понял, что озадачившая его рука вызывала к жизни горшок с обреченными петуниями. Это толкование

не бросалось в глаза.

– Мне пора уходить, – повторил Артур.

– Ты уйдешь, – сказал Аграджаг, – но сначала я тебя убью.

– Нет-нет, это невозможно, – залепетал Артур, карабкаясь на носок своего каменного шлепанца, – мне же нужно спасти Вселенную! Я должен найти Серебряную Перекладину. Как же я ее найду – убитый?

– Об этом надо было думать раньше, прежде чем начинать свою охоту на меня! А помнишь Бету Ставромюля? Не помнишь? Там кто-то – дай бог ему здоровья! – пытался...

– Я там никогда не был! – крикнул Артур.

– ...пытался тебя застрелить, а ты присел. Угадай, в кого попала пуля? Что ты сказал?

– Я там никогда не был! – повторил Артур. – Не знаю, о чем ты говоришь! Мне надо идти!

Аграджаг остановился.

– Что значит не был? Был! И ты виновен в той моей смерти – там, как и везде! Меня – случайного прохожего... – Аграджага сильно потряхнуло.

– Я даже не слышал о таком месте, – упорствовал Артур. – И никто никогда не пытался меня убить. Кроме тебя. Может быть, я еще только должен туда попасть? В будущем?

Аграджаг замер в страшном прозрении:

– Не слышал про Бету Ставромюля? В будущем?.. – прошептал он.

– Вот именно, – подтвердил Артур. – Я ничего не знаю про это место. Я там ни разу не был и не собираюсь.

– Ну, хочешь не хочешь, – прорычал Аграджаг, – а придется... Звездец! – взвыл он, озирая свой колоссальный Храм Ненависти. – Я слишком рано тебя сюда притащил!

Внезапно он развернулся и упер в Артура тяжелый ненавидящий взгляд:

– Но я все равно тебя убью! – проревел он. – Даже если это логически невозможно! Я все-таки попробую! Я разнесу всю гору! – взвыл он. – Посмотрим, как ты выпутаешься на этот раз, Артур Дент!

Аграджаг, яростно хромая, бросился к небольшому черному жертвеннику. Он кричал и ругался так свирепо, что исполосовал себе все лицо.

Артур спрыгнул со своего укрытия на носке собственного шлепанца и побежал, чтобы перехватить обезумевшее чудовище. Он напрыгнул на него и уронил злосчастное существо на жертвенник.

Аграджаг снова взвыл, судорожно дернулся и повернул на Артура безумный глаз:

– Что ты наделал! – прохрипел он, – Ты же убил меня! Ты же опять меня убил! За что?..

По телу его пробежала короткая судорога, и Аграджаг рухнул, в своем падении нажав на жертвеннике большую красную кнопку.

Сперва Артур остолбенел, потрясенный содеянным, а потом остолбенел от сирен и звонков, внезапно разорвавших тишину и возвещавших о тревоге. Артур затравленно огляделся. Единственным выходом был проем, через который он попал сюда. Артур бросился в него, по пути отшвырнув в угол мерзкую косметичку из искусственной леопардовой кожи.

Наугад Артур неся по лабиринту, а сирены, клаксоны и мигалки, казалось, неслись за ним по пятам.

Вдруг за одним из углов вспыхнул свет.

Но это была не вспышка. Это был свет белого дня.

XVII

Хотя выше и было сказано о том, что Земля – единственная планета в нашей Галактике, на которой Крикит, или крикет, был сочтен подходящим предметом для игры, по каковой причине землян долгое время сторонились все уважающие себя цивилизации, это касается только нашей Галактики и, более точно, только нашего измерения. В некоторых более высоких измерениях, где позволяют себе больше, чем тут у нас, вот уже миллиарды трансмерных эквивалентов лет популярна прелюбопытная игра под названием брокианский ультра-крикет.

«Что греха таить, это глупая игра», – пишет “Путеводитель вольного путешественника по Галактике”. – «Но ведь любой, кому случалось бывать в по-настоящему высоких измерениях, прекрасно знает, что тамошняя публика – сборище уродов и сикофантов, которых давно уже пора уморщить в старый матрац, да и уморщат, как только кто-нибудь научится запускать ракеты под прямым углом к реальности.»

Перед вами еще один пример того, что в “Путеводитель вольного путешественника по Галактике” может пристроиться любой случайный прохожий, которому придет в голову зайти внутрь и заняться этим черным делом, особенно если зайдет он около полудня, когда почти никого из штатных сотрудников на рабочем месте нет.

И это, кстати, очень важный момент.

История “Путеводителя вольного путешественника по Галактике” – это история идеалов, борьбы, страстей, взлетов, падений и невероятно длинных обеденных перерывов.

Истоки “Путеводителя” – вместе с большей частью его бухгалтерской отчетности – затеряны в веках.

По поводу других, более интересных теорий о том, где они затеряны, см. ниже.

В большинстве дошедших до нас историй рассказывается о редакторе-основателе по имени Коньпедадь Фигас.

Коньпедадь Фигас, рассказывается в них, основал “Путеводитель”, заложил в его основополагающие принципы честность и верность идеалам, после чего заложил сами принципы в ломбард и вылетел в трубу.

После этого он долгие годы провел в скитаниях и поисках. Он беседовал с верными друзьями, сидел в темных комнатах в нелегальных состояниях сознания, размышлял о том и о сем, упражнялся с гантелями, а потом, после случайной встречи со Святыми Братьями-на-Обеде с планеты Вундон, которые учат тому, что, как обед стоит во главе дня времени человеческого, а день времени человеческого можно рассматривать как прообраз жизни духа человеческого, так и Обед должен быть а) поставлен во главу жизни духа человеческого, и б) заказан в достойном ресторане, Фигас заново основал “Путеводитель”, заложил в его основу принципы честности и верности идеалам, добавив отверстие, в которое можно эти принципы засунуть, и повел “Путеводитель” к его первым крупным финансовым успехам.

Он также начал изучать и исследовать значение редакторского обеденного перерыва, который впоследствии стал играть такую ключевую роль в истории “Путеводителя”, поскольку, благодаря ему, большую часть работы выполняют теперь случайные прохожие, которым приходит в голову заглянуть в пустующие около полудня кабинеты, и которые находят там дело себе по душе.

Вскоре после этого “Путеводитель” был куплен издательским домом “Мегадодо” с Беты Малой Медведицы, который поставил дело на широкую финансовую ногу и позволил четвертому редактору Лигу Лурию Младшему поднять обеденные перерывы на такую головокружительную высоту, что все потуги последующих редакторов, устраивавших

бесплатные обеденные перерывы для бедных, по сравнению с той эпохой выглядели не лучше бутербродов с заветрившимся сыром.

Лиг Лурий, строго говоря, не сложил с себя должность главного редактора – он просто однажды днем вышел из своего кабинета, да так и не вернулся до сих пор. Прошло уже около ста лет, но многие сотрудники верят, что он просто выскочил за гамбургером, и еще вернется и все наверстает после перерыва. Формально все редакторы после Лига Лурия Младшего именовали себя замредами, а стол Лига до сих пор сохраняется в неприкосновенности – на него только добавили табличку “Лиг Лурий Младший. Ушел на обед. Пропал без вести.”

Некоторые недостойные внимания подрывные голоса намекают, что на самом деле Лиг пропал в ходе одного из первых уникальных экспериментов “Путеводителя” в области альтернативного налогообложения. Об этом известно очень мало и говорится вслух еще меньше. Любой, кто обратит хотя бы свое внимание, не говоря уже о внимании общественности, на тот забавный, но в высшей степени случайный и ничего не значащий факт, что любая планета, где когда-либо обосновывалась бухгалтерия “Путеводителя”, вскоре после этого погибала из-за военных действий или экологической катастрофы, рискует подвергнуться жестокому судебному преследованию с самыми свирепыми последствиями.

Любопытен, хотя, разумеется, никак не связан с вышеприведенным, тот факт, что за два-три дня до того, как планету Земля снесли, чтобы построить новое гиперпространственное шоссе, НЛО на этой планете наблюдали не только над стадионом “Лордз” в Сент-Джонс-Вуде, Лондон, но и над Гластонбери в Сомерсете.

Гластонбери, край древних королей, ведьм и колдовства, мегалитов и чудесных исцелений, был выбран для размещения нового филиала бухгалтерии “Путеводителя вольного путешественника”, и десятилетний архив был перенесен в волшебный холм на окраине города всего за несколько часов до прибытия вогонов.

Но ни один из этих странных и необъяснимых фактов не так странен и необъясним, как правила игры в брокианский ультра-крикет, популярной в высших измерениях.

Правила ее настолько сложны и запутаны, что, будучи однажды собраны и изданы одним томом, они обрушились внутрь себя вследствие гравитационного коллапса, и на их месте возникла новая черная дыра.

Но вот краткое изложение важнейших правил:

Правило 1. Отрастите себе три дополнительные ноги. Они вам не понадобятся, но зрители это оценят.

Правило 2. Найдите одного хорошего ультра-крикетиста. Склонировать его несколько раз. Это сокращает трудоемкий подбор игроков и тренировки.

Правило 3. Выведите свою команду и команду противника в чистое поле и окружите их высокой каменной стеной. Это делается затем, что, хотя игра эта очень зрелищная, разочарование зрителей, которые не видят, что же происходит на поле, заставляет их воображать, что игра намного интереснее, чем на самом деле. Жизненный тонус зрителей, посмотревших довольно среднюю игру, гораздо ниже, чем у зрителей, которые уверены, что только что упустили самые драматические события во всей истории спорта.

Правило 4. Перебросьте игрокам через стену спортивный инвентарь. Сгодится все, чем можно как следует заехать по уху – крикетные биты, бейсбольные биты, теннисные ракетки, лыжные палки и т.п.

Правило 5. Теперь игроки должны изо всех своих сил размахивать вокруг себя всем, что попадет под руку. Как только игрок забивает кого-нибудь из игроков, он должен немедленно отбежать на безопасное расстояние и извиниться оттуда. Извинения должны быть разборчивыми, искренними, и сделать их, для вящей доходчивости и дополнительных очков, лучше всего через мегафон.

Правило 6. Победившей объявляется та команда, которая побеждает первой.

Любопытно заметить, что чем больше в высших измерениях увлекаются этой игрой, тем реже проводятся сами игры, поскольку все команды сейчас состязаются друг с другом исключительно по вопросам толкования правил. И тем лучше, потому что по большому счету небольшая война наносит меньше психологического ущерба, чем затянувшийся брокианский ультра-крикетный матч.

XVIII

Артур бежал вниз по склону горы, подпрыгивая и тяжело дыша, и вдруг почувствовал, как вся гора вздрогнула под ним. Раздался рокот, грохот, едва заметное движение, и далеко вверх позади Артура взметнулся язык жаркого пламени. От страха Артур еще прибавил ходу. Почва под ногами начала скользить, и Артур вдруг со всей небывалой прежде отчетливостью понял, что такое оползень. До сих пор для него это было лишь слово, но сейчас он внезапно с ужасом осознал, насколько ненормальное и нездоровое занятие для земли – ползти. А земля ползла, унося Артура на себе. Артуру стало даже дурно от страха и тряски. Земля оползала, гора тряслась, Артур катился вниз, вставал, падал и катился дальше и дальше.

С горы покати́лась лавина.

Камешки, за ними камни, а за ними и глыбы принялись прыгать вокруг, как неуклюжие щенки, только гораздо больше, гораздо тверже и тяжелее, и бесконечно более смертельно опасные при прямом попадании. Глаза Артура метались от камня к камню, ноги танцевали безумные танцы; сердце билось в такт биению геологического катаклизма под ним и вокруг него. Артур бежал так тяжело, словно бег был мучительной и изматывающей болезнью.

Здравый смысл, а именно понимание того, что он непременно должен выжить, чтобы дать свершиться предсказанному в саге о его неумышленной охоте на Аграджага, никоим образом не посещал ум Артура в тот момент и не оказывал на него никакого умиротворяющего действия. Артур бежал, спасая жизнь свою, и смерть была вокруг него, под ним, над ним, и уже хватала его за полы халата.

Внезапно Артур в очередной раз споткнулся и упал, и падение увлекло его вперед. Но в ту самую секунду, когда он должен был приземлиться со всей силы на камни, прямо перед собой он вдруг увидел небольшую темно-синюю спортивную сумку, с которой, как ему прекрасно помнилось, он расстался в багажном отделении международного аэропорта города Афины десять лет назад по его личному времени. От удивления Артур забыл упасть на землю, и взмыл в воздух со свистом в ушах.

С ним произошло вот что: он полетел. Артур изумленно огляделся по сторонам, но никакого сомнения быть не могло – именно это с ним и произошло. Никакая часть его тела не касалась земли, и более того, никакая его часть не собиралась этого делать. Он просто плыл в воздухе, а булыжники свистели вокруг.

Теперь он уже мог что-нибудь с этим сделать. Зажмурившись от легкости, Артур поднялся повыше, и теперь булыжники стали свистеть под ним.

Артур поглядел вниз с веселым любопытством. От трясущейся земли его отделяло теперь метров десять пустоты – если не считать булыжников, которые не задерживались в ней, а рушились вниз, влекомые железной хваткой закона тяготения – того самого закона, от ответственности за невыполнение которого Артур, казалось, был теперь освобожден.

Почти тут же, с инстинктивной мудростью, внушаемой нам чувством самосохранения, он понял, что не следует думать об этом, потому что иначе закон тяготения может вдруг опомниться, взглянуть строго на Артура, стукнуть кулаком и потребовать отчета, какого черта Артур делает тут наверху – и тогда все кончится.

Поэтому Артур стал думать о тюльпанах. Это было нелегко, но он очень старался. Он думал о приятной упругой округлости их лепестков, о множестве причудливых оттенков, которые научились им придавать, задумался о том, какую часть от всех выращиваемых – то есть, выращивавшихся – на Земле тюльпанов можно – было бы – насчитать в радиусе одной мили от средней ветряной мельницы. Через некоторое время эта тема опасно наскучила ему, и по движению воздуха сквозь одежду понял, что спускается вниз, в область подпрыгивающих булыжников, о которых он так старательно не думал. Поэтому Артур стал

вспоминать Афинский аэропорт – и эта тема подарила ему минут пять благодатной ненависти, по окончании которых Артур неожиданно заметил, что летит уже на высоте метров двухсот от земли.

У Артура мелькнула мысль о том, как же он собирается вернуться вниз, но он тотчас же отогнал эти мысли и попытался взглянуть на ситуацию трезво.

Итак, он летает. Что теперь с этим делать? Артур поглядел в сторону земли. Он не приглядывался, а изо всех сил постарался лишь скользнуть по ней мимолетным взглядом. Он не смог не заметить двух вещей.

Во-первых, извержение, судя по всему, исчерпало себя; возле самой вершины горы теперь зиял кратер – очевидно, над тем самым местом, где находились высеченный в скале огромный храм, статуя Артура и тело злосчастливого Аграджага.

Во-вторых, его спортивная сумка, потерянная в Афинском аэропорту. Она лежала неподвижно между отдыхающими после пробежки булыжниками, но те, очевидно, ее не задели. Как такое могло случиться, Артур не понимал; кроме того, поскольку эту загадку совершенно заслоняла чудовищная невозможность самого появления этой сумки здесь, Артур не чувствовал особого желания вообще пускаться в исследования по этому вопросу. Суть в том, что сумка – вот она. А мерзкая косметичка из искусственной леопардовой кожи, судя по всему, исчезла, чего нельзя было не одобрить, раз уж понять было тоже никак нельзя.

Артур вплотную подошел к тому, что сумку следует подобрать. Здесь, в двухстах метрах над поверхностью чужой планеты, имени которой ему никак не удавалось вспомнить, на расстоянии стольких световых лет от испепеленных руин своего дома, он никак не мог пройти мимо жалобно лежащей и вызывающей к нему части того, что составляло некогда его жизнь.

Кроме того, подумал Артур, если сумка сейчас в том же виде, в каком он ее потерял, то в ней должна находиться единственная во всей Вселенной банка греческого оливкового масла.

Медленно, осторожно, сантиметр за сантиметром, Артур начал спускаться, покачиваясь из стороны в сторону, как лист бумаги, нервно нащупывающий путь со стола на пол.

Все шло хорошо, и все было хорошо. Воздух уверенно держал Артура, но пропускал через себя. Спустя две минуты Артур уже висел всего в метре от сумки, и здесь ему нужно было принять нелегкое решение. Он покачивался в воздухе и хмурился, но хмурился так легкомысленно, как только мог.

Если он подберет сумку, сможет ли он ее унести? Что, если дополнительный вес просто придавит его к земле?

Что если само прикосновение к чему-нибудь земному внезапно разрушит действие той чудесной силы, которая сейчас удерживает его в воздухе?

Не лучше ли будет сейчас взяться за ум, спуститься на землю и сделать по ней пару шагов?

А если сделать это, то удастся ли ему потом снова взлететь?

Ощущение полета – когда Артур позволил себе подумать об этом – было таким чудесным, что расстаться с ним – быть может, навсегда – Артур никак не мог. Встревожившись, он поднялся чуть-чуть вверх, просто чтобы убедиться, что может это сделать – удивительно легко, без малейшего усилия. Он взмыл вверх, повисел немного там. Он попробовал пике.

Пике удалось замечательно. Вытянув вперед руки, с развевающимися волосами и полами халата, Артур нырнул вниз головой, выровнялся в полуметре над землей и выплыл вверх, остановившись на той же высоте и оставшись там. Просто оставшись там, в воздухе.

Это было восхитительно.

И так, понял вдруг Артур, можно было подобрать сумку. Надо спикировать на нее и подобрать ее в самой нижней точке пике. Ее можно подобрать и унести. Это может не получиться с первого раза, но это наверняка можно сделать.

Артур сделал еще пару тренировочных пике, и они вышли одно другого лучше. Ветер в лицо, звонкая гибкость во всем теле – все это вместе сообщало ему такое прекрасное состояние духа, какого он не ощущал с тех пор, как... собственно, насколько Артуру хватало памяти, с тех пор, как он родился на свет. Артур лег на ветер и оглядел окрестности, которые, как он обнаружил, выглядели весьма скверно. Окрестности выглядели разоренными и опустошенными. Артур решил больше не глядеть на них. Он просто заберет сумку, а потом... Артур не знал, что он собирается делать потом, когда заберет сумку. Он решил, что сначала просто заберет сумку, а потом посмотрит, как развернутся события.

Артур прикинул ветер, выровнялся по нему и осмотрелся. Он выгнул спину. Сам не зная того, он сейчас лялился во весь свой рост.

Затем Артур поймал нисходящий поток, собрался – и нырнул.

Артур пронизал воздух, и ветер несся за ним вдогонку. Земля вздрогнула, покачнулась, опомнилась и плавно приблизилась навстречу Артуру, протягивая ему сумку растрескавшимся кожаменителем ручек вперед.

На полпути вниз Артур вдруг опасно усомнился в том, что действительно делает это, и потому едва не утратил возможность это делать, но вовремя собрался с мыслями, на бреющем полете пронесся над землей, просунул руку в ручки сумки и начал было подниматься обратно, но не смог и внезапно с размаху рухнул на камни, оцарапавшись и набив синяков.

Артур немедленно вскочил на ноги и беспомощно зашатался, размахивая сумкой в попытках найти равновесие, разочарованный и огорченный до предела.

Ноги его вдруг натужно уперлись в землю, как делали это всю жизнь. Тело снова стало мешком с картошкой, а голова – тяжелой, как пудовая гиря.

Артур стоял, пошатываясь и испытывая сильное головокружение. Он попытался было пойти, даже побежать, но ноги подломились, и Артур полетел наземь вперед головой. Но в этот миг он вдруг вспомнил, что в сумке, которую он держит сейчас в руке, находится не только банка греческого оливкового масла, но еще и разрешенное к беспošлинному вывозу количество греческой рецины, превосходного смолистого сладкого вина – и, приятно изумленный этим открытием, Артур не заметил, что последние десять секунд он снова летит по воздуху.

Артур рассмеялся от удовольствия, облегчения и непередаваемого физического наслаждения. Он нырял, переворачивался и кувыркался в воздухе. Он вызывающе уселся на восходящий поток воздуха и проверил содержимое сумки, чувствуя себя, подумал он, как пересчитываемый философами ангел на кончике знаменитой иглы. Артур издал возглас восторга, найдя в сумке и оливковое масло, и вино, и треснувшие солнечные очки, а также старые плавки, полные песка, мятые открытки с видами Санторини, большое неприглядного вида полотенце, дюжины полторы забавных камешков и обрывки бумаги с адресами людей, которых Артур рад был никогда больше не встретить, пусть даже и по весьма печальной причине. Артур выбросил камешки, нацепил очки и распустил клочки бумаги по ветру.

Через десять минут, пролетая сквозь облако, Артур неожиданно попал на крупный и в высшей степени малопрстойный банкет – со всего размаху копчиком.

XIX

Самый затяжной и разрушительный банкет в истории продолжается сейчас уже четвертым поколением участников, и никто из них пока не выказывал желания уйти. Однажды кто-то посмотрел на часы, но это было одиннадцать лет назад и покамест ни к чему не привело.

Разгром там стоит необычайный, и кто не видел его своими глазами, тот не поверит чужим рассказам; но если у вас нет особой необходимости поверить им, то не стоит отправляться туда лишь затем, чтобы увидеть его своими глазами, поскольку зрелище это глаз не радует.

В последнее время в облаках наблюдались какие-то взрывы и вспышки, и имеются предположения, что это – отголоски конкурентной борьбы между агентствами по уборке офисных помещений, которые выются над этим банкетом, как вороны над падалью; но неразумно было бы верить всему, что болтают на банкетах – особенно всему, что болтают на этом банкете.

Проблема, и проблема, встающая все более и более остро, состоит в том, что все участники банкета – либо дети, либо внуки, либо правнуки тех, кто отказался когда-то разойтись по домам; и, по причине родственных браков, вырождения генофонда, рецессии признаков и прочей премудрости, все нынешние участники застолья либо законченные выпивохи, либо пускающие слюни идиоты – либо, все чаще и чаще, и то, и другое вместе. В любом случае, это означает, что с каждым последующим поколением становится все меньше шансов на то, что пирующие разойдутся когда-нибудь восвояси.

Тут уже следует учитывать другие факторы. Например, объемы запасов алкоголя.

Но беда в том что, из-за некоторых идей, поначалу показавшихся отличными – а одна из проблем с застольями, которые никогда не кончаются, заключается в том, что все, что когда-то показалось отличной идеей, продолжает казаться отличной идеей – этот фактор не собирается вступать в игру в обозримом будущем.

Одна из идей, показавшихся поначалу отличными, была, что банкет должен быть летучим – не в том смысле, в каком летучими бывают заседания и планерки, а в буквальном смысле.

Однажды коллектив космических инженеров (в первом поколении), бурно отпраздновав наступающий профессиональный праздник, остался в институте на сверхурочную вахту. Параллельно с празднованием, они принялись прикручивать всякие фигурьки, паять различные фигации и расфигачивать всевозможные фиговины, и утреннее солнце обнаружило институт, полный в дугу окосевших инженеров и парящий в воздухе, как юная и плохо соображающая, что к чему, птица.

Мало того. Летучий банкет ухитрился еще и неплохо вооружиться. Инженеры решили, что раз уж придется торговаться с продавцами в винно-водочных ларьках, то следует позаботиться о том, чтобы правда была на их стороне.

Привнесение в затяжное застолье элемента оттяжного насилия осуществилось быстро и легко, значительно оживив веселье, которое было приуныло, когда стало ясно, что музыканты не умеют играть ничего, кроме того, что они уже сыграли за эти месяцы бесчисленное количество раз.

Начались набеги и грабежи. Целые города захватывались в заложники и освобождались в обмен на выкуп, состоявший из хлеба, картошки, соленых огурцов, колбасы и спиртных напитков, каковые теперь засасывались шлангами из цистерн самолетов-заправщиков.

Однако призрак дня, когда закончится вся выпивка, продолжает маячить на горизонте. Планета, над которой носятся гуляки – уже не та планета, от поверхности которой они

однажды оторвались. Планета эта находится в прескверном состоянии. Летучий банкет разграбил ее почти полностью, и никому еще не удалось его настигнуть, потому что никто не знает, куда его понесет в следующую секунду.

Это черт знает, что за банкет.

И это черт знает, что такое: попасть на такой банкет – копчиком со всего размаху.

Скорчившись от боли, Артур лежал на развороченной железобетонной плите, жмурясь от пролетающих мимо облаков и недоуменно прислушиваясь к смутным звукам буйного веселья где-то внизу.

Звуки эти он никак не мог разобрать – отчасти потому, что вообще не знал великой песни "А ну-ка, мальчик, уступи мне место, я ногу на Яглане потерял", а отчасти потому что исполнявшие ее музыканты ужасно устали, и одни играли ее в размере 3/4, другие – в 4/4, а третьи – в размере, близком к $\frac{1}{2} \pi r^{25}$, в зависимости от того, сколько минут сна кому из них удалось перехватить.

Часто дыша широко раскрытым ртом и выпуская клубы пара в холодном сыром воздухе, Артур ощупывал себя, проверяя, где болит. Болело у него везде, куда он только мог достать рукой. Спустя короткое время Артур понял, что у него просто повреждена рука – по всей видимости, он растянул запястье. Болела также и спина, но Артур скоро с удовлетворением убедился, что отделался легким испугом и синяками, что было нисколько не удивительно.

Но что, черт возьми, это здание делает в облаках? С другой стороны, подумал Артур, спроси кто-нибудь его о том же, он вряд ли смог бы дать убедительный ответ, поэтому, решил он, ему и зданию придется просто смириться с фактом их встречи. Артур посмотрел наверх. Вверх уходила стена бледно-серых, довольно грязных бетонных панелей. Артур лежал на козырьке шириной в метр-полтора, состоящем из заасфальтированной земли вокруг здания – институт прихватил его с собой, отправляясь в полет, чтобы все было фундаментально схвачено.

Хватаясь пальцами за стену, Артур встал на козырек и прижался к стене, совершенно мокрый от тумана и холодного пота. Голова его кружилась в вольном стиле, а желудок упражнялся в стиле баттерфляй.

Несмотря на то, что попал Артур сюда своим ходом, его колотило при мысли о жутком расстоянии, отделяющем его от земли. Он и подумать не мог о том, чтобы попытаться счастья и прыгнуть. Он не мог подумать и о том, чтобы хоть на миллиметр отдалиться от стены.

Подтянув на плече ремни спортивной сумки, Артур стал пробираться вдоль стены в поисках входа внутрь. Тяжесть банки с оливковым маслом внушала ему большую уверенность.

Он двигался по направлению к ближайшему углу, в надежде, что за углом вариантов попасть внутрь будет больше, чем их было здесь, то есть, нисколько.

Неопределенность и порывистость полета здания лишала Артура сил от страха, и вскоре он вынул из своей сумки полотенце, в очередной раз доказавшее, что по праву занимает первую строку в списке полезных вещей, которые следует взять с собой, отправляясь в вольное путешествие по Галактике. Артур обвязал полотенцем голову, чтобы не видеть, что делает.

Распластавшись вдоль стены, он двинулся дальше в сторону угла.

Добравшись, наконец, до него, и запустив руку за угол, он наткнулся на нечто, напугавшее его так, что он едва не свалился с козырька.

⁵ Принужденный своей природной любознательностью поразмыслить, какое бы r могло тут иметься в виду, я решил, что π вообще-то число трансцендентальное, а значит, любое r , кроме кратного $\pi^{-1/2}$, лишает музыкантов возможности совпасть в какой-либо доле какого-либо такта, кроме самой первой доли самого первого такта, попасть в которую, как я знаю по личному опыту, дело само по себе нетривиальное.

Существует в теории также вырожденный случай $r = 0$, но на практике музыкальный размер в ноль долей не мыслим. Это как раз то, о чем Эйнштейн говорил Леметру: "Ваша математика безукоризненна, но физика отвратительна." (Прим. перев.)

Это была чья-то рука.

Две руки схватились друг за друга.

Артуру отчаянно хотелось другой рукой сдернуть с глаз полотенце, но эта рука держала сумку с оливковым маслом, рециной и открытками с Санторини, а поставить сумку на козырек Артур категорически отказывался.

На Артура накатил так называемый катарсис – один из тех моментов, когда человек вдруг останавливается и спрашивает себя: “Кто я? Зачем я? Куда я попал? Где мои вещи?”

Артур готов был заплакать.

Он попытался высвободить руку, но не смог: та, другая рука держала его очень крепко. Ему ничего не оставалось, кроме как обойти угол. Огибая его, Артур потерся головой о стену, чтобы избавиться от полотенца. Это вызвало у хозяина той, чужой руки возглас, довольно короткий, очень эмоциональный и весьма неприличный.

Полотенце с головы Артура куда-то делось, и взгляд его уперся в глаза Форда Префекта. За спиной Форда стоял Старпердуппель, а за его спиной отчетливо видны были крыльцо и большая закрытая дверь.

Оба они стояли, прижавшись спинами к стене, глаза их были круглыми от ужаса, и глядели они на густое белое облако, через которое проносилось здание. Заняты они были тем, что старались скомпенсировать толчки и покачивания здания в его беспокойном полете.

– Где тебя кварки носили? – хрипло прошептал Форд.

– Ну... – произнес Артур, на самом деле не зная, как ответить на этот вопрос. – Много где. А что вы тут делаете?

Форд снова посмотрел на Артура круглыми глазами.

– Прикинь! Без пузыря не впускают! – просипел он.

XXI

Первое, что заметил Артур, очутившись в гуще событий, помимо шума, удушливой жары, дикого смешения красок, смягченного, впрочем, сизым дымом, клубящимся в воздухе, ковровина, покрытого толстым слоем битого стекла, окурков и картофельной шелухи, а также компании похожих на птеродактилей существ, затянутых в люрекс, которые налетели на его дорогую бутылочку рецины, квакая “Мужчина! А что это у вас?” – была Триллиан рука об руку с богом грома.

– Где же мы с вами встречались? – говорил он ей. – Вспомнил! “У Конца Света”, в ресторане!

– Это вы были там с молотом?

– Я, кто же еще. Но, знаете, мне здесь нравится гораздо больше. Здесь такая туса!

Взрывы хохота, визги и нецензурные выкрики неслись по залу, чьи глубины терялись в толпах танцующих и поющих существ, весело кричащих друг другу что-то неразборчивое и время от времени испытывающих приступы дурноты и избытка чувств.

– Да, здесь типа весело, – отозвалась Триллиан. – Что ты сказал, Артур?

– Я сказал... я спросил – где тебя носило?

– Да везде. Случайный поток точек, несущихся по Вселенной. Познакомься, это Тор. Бог грома.

– Очень приятно, – сказал Артур. – Интересная профессия.

– Привет, – прогудел Тор. – У тебя нолито?

– Еще нет. Собственно говоря...

– Так что ты тут стоишь? Иди налей!

– Увидимся, Артур, – пообещала Триллиан.

Артур вдруг о чем-то подумал и огляделся по сторонам.

– погоди, а Зафод разве не здесь? – спросил он.

– Увидимся, – повторила Триллиан.

Тор мрачно поглядел на него из-под черных бровей, борода его встопорщилась, и тусклое освещение зала собрало все свои силы, чтобы грозно сверкнуть на рогах его шлема. Он взял Триллиан под руку своей невероятно огромной рукой, мускулы которой были похожи на паркующиеся фольксвагены, и повел ее прочь.

– Самое интересное в бессмертии, – говорил он, – это то...

– Самое интересное в космосе... – услышал Артур Старпердуппеля. Тот обращался к крупной и объемистой даме, выглядевшей так, будто вот-вот проиграет в сражении с большим розовым пуховым одеялом. Дама плотоядно озирала запавшие глаза старца и его седую бороду. – Самое интересное в космосе – это то, насколько он ужасающе скучен.

– Скучен? – повторила дама, моргая выпуклыми красными глазами.

– Вот именно, милочка, – подтвердил Старпердуппель, – головокружительно скучен. Неимоверно скучен. Видите ли, его так много, а в нем всего так мало! Позвольте привести кое-какие цифры...

– Какие еще цифры?

– О, замечательные цифры. Они тоже сногшибательно скучны.

– Вы знаете, я вернусь через секунду, и мы с вами продолжим, – сказала дама, похлопав старца по плечу, собрала свои бесчисленные юбки, поднялась, как корабль на воздушной

подушке, и ее унесло в толпу.

– Я думал, она не отстанет никогда, – пробурчал старик. – Землянин, пойдем.

– Артур. Меня зовут Артур.

– Мы должны найти Серебряную Перекладину. Она где-то здесь.

– Послушайте! Ну, почему мы не можем немного успокоиться, расслабиться, отдохнуть? – взмолился Артур. – У меня был такой трудный день. Кстати, здесь Триллиан – она так и не сказала, как она сюда попала. Должно быть, это не важно.

– Вспомни об опасности, грозящей Вселенной!

– Вообще-то Вселенная достаточно большая, – сказал Артур, – чтобы полчаса позаботиться о себе самой. Ну, ладно, ладно, – добавил Артур, видя растущее возмущение Старпердуппеля, – похоже и поспрашиваю, не видел ли тут кто...

– Вот именно! – обрадовался Старпердуппель. – Вперед! – и он нырнул в толпу. Все, мимо кого он проходил, предлагали ему расслабиться и что-то куда-то забить.

– Простите, вы нигде не видели тут перекладыны? – спросил Артур у человечка, который всем своим видом демонстрировал желание кого-нибудь послушать. – Она серебряная, и это жизненно важно для спасения Вселенной. Примерно вот такой длины.

– Нет, – воодушевился человечек, – но давайте выпьем, и вы мне все расскажете!

Мимо пронесся в диком, буйном и не лишенном непристойности танце Форд Префект в паре с дамой, на голове которой красовалось что-то вроде Сиднейского Оперного театра⁶. Форд изо всех сил пытался поддерживать с ней романтическую беседу в окружающем грохоте и гаме.

– Какая у вас чудесная шляпка! – орал он.

– Что?

– Я говорю, какая чудесная шляпка!

– Какая еще шляпка? Нету у меня никакой шляпки!

– А! Ну, значит, какая чудесная головка!

– Что?

– Я говорю, какая голова! Какая редкая форма черепа!

– Не слышу!

Форд вплеl в сложный комплекс движений, которые он отрабатывал, пожатие плечами.

– Я говорю, вы замечательно танцуете! – прокричал он. – Только не кивайте головой так резко!

– Не что? Почему?

– Потому что вы мне каждый раз... Ай, ч-чорт! – ответил Форд.

– Однажды утром мою планету уничтожили, – говорил Артур. Неожиданно для себя он вдруг пустился в пересказ своей биографии, или, по крайней мере, краткого ее курса. – Поэтому я в таком виде – в халате. Дело в том, что мою планету уничтожили вместе со всей моей одеждой. К тому же, я не планировал попасть на банкет.

Человечек сочувственно кивал.

– Потом меня выкинули за борт звездолета. Вот в этом самом халате. Вместо скафандра. Потом я узнал, что моя планета на самом деле была построена для белых мышей. Можете

⁶ Этот театр выглядит – точнее, выглядел, пока существовала планета, в южном полушарии которой находился материк, восточное побережье которого украшал город, визитной карточкой которого являлся театр – примерно [вот так](#). (Прим. перев.)

себе представить мои чувства. Потом в меня стреляли, меня взрывали... Вообще меня как-то подозрительно часто взрывали, обстреливали, оскорбляли, дезинтегрировали, оставляли без чая; и наконец, я потерпел крушение в болоте и пять лет был вынужден провести в холодной сырой пещере.

– Ух, – воскликнул человечек. – Вот это оттяг!-

Артур жестоко поперхнулся своим питьем.

– Какой чудесный, восхитительный кашель! – изумился человечек. – Не возражаете, если я присоединюсь? – И с этими словами он пустился в самый необычайный и зрелищный приступ кашля, который так поразил Артура, что тот яростно закашлялся, но обнаружил, что, собственно, давно уже этим занимается, и запутался совершенно.

Вместе они исполнили потрясающий двухминутный бронхиально-астматический дуэт, пока Артуру не удалось прокашляться до конца.

– Это так освежает! – сказал человечек, тяжело дыша и утирая слезы с глаз. – Какая у вас интересная жизнь! Большое, большое вам спасибо!

Он прочувствованно потряс Артура руку и ушел в толпу. Артур помотал головой в недоумении.

К Артуру тем временем приблизился молодой человек, весьма агрессивно настроенный, с квадратной челюстью, длинным унылым носом и широкими скулами. На нем были черные штаны, черная шелковая рубашка, расстегнутая примерно до пупа – хотя Артур научился в последнее время не судить поспешно об анатомии тех, с кем ему приходилось встречаться – а на шее его бренчали золотые цепочки. Он что-то носил в черном чемоданчике и явно хотел, чтобы все заметили, что он не хотел бы, чтобы они заметили это.

– Как-как, ты сказал, тебя зовут? – спросил он.

Среди прочего Артур сообщил любознательному человечку и это.

– Ну, Артур Дент.

Человек, казалось, чуть пританцовывал в ритме, отличном от всех ритмов, которые упрямо задавали мрачные музыканты.

– Короче, – сказал человек. – Тут в горе есть один тип. Он очень хотел тебя видеть.

– Я с ним уже встречался.

– Короче, он очень хотел тебя видеть. Очень.

– Я говорю, я с ним уже встречался.

– Короче, мое дело – передать.

– Спасибо, я уже встречался с ним.

Человек помолчал и пожевал резинку. Потом он хлопнул Артура по спине.

– Ну, смотри, – сказал он. – Как знаешь. Мое дело – передать. Счастливо. Играй и выигрывай!

– Что? – переспросил Артур, которому вдруг показалось, что он не понимает языка.

– Что хочешь. Делай, что хочешь. Только хорошо!

Человек щелкнул жевачкой и сделал неопределенный жест рукой.

– А зачем? – спросил Артур.

– Ну, делай плохо, – сказал человек. – Кому какое дело. Всем пофигу! – Тут кровь как будто ударила ему в голову, и он крикнул: – Всем все пофигу! Проваливай давай! Что ты трешься у меня под ногами?! Отзвездись!

– Хорошо, хорошо, ухожу, ухожу, – заторопился Артур.

– Смотри у меня! – человек погрозил Артуру и скрылся в толпе.

– О чем это он? – спросил Артур у девушки, которую обнаружил рядом с собой. – Во что играй? Что выигрывавай?

– А, да это из рекламы, – пожала плечами девушка. – Просто он только что прилетел с церемонии вручения наград Института Иллюзий Культуры и Отдыха. Думал, что сейчас тебя удивит до невозможности, а ты ни о чем его не спросил. Такой облом.

– Ой, – сказал Артур. – Нехорошо как-то получилось. А что ему там вручили?

– Приз за Самое Неуместное Использование Слова «Бельгия» в Телесериале. Это очень престижная награда.

– Какого слова? – переспросил Артур, изо всех сил стараясь не дать своему бедному мозгу непосильной работы.

– «Бельгия», – повторила девушка тихо. – Но вообще я не люблю, когда при мне матерятся.

– Бельгия?! – воскликнул Артур.

В дрезину пьяное семиногое существо женского пола, тащившееся мимо, всплеснуло конечностями и, смачно плюнув, рухнуло в объятия красноглазого птеродактиля.

– Вы имеете в виду, – спросил Артур, – такую очень плоскую небольшую страну, где всегда туман? По пути из Парижа в Амстердам? Член Бенилюкса?

– Чего-о? – переспросила девушка.

– Ну, в смысле, Бельгия?

– Р-р-р-р-ч-ч-ч-ш-ш-ш! – проскрипел птеродактиль.

– А еще интел-лигент! – воскликнуло семиногое женского пола.

– Должно быть, они про Остенд-Хуверпорт? – предположил Артур и вернулся к девушке. – А вы что, бывали в Бельгии? – спросил он заинтересованно.

Девушка удержалась и не отвесила Артуру пощечину.

– Мне кажется, – отчеканила она вместо этого, – что вам следует приберечь эту реплику для чего-нибудь более художественно ценного!

– Вы так себя ведете, – заметил Артур, – как будто я сказал что-то ужасное. В чем дело?

– Хам!

В наши дни в Большой Галактике считается пристойным очень многое. Слова и выражения, которые всего какой-нибудь десяток лет назад считались столь неприлично откровенными, что стоило кому-нибудь хотя бы мысленно произнести их прилюдно, как хулигана подвергали остракизму, смещали с общественных должностей, а в особо тяжких случаях расстреливали на месте через рот, сейчас стали атрибутом жизнелюбия и остроумия, а их использование в повседневной речи повсеместно рассматривается как признак общительности, непринужденности и невь***нной социальной адаптированности личности.

Так, например, в своем последнем обращении к народу министр финансов Всемирной Королевской Казны планеты Альтасвиста зашел так далеко, что заявил буквально, что в силу определенных причин и ввиду некоторых факторов, а также принимая во внимание то, что никто уже давно не пополняет пищевых ресурсов, монарх, по всей видимости, скончался, а население уже три года без перерыва празднует День Национального Примирения и Согласия, экономика зашла в ситуацию, которую он берет на себя смелость охарактеризовать, как “полный жужуфель”, всем так понравилась его смелость, прямолинейность и откровенность, что никто и не заметил, как цивилизация возрастом в пять тысяч славных лет,

рухнула в ту же ночь.

Но если даже такие слова, как “жужуфель” и “турлох” теперь совершенно нормальны и встречаются во всех газетах, существует все же слово, остающееся непечатным. Понятие, описываемое этим термином, столь возмутительно, что сам термин во всех частях Галактики разрешен к употреблению исключительно в телесериалах. Несмотря на это, в Галактике есть (точнее, была) одна-единственная планета, населенная полными турлохами, не имевшими об этом ни малейшего представления.

– Ох, – сказал Артур. – Ну, я дико извиняюсь. Так что же дают за использование названия совершенно невинного, даже в чем-то скучноватого европейского государства в телесериале? Что-то вроде Золотого Оскара?

– Какого Оскара? Рори. Серебряный Рори. Это такая небольшая серебряная штукавина на большой черной подставке. Что ты сказал?

– Да ничего. Я только собирался спросить, на что похожа эта серебряная...

– Да? А мне показалось, что ты сказал “чпок”.

– Что я сказал что?

XXII

На банкет в последние годы нередко заявлялись незваные гости – прощелыги и падкие на дармовщину проходимцы с других планет – и участникам его, когда им случалось взглянуть на свою собственную планету, проносящуюся под ними, зияя пожарами городов, руинами колбасных заводов, разоренными огуречными плантациями и одичавшими виноградниками, с ее новыми пустынями, ее морями и озерами, до краев заполненными пустыми бутылками, окурками, консервными банками и кое-чем похуже, нередко приходило в голову, что планета их каким-то непостижимым образом сделалась оборудованной для веселия гораздо меньше, чем когда-то. Некоторые даже стали задумываться, не попытаться ли протрезветь настолько, чтобы вывести банкет на межпланетный уровень и попробовать попасть на чью-нибудь планету, где воздух, возможно, будет посвежее, и голова будет болеть не так отчаянно.

Немногие изможденные крестьяне, все еще умудрявшиеся влачить жалкое существование на поверхности полумертвой планеты были бы исключительно рады этим мыслям, но в тот день, когда банкет с воплями и визгом выпал из облаков, и крестьяне испуганно подняли головы, ожидая нового огуречно-колбасного и винно-водочного налета, вдруг стало ясно, что банкет не выйдет на новый уровень, а вместо этого, похоже, вскорости выйдет весь. Скоро, скоро настанет пора напяливать пальто, нахлобучивать шапку и выходить, жмурясь, на улицу, пытаясь определить, какое там время суток, какое время года, и где посреди этих пепелищ и развалин больше шансов поймать такси.

Банкет очутился в гибельных объятиях неизвестного белого звездолета, который словно бы сросся с ним. Вместе они неслись по небу, вертясь, кувыркаясь и всячески презирая закон тяготения. Тучи расступались перед ними, и воздушные массы спешили убратся с их пути.

В своих корчах банкет и криккитский военный корабль были немного похожи на пару уток, в которой одна утка – селезень – пытается сделать второй утке третью, в то время как вторая из всех сил старается объяснить первой, что ей совсем не хочется делать третью утку прямо сейчас, и что она отнюдь не убеждена, что вообще хотела бы делать третью утку с этой первой уткой, и тем более в ту самую минуту, когда она, эта вторая утка, вообще-то пытается куда-то лететь.

Небо гремело и грохотало от ярости происходящего в нем, хлеща землю ударными звуковыми волнами.

И вдруг, со внезапным “бздык!”, криккитский корабль исчез.

Банкет беспомощно катился по небу, как человек, прислонившийся к двери, которая вдруг оказалась не заперта. Он хромал на все четыре свои сопла. Он попытался выправить курс, но вместо этого вылил его и полетел в другую сторону. Так его швыряло из края в край небосвода, и было видно, что долго это не продлится. Банкету была нанесена смертельная рана. Его веселье было непоправимо подорвано, и этого не могли скрыть никакие попытки изобразить полетом беззаботность и игривость.

Теперь чем дольше банкет силился удержаться над землей, тем более неприятное падение на нее ему предстояло.

Внутри все тоже было плохо. Там все было даже очень плохо, и никто не стеснялся во весь голос заявить об этом.

Ничем не стесняли здесь себя и криккитские роботы.

Они забрали приз за Самое Неуместное Использование Слова «Бельгия» в Телесериале, а взамен оставили после себя картину, от которой у Артура на душе сделалось так же скверно, как было у невезучего лауреата Серебряного Рори.

– Вы понимаете, мы были бы просто счастливы остаться и помочь пострадавшим, –

объяснял Форд, пробираясь сквозь дымящиеся горы мусора и обломков, – но дело в том, что мы не хотим.

Банкет снова заложил крутой вираж, вызвав многочисленные вопли и стоны из руин.

– К тому же, нам нужно отправляться спасать Вселенную, – добавил Форд. – И если по-вашему это гнилая отмазка – пусть будет так. По-любому, мы валим.

Форд вдруг споткнулся об нераспечатанную бутылку, каким-то чудом не разбившуюся об пол.

– Ничего, если мы это прихватим на память? – спросил он. – Вам, кажется, уже хватит, – и прихватил также пакет с чипсами.

– Триллиан! – внезапно севшим голосом позвал Артур. В дыму и разгроме он почти ничего не мог разобрать.

– Землянин, нам пора, у нас дела, – напомнил несколько нервно Старпердуппель.

– Триллиан! – позвал Артур снова.

Вскоре Триллиан вышла, спотыкаясь и пошатываясь, из-за дымовой завесы. Ее придерживал за локоть ее новый кавалер – бог-громовержец.

– Девушку я забираю, – громко сказал Тор. – У нас в Вальгалле как раз сейчас намечается небольшой сабантуйчик... Короче, мы полетели.

– Где ты был, пока тут это все разносили? – строго спросил Артур.

– Где надо. Наверху, – ответил Тор. – Я прикидывал ее вес. Летать – это вам не... Это так вот, с кондачка, не делается. Надо все учесть, все прикинуть – ветер там, то, се...

– Эта девушка – с нами, – сказал Артур.

– Эй, ребята, – начала было Триллиан, – а что, меня никто...

– Нет, – отрезал Артур. – Ты летишь с нами.

Тор сощурился на Артура глазами, в которых зажглись красные угольки. Он давал собеседнику понять, что бог – это вам не хвост собачий, и старался быть предельно доходчивым.

– Я ее забираю, – повторил он тихо, но грозно.

– Землянин, пойдем! – еще более нервно повторил Старпердуппель, хватая Артура за рукав.

– Старпердуппель, пойдем! – повторил Форд, хватая за рукав старика. Портативный телепорт был у Старпердуппеля.

Банкет снова покачнулся и подпрыгнул, отчего все потеряли равновесие – не считая Тора и не считая Артура, который остался стоять на предательски подгибающихся ногах, глядя в черные, как смола, глаза бога.

В это невозможно было поверить: Артур сжал свои маленькие кулачки.

– Чё, самый крутой, что ли? – спросил он.

– Не понял?! – проревел Тор.

– Я сказал, – повторил Артур предательски сорвавшимся голосом, – чё, самый крутой, что ли? – и медленно поднял кулачки.

Тор оглядел его с недоумением. Потом из ноздрей его потянулась тоненькая струйка дыма. Приглядевшись, можно было заметить и огонек.

Тор поправил свой пояс.

Тор расправил грудь, чтобы всем стало предельно ясно, что они связались с тем, которого не стоило выводить из себя, не сдав сперва зачета по альпинизму.

Тор вынул из-за пояса свой молот и покачал его в руках, демонстрируя его массивный железный боек и тем самым развеивая заблуждения тех, кто мог решить, будто он носит за поясом простой телеграфный столб.

– Чё-то я не втыкаю, – сказал он голосом, мрачным, как туча вулканического пепла. – Это что, заводка?

– Заводка, – подтвердил Артур, голос которого внезапно окреп и обрел уверенность. Артур снова поднял кулаки, на этот раз со всей серьезностью, на какую был способен.

– Чё, пошли, выйдем? – предложил он Тору.

– Пошли, выйдем!

Тор взревел, как разъяренный бык – или, точнее, как разъяренный бог грома, что куда более впечатляет – и вышел.

– Вот и славно. – сказал Артур, – Теперь, когда этого надоеду сплывили, Дуппель, давай, вытаскивай нас отсюда.

XXIII

– Ну, и что? – спрашивал Форд у Артура и сам же отвечал. – Ну, и ничего! Да, я трус! Зато жив остался!

Они снова были на борту Бистроматического звездолета – и с ними Старпердуппель и Триллиан. Недоставало на борту теперь только спокойствия и согласия.

– Но я же тоже! – кричал в ответ Артур, до сих пор никак не в силах успокоиться. Брови его метались то вверх, то вниз, так яростно, словно пытались стукнуть одна другую. – Я же тоже!

– Ты! Да еще немного, и из-за тебя бы всем нам...

Артур бросился за поддержкой к Старпердуппелю, который сидел в кресле пилота и задумчиво глядел на донышко бутылки, сообщавшее ему что-то, чего он явно не мог осознать.

– Послушайте, ну, он что, не понимает, что я хочу сказать? – спросил Артур, пустив обиженного петуха.

– Не знаю, – ответил Старпердуппель несколько отсутствующе. – Не уверен, – добавил он, оторвав на секунду взгляд от приборов, – что я сам понимаю. – Старпердуппель принялся изучать приборы с новой энергией и озадаченностью. – Попробуйте объяснить другими словами...

– Да просто...

– ... и как-нибудь в другой раз. Надвигается ужасное.

Старпердуппель постукал пальцем по искусственному стеклу поддельной бутылки.

– На банкете мы потерпели сокрушительное поражение. – сказал он. – Теперь наша единственная надежда – в том, чтобы помешать роботам вставить Ключ в Замок. Как мы это сделаем, я не имею ни малейшего понятия. – Старпердуппель пожал плечами. – Для начала надо попасть туда. Не могу сказать, что мне нравится эта идея. Все это может кончиться для нас очень плохо.

– Кстати, где Триллиан? – спросил вдруг встревоженно Артур.

Что взбесило его сверх всякой меры, так это то, что Форд отчитал его за напрасную трату времени на разборку с богом грома, тогда как можно было смыться оттуда сразу, без проводов. По мнению Артура, и Артур готов был отстаивать это мнение любой ценой, Артур проявил в этом инциденте исключительную смелость и находчивость. Однако, преобладающее мнение было таково, что цена мнению Артура была песий хвост. И, что самое неприятное, Триллиан никак не реагировала на происходящую драму, а вместо этого скрылась где-то на корабле.

– Да! И, кстати, где мои чипсы? – добавил Форд.

– И то, и другое, – ответил Старпердуппель, не отрываясь от созерцания приборов, – находится в Зале Информативных Иллюзий. Насколько я понимаю, наша юная спутница пытается решить для себя некоторые проблемы галактической истории. Надеюсь, что картофель помогает ей в этом.

XXIV

Ошибкой было бы думать, что серьезную проблему можно решить при помощи одного лишь картофеля.

К примеру, жила-была однажды кое-где одна безумно агрессивная раса существ, называвшихся Силикорганические растерзайцы с планеты Стритеракс. Так они называли свою расу. Свою армию они называли еще более ужасно. К счастью для нас, они жили в такой глубине галактической истории, в какую мы с вами еще ни разу не забирались – двадцать миллиардов лет назад. Тогда Галактика была еще молодой и горячей, и все идеи, за которые стоит сражаться, еще никому не набили оскомину.

Силикорганические растерзайцы с планеты Стритеракс умели и любили сражаться, и по этой причине занимались этим очень часто. Одолев всех своих врагов – то есть, вообще всех, до кого они сумели добраться – они принялись друг за друга. Их планета представляла собой крайне жалкое зрелище. Поверхность ее была покрыта брошенной боевой техникой, окружавшей брошенные города, таившие в своем центре глубокие бункеры, в которых силикорганические растерзайцы продолжали жить и истреблять друг друга.

Чтобы подраться с силикорганическим растерзайцем, достаточно родиться. Он расценит это как повод. А когда растерзаец находит повод, то кто-то непременно об этом пожалеет. Такой образ жизни может показаться некоторым утомительным, но растерзайцы – на редкость энергичные ребята.

Чтобы разделаться с силикорганическим растерзайцем, достаточно запереть его в одиночке. Рано или поздно он подерётся сам с собой и победит.

В один прекрасный день растерзайцы поняли, что с этим нужно что-то делать, и приняли закон, согласно которому всякий гражданин, носящий оружие по долгу своей силикорганической службы – полицейский, охранник, учитель начальной школы и т.д. – обязан минимум сорок пять минут в день избивать мешок с картошкой, чтобы избавиться от излишков агрессии.

Некоторое время этот закон помогал, пока кому-то не пришло в голову, что гораздо эффективнее и быстрее будет не избивать мешки с картошкой, а расстреливать их.

Тогда растерзайцы с новой энергией принялись расстреливать все, что попадалось под руку, и с восторгом стали готовиться к первой приличной войне за последние несколько недель.

Другое достижение силикорганических растерзайцев с планеты Стритеракс состоит в том, что они стали первой цивилизацией, которой удалось вывести из себя компьютер.

Этим компьютером стал гигантский космический компьютер по имени Хактар, доньше считающийся самым мощным из всех компьютеров, которые когда-либо были созданы. Он первый был построен по тем же принципам, что и живой мозг – каждая ячейка его хранила образ целого. Это давало ему возможность мыслить более гибко и образно, подходить к задаче творчески и, как выяснилось, выходить из себя тоже.

Силикорганические растерзайцы с планеты Стритеракс в то время вели довольно скучную рутинную войну с Активными Борцунами с планеты Утюк, и она уже порядком утомила их марш-бросками по радиоактивным болотам Квульзенды и десантами на Огненные Горы Фразфраги. Ни там, ни там растерзайцы не чувствовали себя по-настоящему как дома. Поэтому, когда к боевым действиям присоединились Свирепые Душманьяки с планеты Языкистан, вынудив своих противников открыть второй фронт в Гамматакомбах на Карфраксе и на Бледниках Варленгутена, растерзайцы решили, что с них довольно, и велели Хактару изобрести для них Окончательное Оружие.

– В каком смысле “Окончательное”? – спросил Хактар.

На это силикорганические растерзайцы с планеты Стритеракс ответили:

– RTFM⁷! – швырнули Хактару толковый словарь и бросились в новую атаку.

И Хактар избрал Окончательное Оружие.

Это была очень-очень маленькая бомба, представлявшая собой простой коммутатор гиперпространства, который, будучи приведен в действие, одновременно соединял ядро каждой крупной звезды с ядром каждой другой крупной звезды, тем самым превращая всю Вселенную в один гигантский гиперпространственный катаклизм взрыва сверхновой.

Но когда попытка подорвать этой бомбой арсеналы Свирепых душманьяков в одной из Гамматакомб не удалась, Растерзайцы страшно рассердились, и заявили об этом, не стесняясь в выражениях.

Узнав о случившемся, Хактар и вышел из себя.

Он попытался объяснить, что много думал об Окончательном Оружии как таковом и пришел к выводу, что никакое из возможных последствий его неиспользования не будет страшнее, чем любое из последствий его использования, и что, придя к такому выводу, он взял на себя смелость изъять из образца бомбы некоторые конструктивно важные детали, и что он надеется, что все заинтересованные стороны по здравом размышлении согласятся с тем, что...

Но силикорганические растерзайцы не согласились и стерли компьютер в пыль.

Потом они подумали и уничтожили также неработающую бомбу.

Потом – задержавшись только, чтобы надрать задницы Активным борцунам с планеты Утюк, а заодно и Свирепым душманьякам с планеты Языкистан – они изобрели совершенно новый революционный способ взорвать себя со всеми потрохами, к большой радости и облегчению всей Галактики, и особенно борцунов, душманьяков и картофеля.

Триллиан просмотрела все это вместе с историей Криккита. Она в задумчивости вышла из Зала Информативных Иллюзий как раз в ту минуту, когда стало ясно, что они опоздали.

⁷ "Read The F***ious Manual" – "Пожалуйста, ознакомьтесь с документацией", грубое программистское ругательство. Я предположил – и, мне кажется, не совсем уж безосновательно – что общение с компьютером осуществлялось посредством программистов, а на их языке это звучит именно так. (Прим. перев.)

XXV

В ту самую секунду, когда Бистроматический Звездолет всплыл обратно в реальность и очутился на вершине небольшого утеса на поверхности астероида диаметром в километр-полтора, одиноко и вечно вращающегося вокруг запертой в капсулу Завреждения звездной системы Криккит, все члены экипажа звездолета поняли, что им осталось только стать свидетелями необратимого исторического события.

Но они не знали, что событий будет два.

Замерзшие, одинокие и беспомощные, они стояли на краю обрыва и смотрели на происходящее внизу. Лучи прожекторов выписывали зловещие ломаные линии в пустоте, выходя из точки всего в сотне метров перед и под ними. Событие разворачивалось довольно ослепительное.

Поле, генерируемое с корабля, позволяло им стоять на этом обрыве, вновь используя предрасположенность человеческого ума быть обманутым: они не думали о том, как бы не улететь с малюсенького астероида, и чем дышать в пустоте, потому что это было Не Их Ума Дело.

Белый криккитский боевой корабль припарковался в серо-черных утесах астероида, с одной стороны сверкая под лучами прожекторов, а с другой исчезая во мраке. Черные тени, отбрасываемые острыми краями скал, танцевали дикий балет, когда лучи прожекторов скользили по ним.

Одиннадцать белых роботов, выстроившись в шеренгу, вносили Каллитский Ключ в центр круга, очерчиваемого лучами прожекторов.

Каллитский Ключ явился вновь. Его составные части сверкали и искрились: Стальной Столп Силы и Власти (он же нога Марвина), Золотая Перекладина Процветания (она же Сердце Невероятностного Двигателя), Плексигласовый Столп Науки и Разума (он же Аргабутонский Скипетр Правосудия), Серебряная Перекладина (она же Приз "Рори" за Самое Неуместное Использование Слова "Бельгия" в Телесериале) и воссозданный Деревянный Столп Природы и Духовности (он же Прах сожженной биты, символизирующий смерть английского крикета).

– Я так понимаю, что мы уже ничего не можем сделать? – с беспокойством спросил Артур.

– Ничего, – вздохнул Старпердуппель.

Выражение глубокой скорби, омрачившее лицо Артура, оказалось таким неубедительным, что тот, воспользовавшись темнотой, позволил ему смениться выражением глубокого облегчения.

– Какая жалость! – промолвил он.

– У нас нет оружия, – добавил Старпердуппель. – Ужасная глупость!

– Да уж, блин, – сказал Артур почти про себя.

Форд промолчал.

И Триллиан промолчала, но ее молчание было особенно многозначительным и красноречивым. Она оглядывала черноту пространства вокруг астероида.

Астероид вращался по орбите вокруг Пылевого Облака, окружавшего капсулу Завреждения, в которой была запечатана планета криккитян, Мастеров Криккита, и их роботов-убийц.

Беспомощные наблюдатели не могли понять, известно ли криккитским роботам об их присутствии. Они могли лишь предполагать, что тем это известно, но что роботы – не без

оснований – решили, что в данной ситуации опасаться им нечего. Они выполняли историческую задачу и не могли отвлекаться на досужих зрителей.

– Чувствуешь себя просто совершенно по-дурацки, да? – сказал Артур, но никто ему не ответил.

Посреди круга, в который вошли роботы, в земле появился квадратный проем. Он становился все более и более четким, и вскоре стало ясно, что из поверхности астероида медленно выдвигается каменный куб примерно два на два метра.

Тотчас же они почувствовали какое-то другое движение, но оно было таким незаметным, что какое-то время было непонятно, что же именно движется.

А потом вдруг стало понятно.

Двигался сам астероид. Он медленно плыл по направлению к Пылевому Облаку, словно где-то в его глубине притаилась могучая небесная лебедка и тянула его к себе невидимым тросом.

Теперь им предстояло наяву проделать путешествие сквозь Облако, которое они уже проделали в Зале Информативных Иллюзий. Они стояли в гробовом молчании. Триллиан хмурилась.

Прошли века. Время тянулось головокружительно медленно. Наконец астероид коснулся внешнего края Облака и вошел в него.

Вскоре их поглотило тонкое зыбкое небытие. Они плыли и плыли сквозь него, лишь краем глаза замечая во тьме смутные тени и извивы слоев пыли. Пылинки пригасили пронзительный свет лучей прожекторов. Пронзительные лучи прожекторов заставляли посверкивать мириады пылинок Облака.

И Триллиан все хмурилась и хмурилась своим хмурым мыслям.

Наконец, они выбрались из Облака. Сколько времени это заняло, минуту или час, они не могли сказать, но они выбрались из него и выплыли в черную холодную пустоту, словно пространство вдруг кончилось перед ними.

И здесь события начали происходить с заметной быстротой.

Ослепительный сполох света вырвался из каменного куба, поднявшегося на метр над землей, и на поверхности его возник плексигласовый кубик поменьше, светящийся изнутри разноцветными огнями.

На поверхности куба виднелись глубокие пазы, три вертикальных и два горизонтальных, явно вырезанные под Каллитский Ключ.

Роботы подошли к Замку, вставили Ключ в его пазы и отступили на шаг. Куб сам собой дернулся пару раз, и космос вокруг начал меняться.

Раздвигающееся пространство заставило глаза наблюдателей болезненно вывернуться из орбит. Наши герои едва не ослепли навсегда, глядя на солнце, появившееся там, где секунды назад простирался лишь пустынный космос. Несколько мгновений ушло у них на то, чтобы понять, что происходит, и закрыть округлившиеся от ужаса и невидящие глаза ладонями. За эти несколько мгновений им удалось увидеть маленькую песчинку, медленно плывущую против этого солнца.

Пошатнувшись, они отвернулись, и тогда в их ушах зазвенел пронзительный и неожиданный клич роботов:

– Крикит! Крикит! Крикит! Крикит!

Этот клич леденил кровь в жилах. Это был резкий, холодный, бессмысленный и механически ужасный клич.

Это был также победный клич.

Происходящее так поразило чувства путешественников, что они едва не пропустили второе историческое событие.

Зафод Библброкс, единственный человек в истории, переживший столкновение с криккитскими роботами, выбежал из криккитского боевого корабля, размахивая смертолетом.

– Всем оставаться на местах! – крикнул он. – Вы окружены! Ситуация под контролем!

Двенадцатый робот, стороживший корабль, молча взмахнул своей боевой битой и соединил ее с левым затылком Зафода.

– Что за кварки?! – возмутилась левая голова и покатилась на грудь.

Правая голова озиралась по сторонам:

– Так, кто это сделал? – спросила она.

Бита коснулась затылка правой головы.

Зафод растянулся на камнях во весь свой рост.

В считанные секунды все было кончено. Несколькими ударами роботы уничтожили Замок навсегда. Он был расплюсчен, расплавлен и разбит. Роботы мрачно и, казалось, едва ли не обескураженно, промаршировали в свой корабль, и тот, издав звук, похожий на то, как если бы десять тысяч человек одновременно сказали “бздык”, исчез.

Высоко подпрыгивая, Триллиан и Форд бросились вниз по крутому склону туда, где во мраке лежало недвижимое тело Зафода Библброкса.

XXVI

– Не знаю я, – повторил Зафод, кажется, в тридцать седьмой раз. – Не убили, и все тут. Может быть, они просто решили, что я такой замечательный. Я бы это понял.

Остальные молча отвергли эту гипотезу.

Зафод лежал на холодном полу рубки. Спиной он, казалось, вгрызался в пол, такая боль пронзала его тело и лупила молотами по головам.

– Знаете, – прошептал он. – Что-то в этих ходячих холодильниках мне сразу не понравилось. Что-то в них такое было, знаете, ненормальное.

– Они запрограммированы убивать всех и каждого, – заметил Старпердуппель.

– Да, – сказал Зафод, зажмурившись от боли, – Может быть, в этом дело.

Впрочем, голос его прозвучал не очень уверенно.

– Привет, – слабо улыбнулся он Триллиан, надеясь таким образом извиниться перед ней за свое поведение.

– Как ты? – участливо спросила она.

– Нормально, – ответил он. – Уже гораздо лучше.

– Это хорошо, – сказала Триллиан и отошла в задумчивости. Она глядела на огромные экраны, нависающие над пилотскими креслами, и переключала камеры, передававшие изображение на них. Одна камера показывала черноту Пылевого Облака. Другая – солнце Криккита. Третья – сам Криккит. Триллиан бесцельно пощелкала переключателем.

– Так что? Прощай, Галактика? – сказал Артур, хлопнув себя по коленям и поднявшись на ноги.

– Ни за что! – воскликнул Старпердуппель. – Отступать некуда!

Он нахмурил свои брови до такой степени, что в них уже можно было выращивать кое-какие мелкие овощи. Он встал и прошелся по рубке. Когда он заговорил, то, что он сказал, заставило его самого снова сесть.

– Мы высаживаемся на Криккит, – сказал он и вздохнул до глубины души. – Мы вновь потерпели сокрушительное поражение, – добавил он. – Сокрушительное.

– А я предупреждал, – напомнил Форд. – Это все потому, что нас не волнует.

Форд закинул ногу на приборную доску и принялся чистить ногти каким-то приборчиком.

– Но если мы будем бездействовать, – возразил старец с излишней горячностью, словно бы борясь с чем-то в себе самом, – то нас всех уничтожат. Мы все погибнем. Разве это вас не волнует?

– Не настолько, чтобы за это умереть, – ответил Форд. Он несколько кисло улыбнулся и обвел взглядом рубку в поисках понимания и сочувствия.

Эта идея показалась Старпердуппелю особенно подрывной, и он принялся бороться с ней. Он обратился к Зафоду, скрипевшему зубами от боли.

– И все-таки, как вы думаете, – спросил он, – почему они оставили вас в живых? Это исключительно странно и необычно для них.

– Да я думаю, они и сами не знали, – пожал плечами Зафод, – Я же уже все сказал. Они вкатили мне самую слабую дозу. Просто вырубил, и все. Потом затащили в корабль, скинули в углу и там оставили. Им вроде как даже не нравилось, что я у них. Стоило мне что-нибудь сказать, как меня опять вырубали. Поэтому особенно поболтать не удалось. “Чуваки... уй, блин! А почему... уй, блин! А куда... уй, блин!” Часами так развлекались. –

Зафод снова скривился от боли.

Зафод вдруг заметил, что вертит что-то в пальцах. Присмотревшись, он обнаружил, что это – Золотая Перекладина, Сердце Двигателя на бесконечной невероятности. Лишь она, да еще Деревянный Столп, пережили разрушение Замка.

– Слушай, – спросил он Старпердуппеля, – твоя тачка ведь на ходу? Будь другом, подбрось меня до моей, а там уж я сам...

– Вы не собираетесь нам помочь? – поинтересовался Старпердуппель.

– Ой, ну я ж бы с удовольствием! Спасать Галактику – мое любимое хобби, – ответил Зафод, выгибаясь в дугу и вставая на мостик. – Но у меня так болит голова, что просто никакой возможности. А в следующий раз – я ваш навеки. Звоните в любое время. Триллиан, ну, так что?

Та обернулась:

– Насчет чего?

– Полетели? На “Золотое Сердце”? Путешествия, приключения и все такое клёвое?

– Я – на Крикит, – ответила Триллиан.

XXVII

Это был тот же холм, и в то же время совсем не тот, что был.

На этот раз он был не в информативной иллюзии. Это был настоящий Криккит, и они стояли на его поверхности. Под холмом за деревьями стоял престранный итальянский ресторанчик, который перенес их, во плоти и наяву, на настоящий, подлинный Криккит.

Сочная трава под ногами была настоящей, и жирная почва тоже. Тонкий аромат, струящийся с дерева, тоже был настоящим. Ночь была настоящей.

Криккит!..

Возможно, самое опасное место в Галактике для не-криккитянина. Место, в котором отказывались смириться с существованием любого другого места. Место, чьи очаровательные, жизнерадостные, интеллигентные жители взвыли бы от ужаса, ярости и животной ненависти при встрече с любым не таким, как они.

Артур содрогнулся.

Старпердуппель содрогнулся.

К своему удивлению, и Форд содрогнулся.

Удивился он не тому, что содрогнулся, а тому, что вообще оказался здесь. Но, когда Зафод вернулся на свой корабль, Форд вдруг со стыдом признался себе, что не может слинять вместе с ним.

Боже, какая чушь! – повторял он себе. Какая чушь! Какая глупость! Форд поправил на боку один из смертолетов, которыми они вооружились на корабле Зафода.

Триллиан содрогнулась, нахмурилась и посмотрела в небо.

Небо над ними было тоже не то, что было прежде. Оно не было уже черным и пустым.

За две тысячи лет Криккитских Войн и пять лет, прошедших на Крикките за те десять миллиардов лет, что Криккит был запечатан в капсуле Завремедления, местность вокруг них изменилась очень незначительно. А вот небо стало совсем, совсем другим.

В небе копошились грузные неуклюжие объекты, испускавшие свет и дым.

Высоко в небе, куда прежде не падал взгляд ни одного криккитянина, разместились теперь военные Робозоны – огромные боевые корабли и башни, плавающие в нулеграмных полях высоко над зелеными полями и лугами криккитской идиллии.

Триллиан смотрела на них и думала...

– Эй, Триллиан, – позвал ее шепотом Форд Префект.

– Что? – спросила она.

– Ты что делаешь?

– Думаю.

– Ты всегда так дышишь, когда думаешь?

– А что, я вообще дышала?

– Так я потому и спросил.

– Понимаешь, мне кажется, я начинаю понимать... – начала было Триллиан.

– Ш-ш-ш! – тревожно прошипел Старпердуппель, и его сухая дрожащая рука потянула их еще глубже в тень дерева.

Внезапно, в точности как в фильме, на склоне показались огни – но на этот раз не от светильников, а от электрических фонарей. Само по себе это не было так уж страшно, но сейчас каждая мелочь заставляла их сердца испуганно забиться. На этот раз никто не напевал

симпатичных легкомысленных песенок о цветах, работе на воздухе и о мертвом пёсике. Криккитяне бурно спорили приглушенными голосами.

В небе медленно проплыло что-то светящееся. Артура охватили ужас и клаустрофобия. Вдобавок, у него страшно запершило в горле.

Не прошло и минуты, как с другой стороны из-за холма показалась вторая группа криккитян. Они шли быстро и целеустремленно, освещая себе дорогу фонарями.

Две группы явно шли навстречу друг другу. И не просто навстречу друг другу – они явно собрались встретиться на том самом месте, где стояли Артур и другие спасатели Галактики.

Артур услышал тихий сухой щелчок – это Форд Префект взвел курок своего смертолета и поднял его – и тихий сухой кашель – это Старпердуппель взвел курок своего и поднял его. Артур ощупал свое оружие, холодное, тяжелое и незнакомое, и трясущимися руками вынул его из кобуры. Надо было снять предохранитель и взвести чрезвычайно опасный курок, как показывал Форд. Руки у Артура тряслись так, что если бы ему довелось сейчас выстрелить в кого-нибудь, он вывел бы на нем свою подпись.

Только Триллиан не подняла смертолет. Она подняла брови, снова опустила их и прикусила губу, глубоко задумавшись.

– Слушайте, а вам не приходило в голову... – начала было она, но никто не проявил интереса.

Темноту вспорол луч света сзади, и путешественники, резко оглянувшись, столкнулись нос к носу с третьей группой криккитян, подошедших сзади и светивших теперь им в глаза.

Смертолет Форда Префекта зловеще крикнул, но по нему ударил луч огня, и тот выронил его из рук.

Повисла тягостная секунда ледяного страха и оцепенения перед взрывом безудержной пальбы.

Секунда пронеслась, но никто не стрелял.

Бледные криккитяне окружили их, изо всех сил светя в них фонарями.

– Простите пожалуйста, – сказал один из них. – Скажите пожалуйста, а вот вы правда... пришельцы?

XXVIII

Тем временем, на расстоянии от Криккита в больше миллионов миль, чем может осознать мозг здорового человека, Зафод Библброкс снова впадал в тоску.

Он починил свой корабль – то есть, с интересом пронаблюдал за тем, как это делает робот-помощник. Теперь это снова был один из самых мощных и необычайных кораблей во Вселенной. Он мог полететь куда угодно и делать там, что угодно. Зафод полистал книжку и бросил ее в угол. Книжку он уже читал.

Зафод подошел к экрану связи и вышел на всечастотный открытый аварийный канал.

– Кто-нибудь хочет бахнуть? – спросил он.

– У вас авария? – проквакал кто-то с другого конца Галактики.

– Чувак, штопор есть? – спросил Зафод.

– Флудер несчастный, звездуй с этого канала, пока не запеленговали!

– Ну, ладно, ладно! – сказал Зафод и отключился. Он вздохнул и сел. Затем встал и подошел к экрану компьютера. Он нажал несколько кнопок. Зеленые пузырьки принялись гоняться друг за другом по экрану и пожирать друг друга.

– Пух-пух! – сказал Зафод. – Ту-ту-ту-ту-ту! Бах! Бах!

– Привет! – весело сказал компьютер через минуту. – Ваш счет – три очка. Рекорд на данный момент – семь миллионов пятьсот девяносто семь тысяч двести со...

– Ну, ладно, ладно! – сказал Зафод и выключил экран.

Он снова сел. Повертел в руках карандаш. Это занятие тоже быстро потеряло свою увлекательность.

– Ну, ладно, ладно! – сказал он, и ввел свой счет и рекорд на данный момент в компьютер.

Корабль задрожал и расплылся по Вселенной.

XXX

– Скажите пожалуйста, – сказал худощавый бледнолицый криккитянин, который вышел вперед из рядов своих соотечественников и стоял теперь неуверенно в кругу света от фонарей, держа свое ружье так, будто кто-то дал ему поддержать его, а сам отошел на минутку, но обещал вот-вот вернуться, – скажите пожалуйста, вы знаете что-нибудь о такой вещи, как Природное Равновесие?

Пленники не отвечали – по крайней мере, не отвечали ничего членораздельного. Фонари продолжали светить им в лицо. Высоко в небе в Робозонах происходила какая-то нехорошая активность.

– Дело в том, что... – криккитянин замялся. – То есть, мы что-то слышали про это; может быть, это и неважно. Да, наверно, лучше мы вас просто расстреляем.

Он поглядел на свое ружье так, будто пытался понять, на что там нужно нажать, чтобы это сделать.

– То есть, конечно, – сказал он, поднимая глаза, – конечно, если вы не возражаете.

Глубокое, мощное недоумение овладело Старпердуппелем, Фордом и Артуром. Оно поднималось снизу и исподволь охватывало мозг, который в данный момент был занят исключительно тем, что поднимал и опускал нижнюю челюсть. Триллиан покачивала головой, словно пыталась сложить головоломку в коробке, встряхивая ее.

– Понимаете, в чем дело, – сказал кто-то в толпе. – Этот наш план вселенского уничтожения...

– Ага, – подхватил еще кто-то. – А с другой стороны – природное равновесие. Мы вдруг подумали, что если мы уничтожим всю остальную Вселенную – не нарушит ли это равновесия в природе? Ведь экология – это для нас очень важно... – и голос его растерянно смолк.

– И спорт! – громко сказал кто-то, и был поддержан возгласами одобрения.

– Да, конечно, и спорт, – согласился первый, – спорт тоже... – Он повернулся за помощью к своим товарищам и почесал в затылке. Казалось, он борется с каким-то глубоким внутренним противоречием, как если бы то, что он хотел сказать, и то, что он думает, были совершенно разные вещи, между которыми ему никак не удавалось найти какую-нибудь связь.

– Понимаете, – пробормотал он, – тут у нас некоторые хотели... – и он снова оглянулся на своих товарищей. Товарищи подбадривали его. – Некоторые у нас тут хотели бы установить спортивные связи с Большой Галактикой, и, хотя можно сказать, что спорт не должен быть связан с политикой, но мне лично кажется, что, если мы хотим устанавливать спортивные связи с Большой Галактикой, то уничтожить ее было бы... ну, я не знаю, ошибкой, что ли... Не говоря уже обо всей Вселенной... – он совсем стушевался, – а установка сейчас именно такая, насколько я в курсе...

– К-к... – произнес Старпердуппель. – К-к...

– Ч-ч-ч... – спросил Артур.

– Д-д... – заметил Форд Префект.

– Отлично, – сказала Триллиан, – давайте все обсудим.

Она шагнула вперед и взяла бедного сконфуженного криккитянина за руку. Лет тому было около двадцати пяти, что, вследствие причудливых заворотов течения времени в этой местности, означало, что ему было всего лишь двадцать, когда закончились Криккитские Войны – десять миллиардов лет назад. Не давая ничего ему сказать, Триллиан взяла его под локоть и повела его вдоль строя криккитян. Он безвольно шагал за ней. Лучи фонарей

медленно опускались, когда они проходили мимо, словно сдаваясь этой странной спокойной девушке, которая одна во всей мрачной и запутавшейся Вселенной, похоже, знала, что делает.

Наконец, Триллиан повернулась к своему собеседнику и взяла его за руки. Тот был воплощенное несчастное недоразумение.

– Рассказывай, – попросила она.

Тот помолчал, переводя свой взгляд то на один ее глаз, то на другой.

– Мы... это... – выдавил он. – Мы должны быть... ну, одни... Мне лично так кажется... – Он опустил лицо, уронил голову и потряс ею, словно стараясь вытрясти монетку из свиньи-копилки. Затем снова поднял глаза. – Ну, и мы вот построили эту Бомбу, – сказал он. – Знаете, она такая маленькая...

– Я знаю, – сказала Триллиан.

Криккитянин посмотрел на нее так, словно она сказала что-то совершенно невозможное о культивировании сахарной свеклы.

– Нет, честно, – сказал он, – она очень-очень маленькая.

– Я знаю, знаю, – повторила Триллиан.

– А они говорят... – он запнулся. – Они говорят, что она может уничтожить все, что есть на свете. И, понимаете, мне кажется, мы должны это сделать. И тогда мы останемся одни... Впрочем, я не знаю. Кажется, в этом и есть наша миссия, – закончил он и снова повесил голову.

– Точно. Что-то в этом роде, – подтвердил мрачно кто-то из криккитян.

Триллиан плавным движением приобняла бедного растерянного криккитянина и положила его запутавшуюся голову себе на плечо.

– Все ерунда, – сказала она тихо, но достаточно отчетливо, чтобы услышали все. – Это не нужно.

Триллиан погладила юношу по голове:

– Ничего этого не нужно, – повторила она.

Она выпустила юношу из своих рук, и тот встал рядом.

– Я только хочу вас кое-о-чем попросить, – сказала она – и вдруг рассмеялась. – Я хочу, – начала она, но рассмеялась снова. Она прикрыла рот ладошкой и сказала серьезно. – Я хочу встретиться с вашим начальством, – и указала рукой на Робозоны в небе. Каким-то образом она поняла, что начальство находится где-то там.

Смех ее словно бы разрядил что-то в атмосфере. Где-то в задних рядах молодой звонкий голос запел песню, на которую Пол Маккартни, запиши ее он, купил бы весь мир.

Храбро, как тысяча чертей, Зафод Библброкс полз по туннелю. Ему было очень страшно, но он продолжал ползти вперед и вперед, потому что он был очень храбрый.

Его страшно напугало то, что он только что видел, но то, что ему предстоит вот-вот увидеть, напугает его вдвое больше, поэтому сейчас подходящий момент объяснить, где именно он находится.

Он находится в одной из секретных Военных Робозон в сотне миль над поверхностью планеты Криккит.

Слой атмосферы здесь тонок и довольно слабо защищает от всяческих излучений и прочей гадости, несущейся на Криккит из космоса во всех направлениях.

Зафод оставил свой звездолет “Золотое Сердце” где-то в огромных пыльных сумрачных ангарах, заполонивших небо над Криккитом, и вошел в то здание, которое показалось ему самым большим и самым важным, вооруженный одним лишь смертолетом и кое-чем против головной боли.

Он оказался в длинном, широком и плохо освещенном коридоре, где можно было спрятаться до тех пор, пока не станет ясно, что делать дальше. Там Зафод и спрятался, потому что по коридору то и дело проходил криккитский робот, и хотя до сих пор Зафод был словно заколдован против них, голова у него все еще болела совершенно не по-детски, и ему не хотелось пытаться то, что он с трудом заставлял себя называть своим счастьем.

В какой-то момент Зафод впрыгнул в дверь, ведущую из коридора, и очутился в большом и, опять же, плохо освещенном зале.

Это оказался музей. Музей одного экспоната – обломков звездолета. Звездолет был жутко обожжен и разгромлен, и Зафод, уже намеревавшийся ту часть галактической истории, которую он пропустил, безуспешно домогаясь девушки за соседней киберпартой, смог высказать смелое предположение, что это тот самый корабль, который, дрейфуя через Пылевое Облако, упал на Криккит тучу миллиардов лет назад и начал всю заваруху.

Но – и это-то и озадачило Зафода – корабль показался ему каким-то не настоящим.

Нет, он был разбит по-настоящему. Он по-настоящему обгорел снаружи и выгорел изнутри. Но бывалому звездолетчику хватило бы беглого взгляда, чтобы понять, что перед ним – не настоящий космический корабль. Это было больше похоже на модель космического корабля в натуральную величину. На объемный чертеж космического корабля. Другими словами, это была очень полезная штука для того, кто вдруг решил построить космический корабль, и не знал, как это делается. Но полететь самостоятельно эта штука ни при каких обстоятельствах не могла.

Зафод все еще раздумывал об этом – точнее, он только успел задуматься об этом – когда вдруг открылась другая дверь в зал, и в нее вошли два мрачно настроенных криккитских робота.

Зафод не хотел длинных разбирательств с ними и, решив, что, как скрытность есть лучшая доблесть, так и трусость есть лучшая скрытность, он доблестно скрылся под столом.

Стол же оказался крышкой шахты, которая вела в широкую вентиляционную трубу. Зафод забрался в нее и принялся ползти вперед. Здесь-то мы и нашли его в начале главы.

Зафоду не нравилось эта труба. Она была холодная, темная и удивительно неудобная. К тому же, в ней было страшно. При первой же возможности – которая представилась в виде другой шахты метрах в ста от первой – Зафод постарался вылезти из нее.

На этот раз он очутился в небольшой комнате, оказавшейся вычислительным центром. Зафод выбрался в узкий проем между большим компьютерным шкафом и стеной.

Почти сразу он понял, что в комнате, кроме него, кто-то есть, и принялся уже было ретироваться, когда разговор тех, кто находился в комнате, вдруг заинтересовал его.

– Проблема с роботами, сэр, – сказал один голос. – С ними что-то происходит.

– Что именно?

Разговаривали два криккитских главнокомандующих. Все главнокомандующие жили на небе в Робозонах, и пораженческие веяния, распространившиеся среди их соотечественников на поверхности планеты, до них практически не доходили.

– Сэр, мне кажется, что у них какое-то расстройство. Возможно, наш план задействовать Сверхновую бомбу в самые короткие сроки после освобождения из капсулы...

– Конкретнее!

– У роботов упала мотивация, сэр.

– Что-о?

– Похоже, сэр, что война их утомила. Они словно бы разочаровались в мире.

– Прекрасно! Их задача и состоит в том, чтобы помочь нам его уничтожить!

– Так точно, сэр, но они не справляются с задачей. Ими овладела какая-то апатия. Они работают вяло, принужденно. Без огонька.

– Что вы хотите сказать?

– Похоже, они чем-то подавлены, сэр.

– Да что же это такое, в конце концов?

– Видите ли, сэр, в нескольких последних боях наши роботы вступали в сражение, изготовлялись к боевому броску и вдруг словно бы задумывались: а зачем? А стоит ли оно того в космическом плане? От этого они делаются малоподвижными и мрачными.

– И чем же они, интересно знать, занимаются?

– По большей части квадратными уравнениями, сэр. Чертовски сложными, следует отметить. И все время жалуются на жизнь.

– Жалуются на жизнь?!

– Так точно, сэр.

– Где это слыхано, чтобы робот жаловался на жизнь?

– Не могу знать, сэр!

– Что это был за шум?

Это был шум, с которым Зафод покинул помещение. Голова его шла кругом.

XXXI

В глубоком темном колодце сидел одинокий увечный робот. В железной трубе было темно, холодно и сыро, но роботу не полагалось обращать на это внимание. Напряжением могучей воли этот робот, однако, обращал внимание на все.

Мозг его был подключен к центральной вычислительной сети криккитского Военного Компьютера. Он не получал от этого большого удовольствия, да и центральная вычислительная сеть криккитского Военного Компьютера тоже.

Криккитские роботы, подобравшие это жалкое железное создание на болотах Дзеты Сквернистановы, сразу распознали его гигантский интеллект и прикинули пользу, которую он может им принести.

Но они не распознали хронических расстройств личности, которые ничуть не облегчали холод, темнота, сырость, увечья и одиночество – ни в ту, ни в другую сторону фразы.

Этот робот не любил свою работу.

Помимо всего прочего, такой пустяк, как координирование военной стратегии планеты Криккит, занимала лишь ничтожно малую часть его необъятного ума, а всем остальным частям было в высшей степени скучно. Решив все фундаментальные математические, физические, химические, биологические, социологические, этимологические, метеорологические и психологические проблемы Вселенной – за вычетом своей собственной – по третьему разу, робот всерьез озадачился поиском занятия и принялся за сочинение коротких печальных элегий без музыки. Последним его творением была колыбельная.

– *Спят усталые планеты,* – монотонно гудел Марвин, –
Звезды спят.
Все погружены предметы
В мрак и хлад.
Все объято вечной ночью,
Что, конечно, глупо очень.
Глазки закрывай,
Баю-бай.

Марвин помолчал для придания следующему куплету требуемого эмоционального заряда и художественной выразительности, и продолжал:

– *Баю-бай, ложится даже*
Робот спать,
Электрических овечек
Посчитать.
Только он все байки эти
Видал в инфракрасном свете.
Сколько ни желай –
Баю-бай.

– Марвин! – шепотом позвал голос.

Марвин вздрогнул и повернулся, едва не разорвав паутину электродов, соединяющую его с центральным Криккитским Военным Компьютером.

В потолке открылся люк, и одна из двух весьма нечесанных голов принялась тревожно всматриваться во тьму, а другая – бросать озабоченные взгляды то в одну сторону, то в другую.

– А, это вы! – сказал робот. – Следовало ожидать.

– Привет, старик, – просипел Зафод. – Ты что это тут сейчас пел?

– О, – горестно промолвил Марвин, – мое творчество сейчас входит в особенно искрометный период.

Зафод высунулся из люка чуть дальше и огляделся.

– Ты тут один? – спросил он.

– Вполне, – ответил Марвин. – Со мною разделяют мою участь лишь уныние и тоска. А также, разумеется, огромный интеллект. А также безграничная скука. А также...

– Ну, ясно, – сказал Зафод. – Слушай, а что ты здесь делаешь? Что тебя здесь держит?

– Вот это, – сказал Марвин и показал менее поврежденной рукой на путаницу проводов, коммутирующих его с криккитским компьютером.

– Вон оно что, – протянул задумчиво Зафод. – Так, выходит, это ты спас мне жизнь? Да еще и дважды?

– Трижды, – поправил Марвин.

Зафод молниеносно оглянулся – другая его голова настороженно вглядывалась в совершенно противоположном нужному направлении – и успел увидеть, как смертоносный робот-убийца, стоявший прямо за его спиной, замер и задымился. Робот пошатнулся, отступил назад, наткнулся на стену, сполз по стене на пол, раскинув ноги, повесил голову и безутешно зарыдал.

Зафод снова повернулся к Марвину.

– Слушай, но это же кошмар, – сказал он. – Как ты живешь с таким мировоззрением?

– Лучше не спрашивай, – ответил Марвин.

– Как скажешь, – согласился Зафод и не стал. – Слушай! – сказал он. – Как классно, что ты тут работаешь!

– Что означает, насколько я понимаю, – сказал Марвин, прошедший всю логическую цепочку за одну десятиллиардную долю секунды, задействовав при этом лишь одну гриллионную часть своих мыслительных способностей, – что освободить меня никто не собирается.

– Старик, ну, ты же знаешь, я был бы так рад...

– Но не будете, верно?

– Ну... в общем, нет.

– Ясно.

– Ты очень хорошо делаешь свое дело.

– Понятно, – сказал Марвин. – Почему бы и нет, тем более, что мне это не нравится?

– Я должен найти Триллиан и ребят, понимаешь? Ты не знаешь случайно, где они? Ну, просто, прикинь, там целая планета – ищи их, свищи их...

– Они совсем рядом, – мрачно промолвил Марвин. – Если хотите, я могу их вам показать.

– Да нет, мне бы лучше к ним, – сказал Зафод. – Ну, может, им нужно помочь, там, я знаю...

– Мне лично кажется, – возразил Марвин неожиданно веско, – что вам лучше было бы посмотреть на них отсюда. Эта девушка, – добавил он вдруг, – одно из наименее недоразвитых неразумных живых существ, встречи с которыми я имел неудовольствие не избежать на своем жизненном пути.

Секунды две Зафод пытался выбраться из этого лабиринта отрицаний, а выбравшись, удивился..

– Кто, Триллиан? – переспросил он. – Да, она клевая. С норовом такая. Ну, ты ж

понимаешь. Или нет. Скорее всего, нет. А хоть бы и да. Фиг с ним. Подруби меня к сети.

– ...были послушными марионетками!

– Чего-о? – не понял Зафод.

Говорила Триллиан. Зафод обернулся. Стена, под которой рыдал крикитский робот, осветилась, и на ней появилось изображение происходящего где-то в другом месте крикитских Военных Робозон. Это был какой-то актовый зал или что-то в этом роде – Зафод не мог разобрать подробностей, потому что их заслонял безвольно сидевший под стеной робот. Зафод попытался подвинуть робота, но тот впал в такую депрессию, что попытался укунить Зафода, и тот решил с ним не связываться.

– Вдумайтесь только, – сказал голос Триллиан. – Вся ваша история – это цепочка причудливых и невероятных событий. Уж поверьте мне, я кое-что знаю о невероятных событиях. Ваша полная изоляция от Галактики невероятна сама по себе. Вот так вот, ни с того, ни с сего, на самом краю Пылевого Облака? Это подстроено. Очевидно, что это подстроено!

Зафод едва не бесился из-за того, что робот заслонял ему экран. Голова робота скрывала от него тех, к кому обращалась Триллиан, его многоцелевая бита – всю мизансцену, а локоть, которым робот трагически закрыл свое лицо, заслонял саму Триллиан.

– Затем, – продолжала Триллиан, – на вашу планету падает космический корабль. Обычное дело? Вы имеете представление о том, какова вероятность, что дрейфующий без управления космический корабль случайно пересечет орбиту обитаемой планеты?

– А вот тут, – заметил Зафод, – она не права. Видел я этот их космический корабль. Фуфло. Подделка.

– Следовало ожидать, – сказал Марвин из своей темницы.

– Конечно, – сказал Зафод. – Легко быть таким умным, когда я все рассказал. Ну, ладно, неважно. Все равно непонятно, какая связь между ним и всем остальным.

– А какова вероятность, – продолжала Триллиан, – что он пересечет орбиту именно той единственной планеты во всей Галактике – если не во всей Вселенной – на которой его появление произведет такой катастрофический эффект? Вы не знаете? И я не знаю, такие это огромные числа. Опять же – это было подстроено. Не удивлюсь, если выяснится, что и корабль был ненастоящий!

Здесь Зафоду удалось подвинуть биту робота. За ней на экране обнаружились маленькие Форд, Артур и Старпердуппель, весьма растерянные и явно слабо понимающие, что происходит.

– О, гляди! – воскликнул Зафод. – Наши бьют! Оле-оле-оле-оле! Вломите им, ребята!

– И как насчет всей этой технологии, – спросила Триллиан, – которую вы умудрились разработать чуть ли не за одну ночь? У большинства рас это занимает тысячи лет. Кто-то явно подсовывал вам все, что нужно было узнать. Кто-то заставлял вас все это делать. Разумеется, – ответила она кому-то, – Разумеется, вы так не думаете. Об этом-то я и говорю. Вы вообще ни о чем не думаете. В том числе и о Сверхновой Бомбе.

– Откуда вы о ней знаете? – спросил кто-то невидимый.

– Да уж знаю, – отвечала Триллиан. – И вы думаете, я поверю, что вам хватило ума изобрести такую сложную штуку и не хватило ума понять, что она взорвет и вас тоже? Это не просто глупость – это вопиющий идиотизм!

– Слушай, а что это за бомба такая? – встревоженно спросил Зафод у Марвина.

– Сверхновая Бомба? – переспросил Марвин. – Такая очень-очень маленькая бомба...

– Ну?

– Которая может уничтожить всю Вселенную как таковую, – продолжил Марвин. – На мой взгляд, гениальная идея. Только ничего у них не получится.

– Почему, если это такая гениальная идея?

– Идея гениальная, – объяснил Марвин, – а они – нет. Перед тем, как их заперли в капсуле, они успели только спроектировать ее. Последние пять лет они ее строили. Они думают, что все получится, но они ошибаются. Они ничуть не умнее любой другой органической жизни. Ненавижу.

Триллиан тем временем продолжала говорить. Зафод попытался оттащить криккитского робота от экрана за ногу, но тот лягнул его, дернулся и снова затрясся в рыданиях. Затем робот вдруг распластался на полу и продолжал изливать свои чувства в этом положении, уже никому не мешая.

Триллиан стояла одна посреди зала. Она выглядела усталой, но глаза ее горели.

Вокруг нее за столом-пультом сидели бледные, одутловатые, с мешками под глазами, Старшие Мастера Криккита, глядя на нее со страхом и бессильной ненавистью.

Перед ними, на равном расстоянии от их пульта и от центра зала, где, словно на судилище, стояла Триллиан, возвышалась тонкая белая колонна высотой метра в полтора. На ней на подставке покоился маленький белый шарик, размером с теннисный.

Рядом стоял криккитский робот со своей многоцелевой боевой битой.

– И вообще, – говорила Триллиан. – Вы так тупы, – она начала потеть от духоты, и Зафод почувствовал, как это ей неприятно, – вы так непроходимо тупы, что я сомневаюсь, что вы вообще смогли правильно построить эту бомбу без помощи Хактара – ведь последние пять лет он не помогал вам.

– Кто еще такой этот Хактар? – спросил Зафод. Но если Марвин и ответил что-то, Зафод не услышал ответа. Он, не отрываясь, смотрел на экран.

Один из криккитских Старейшин подал роботу знак рукой. Тот поднял биту.

– Ничего не могу сделать, – сказал Марвин. – Он в автономной сети.

– Погодите! – воскликнула Триллиан.

Старейшина подал другой знак. Робот остановил биту. Триллиан, казалось, вдруг утратила всю свою уверенность.

– А ты откуда все это знаешь? – спросил в это время Зафод Марвина.

– Из компьютерной памяти, – ответил Марвин. – У меня полный доступ.

– Вы здесь оторвались от жизни, – сказала Триллиан Старейшинам. – Вы оторвались от ваших соплеменников там, на планете. Всю свою вы жизнь проводите здесь, не защищенные атмосферой. Вы очень уязвимы здесь. А ваши соплеменники боятся. Они не хотят, чтобы вы делали это. Вы оторвались от них. Возьмите и спросите у них сами!

Терпение Старейшины лопнуло. Он подал роботу знак, зеркально противоположный первому.

Робот опустил свою биту. Она ударила по белому шарiku.

Белый шарик был Сверхновой Бомбой.

Это была очень-очень маленькая бомба, которая должна была уничтожить всю Вселенную.

Сверхновая бомба просвистела в воздухе. Она ударила в противоположную стену актового зала и оставила в ней некрасивую вмятину.

– Но она-то откуда это знала? – спросил Зафод.

Марвин не считал нужным ответить.

– Должно быть, чистый блеф, наудачу, – ответил Зафод сам себе. – Бедняжка. Нельзя было бросать ее одну.

XXXII

– Хактар! – позвала Триллиан.

Окружающая тьма не отвечала. Триллиан ждала, волнуясь. Она знала, что не ошибается. Но ответом из мрака, в который она всматривалась, было лишь холодное молчание.

– Хактар! – позвала она снова. – Я хочу представить тебе моего друга Артура Дента. Я хотела уйти с богом грома, но он не отпустил меня, и я благодарна ему за это. Он заставил меня понять, в чем мое настоящее призвание. К сожалению, Зафод притрусил, и я взяла с собой Артура. Не знаю, зачем я это все рассказываю. Хактар! – повторила она.

И тут тьма ответила.

Ответ был тихим, слабым, как голос, доносящийся ветром издалека, еле слышный – не голос, а тень воспоминания о голосе.

– Выходите, – сказал голос. – Обещаю вам полную безопасность.

Они обменялись взглядами и шагнули наружу, невероятным образом, в полосу света, выбивавшегося из открытого люка “Золотого Сердца”, в тускло мерцающую тьму Пылевого Облака.

Артур хотел взять Триллиан за руку, чтобы внушить ей уверенность и спокойствие, но она не позволила ему. Тогда он взялся за ремни своей спортивной сумки с банкой греческого оливкового масла, полотенцем, мятыми открытками с видами Санторини и прочим барахлом, внушая уверенность и спокойствие ей.

Они стояли ни в чем и ни на чем.

Это было пыльное, мутное ничто. Частицы распыленного компьютера тускло посверкивали, вращаясь и клубясь, в луче света. Каждая частица компьютера, каждая пылинка, хранила в себе, слабо и непрочно, образ всего целого. Превратив компьютер в пыль, силикоорганические растерзайцы с планеты Стритеракс лишь испортили его, но не уничтожили. Слабое, едва существующее поле поддерживало непрочные связи между частицами.

Артур и Триллиан стояли – или, точнее, висели, – в самом центре этой причудливой сущности. Дышать им было нечем, но это сейчас не имело значения. Хактар держал свое обещание. Они были в полной безопасности – пока что.

– Прошу прощения за негостеприимность, – прошептал Хактар. – Ничего не могу вам предложить. Разве что обманы зрения. Впрочем, можно довольствоваться обманами зрения, если нет ничего другого.

Голос его смолк, и темная пыль соткалась в старинный диван, обитый бархатом в цветочек.

Артур едва не вбесился, увидев тот самый диван, что явился перед ним в лугах доисторической Земли. Он чуть не затрясся от ярости на Вселенную, которая продолжала играть с ним эти идиотские, бессмысленные, с ума сводящие шутки.

Дав этой волне возмущения улечься, Артур осторожно присел на диван. Триллиан села рядом.

Диван был настоящий. А если он и не был настоящий, то на нем, по крайней мере, можно было сидеть, а поскольку диваны предназначены в основном именно для этого, то во всех отношениях, которые имеют какое-то значение, диван был совершенно настоящим.

Голос звездного ветра зашептал снова:

– Надеюсь, вам удобно?.

Артур и Триллиан кивнули.

– Я хочу поздравить вас с исключительно верными и точными умозаключениями.

Артур немедленно заметил, что лично он ничего особенного не умозаключал, что это все Триллиан, и что она просто взяла его с собой на эту встречу, потому что он интересуется вопросами Жизни, Вселенной, и вообще.

– Я тоже весьма интересуюсь этими вопросами, – повеял Хактар.

– Это замечательно, – воодушевился Артур. – Мы могли бы это как-нибудь обсудить. За чашечкой чая.

Перед ними медленно материализовался деревянный столик, на котором стояли серебряный чайничек, фарфоровый молочник, фарфоровая сахарница и две фарфоровые чашки на блюдцах.

Артур протянул руку – но это был лишь обман зрения. Он разочарованно откинулся на спинку дивана, обман осознания которого спина Артура согласилась признать удобным.

– Скажи, – спросила Триллиан, – почему тебе так хочется уничтожить Вселенную?

Ей было несколько не по себе разговаривать с пустотой. Хактар, несомненно, заметил это. Он призрачно усмехнулся.

– Ну, если разговор пошел такой, – прошелестел он, – то следовало бы сменить антураж.

И перед ними возник новый предмет – призрачная, свитая из тумана кушетка, а точнее – кушетка психоаналитика. Кожа, которой кушетка была обита, казалась холодной на вид и скользкой, но и это всё был лишь обман зрения. Вокруг них появились туманные намеки на стены морёного дуба. А на кушетке вырисовался сам Хактар, и, глядя на него, можно было запросто вывихнуть глаз.

Кушетка имела самые обычные размеры для кушетки психоаналитика – без малого два метра в длину.

Компьютер тоже имел самые обычные размеры для построенного в космосе вычислительного спутника – без малого тысяча километров в диаметре.

Именно оптический обман, из-за которого казалось, что один из них лежит на другой, и вывихивал глаз.

– Ну, ладно, – сказала Триллиан и встала с дивана. По ее мнению, ей предлагали слишком много обманов чувств; удобство начало ее раздражать. – Допустим. Можешь ли ты создать что-нибудь настоящее? Вещественное?

Ответ снова пришел не сразу, словно бы распыленный Хактар собирал свои мысли по миллионам кубических километров, на которые он был рассеян.

– А-а, – ответил он. – Вы имеете в виду звездолет?

Казалось, вокруг них, мимо них и сквозь них струятся мысли, подобные волнам в эфире.

– Да, – признал Хактар. – Это я могу. Но это занимает огромное время и требует огромных усилий. Все, что мне дано в моем, если так можно выразиться, рассредоточенном состоянии, это направлять и содействовать. Направлять и содействовать. Направлять... – Тут изображение Хактара на кушетке словно бы подернулось рябью, как будто ему трудно было поддерживать его.

Хактар собрался с силами.

– Я могу лишь направлять мельчайшие частицы космического мусора, – сказал он, – направлять и содействовать им. Тут метеор, там пара молекул, атом водорода там, атом кремния сям. Я могу направлять их и содействовать. Я направляю их друг к другу. Я вовлекаю их в соединения. Но это занимает века и века.

– Короче, – повторила Триллиан, – это ты создал модель потерпевшего крушение

звездолета?

– Ну... в общем... я, – прошептал Хактар. – Кое-что я создал, да. Я могу перемещать созданное мной. Я сделал звездолет. Это было лучшим из возможного.

Тут Артур отчего-то поднял ремни своей спортивной сумки с дивана и пододвинул ее к себе поближе.

Медленные вихри древнего разума Хактара кружились вокруг Артура и Триллиан, словно бы пробирававшихся сквозь беспокойные сны.

– Я совершил ошибку, – печально прошептал тот. – Я был не прав, саботировав свою разработку для силикоорганических растерзайцев. Принятие таких решений было вне моей компетенции. Я был создан, чтобы выполнить свою функцию, и я не выполнил ее. Я лишил свое существование смысла.

Хактар вздохнул, а Артур и Триллиан молча ждали, пока он заговорит вновь.

– Вы угадали, – сказал он наконец. – Я опекал планету Криккит, дожидаясь, пока ее жители придут к тем же идеям, что и силикоорганические растерзайцы, и начнут разработку бомбы, которую я не завершил в первый раз. Я окутал собой планету и ухаживал за ней. События, последовательность которых я сумел воспроизвести, научила их маниакальной ненависти. Мне пришлось заставить их жить в небе. На поверхности планеты мое воздействие было слишком слабым. Конечно, пока они были заперты в капсуле Завреждения, реакции их стали неустойчивыми, и они не справились со своей задачей... Впрочем, неважно, – добавил Хактар. – Я сделал все, чтобы исполнить свой долг. Все, что мог.

И тогда, очень медленно, постепенно, едва заметно, картина, высвеченная пылинками, стала гаснуть, тускнеть, исчезать...

А потом вдруг перестала исчезать.

– Разумеется, нельзя сбрасывать со счетов и мотив мести, – сказал Хактар голосом неожиданно отчетливым и жестким. – Ведь меня разнесли в пыль, и в этом увечном, бессильном состоянии я провел миллиарды лет. Честное слово, я бы предпочел уничтожить Вселенную. Да и вы бы на моем месте тоже, уж поверьте мне.

Хактар снова умолк. Медленные вихри колебали пыль.

– Но в первую очередь, – прошептал он прежним печальным голосом, – в первую очередь я старался исполнить свой долг. Впрочем, неважно.

– Ты опечален тем, что не смог исполнить свой долг? – уточнила Триллиан.

– Не смог? – прошептал Хактар. Изображение компьютера на кушетке психоаналитика снова начало медленно растворяться и исчезать. – Впрочем, неважно, неважно, – повторил исчезающий голос. – Нет, моя неудача меня больше не печалит.

– Ты в курсе того, что мы собираемся сделать? – спросила Триллиан холодным деловым тоном.

– Конечно, – ответил Хактар. – Вы собираетесь развеять меня. Вы собираетесь уничтожить мое сознание. Сделайте милость. О забвении я могу только мечтать. Если я до сих пор не исполнил свой долг, то теперь уже слишком поздно. Благодарю вас. Спокойной ночи.

Диван исчез.

Чайный столик исчез.

Кушетка с компьютером на ней исчезли. Стены исчезли. Артур и Триллиан вернулись по пустоте на “Золотое Сердце”.

– Ну, – подытожил Артур, – вот таким вот каким-то образом.

Пламя перед ним вспыхнуло ярко и снова опало. Несколько последних язычков, и все было кончено: там, где несколько минут назад лежал Деревянный Столп Природы и Духовности, снова покоилась лишь горстка Праха.

Артур собрал его с подставки гамма-микроволновки “Золотого Сердца” в бумажный кулек и вернулся с камбуза на мостик.

– Я считаю, что мы должны его вернуть, – сказал он. – По-моему, это наш долг.

Он уже поругался по этому поводу со Старпердуппелем, вследствие чего старикан совсем рассердился, вернулся на свой Бистромат, устроил там отчаянную склоку с официантом и растворился в своем совершенно субъективном представлении о том, что такое пространство.

Дело было в том, что Артур требовал вернуть Прах на стадион “Лордз” в ту самую минуту, когда он был похищен, что подразумевало путешествие на день-другой назад во времени, а это было как раз то самое безответственное и собственническое отношение ко времени, борьбу с которым вела Кампания За Реальное Время.

– Я это понимаю, – ответил на это Артур, – но попробуйте объяснить это Крикетному Клубу! – и не пожелал слушать никаких возражений.

– Я считаю, – заговорил Артур снова, войдя в рубку, и смолк. Заговорил снова он потому, что его никто не слушал, а смолк потому, что понял со всей ясностью, что никто и не собирается его слушать.

Форд, Зафод и Триллиан, не отрываясь, глядели в мониторы на то, как Хактар распадается под воздействием вибрации поля, нагнетаемого двигателем “Золотого Сердца”.

– Что-что он сказал? – спросил Форд.

– По-моему, он сказал что-то такое, – голос Триллиан выдавал озадаченность, – “Дело сделано... Я выполнил свой долг...” Не знаю.

– Я считаю, что мы должны его вернуть, – сказал Артур, выкладывая кулек с Прахом. – По-моему, это наш долг.

XXXIII

Солнце ласково светило над стадионом, погруженным в хаос и бедлам.

Обгоревшая трава еще дымилась там, где прошли криккитские роботы, унося с собой Прах. В дыму бегали в панике люди, натыкаясь один на другого, спотыкаясь о веревки ограждения и арестовывая друг друга.

Один полицейский попытался арестовать Долбаггера Удлинившегося Бесконечно за антиобщественное поведение, но не смог: высокий серо-зеленый пришелец спокойно вошел в свой звездолет и с яркой вспышкой улетел, вызвав еще больше паники и суматохи.

Посреди всего этого – во второй уже раз за сегодня – материализовались Артур Дент и Форд Префект, телепортировавшись с “Золотого Сердца”, припаркованного на орбите.

– Я все объясню! – крикнул Артур. – Мы привезли Прах! Вот тут, в кулке!..

– Что-то нас как-то невнимательно слушают, – заметил Форд.

– И еще – я помог спасти Вселенную! – сообщил Артур всем заинтересованным лицам – другими словами, никому. – Это должно было привлечь внимание, – объяснил Артур Форду.

– Не сработало, – указал Форд.

Артур поравнялся с пробегавшим мимо полицейским:

– Прошу прощения, – прокричал он. – Я насчет Праха. Он у меня. Его тут сколько-то времени назад похитили белые роботы. Он у меня, вот в этом пакете. Дело в том, что он был частью Ключа к капсуле Завреждения – понимаете? – и... в общем, остальное более-менее неважно... суть в том, что он сейчас у меня, и что мне теперь с ним делать?

Полицейский ответил, но Артур не счел физически возможным последовать его совету.

Артур вернулся к Форду. Он совершенно расстроился.

– Ну что, совсем никого не волнует?! Никому совсем не интересно?! – воскликнул он.

Пробегавший мимо мужчина сильно пихнул Артура локтем. Артур выронил кулек, и его содержимое высыпалось на землю. Артур оторопело уставился на разлетающийся пепел.

Форд дотронулся до его плеча.

– Что ли, пошли? – спросил он.

Артур тяжело вздохнул. Он оглядел планету Земля – в последний, как он теперь уже точно знал, раз.

– Пошли, – сказал он.

И тут в просвете между клубами дыма Артур увидел одну из калиток, каким-то чудом, несмотря ни на что, стоявшую ровно.

– Погоди-ка, – попросил Артур Форда. – Знаешь, в детстве...

– Слушай, давай, ты потом расскажешь...

– ...я очень любил играть в крикет. Только не умел.

– ... а не хочешь, не рассказывай, пытаться не будем, беда небольшая...

– И у меня была мечта... Нет, глупая, конечно... Что однажды, в один прекрасный день, я буду играть на стадионе “Лордз”.

Артур оглядел стадион и заполошно мечущихся зрителей. Похоже, никто из них не возражал.

– Ох, ну, ладно, – устало согласился Форд. – Давай. Я буду вон там, – добавил он. – Скучать.

Форд отошел и присел на дымящуюся траву.

Артур помнил, что, когда они были здесь сегодня в прошлый раз, крикетный мячик приземлился точнехонько в его сумку, и он принялся обшаривать сумку.

И он уже нашел мячик, когда вдруг вспомнил, что сумка, что при нем – не та сумка, с которой он был здесь в прошлый раз. Но, несмотря ни на что, крикетный мячик лежал на дне этой сумки, посреди сувениров из Греции.

Артур вынул мячик, обтер его о полу халата, поплевал на него и обтер снова. Затем поставил сумку на землю. Один-единственный раз в жизни он уж сделает все, как положено.

Артур перекинул маленький плотный красный мячик из руки в руку, взвешивая его.

С удивительным чувством легкости и беззаботности Артур отошел от калитки. Не очень медленным, но и не очень быстрым шагом, решил Артур и отмерил себе хорошую, достойную пробежку.

Артур глянул вверх. Там кружили птицы и проплывало несколько белоснежных облачков. Воздух разрывали вой полицейских сирен и скорой помощи, крики и вопли людей, но Артур каким-то чудесным образом ощущал лишь счастливый подъем. Сейчас он исполнит подачу на стадионе “Лордз”.

Артур развернулся, притопнул пару раз по земле своими шлепанцами, развернул плечи, подбросил мячик в воздух, поймал его и побежал.

И на бегу увидел, что возле калитки стоит защитник.

Гм, подумал он. Это даже здорово. Все, как по-настоящему...

Приблизившись к защитнику, однако, Артур разглядел его получше. Это был не защитник английской команды. И не защитник австралийской команды. Это был робот из команды криккитян. Холодный мертвенно-белый железный робот-убийца, по всей видимости, не вернувшийся на корабль вместе со своими товарищами.

Сразу несколько мыслей взвились в голове у Артура Дента, но он не остановился. Он не мог остановиться. Время вдруг потянулось страшно медленно, но остановиться Артур не мог.

Плывя в воздухе, словно в клею, Артур медленно, ужасно медленно повернул голову и посмотрел на свою руку, державшую маленький плотный красный мячик.

Ноги, медленно и редко топая, безудержно несли его вперед, а он все смотрел на красный мячик, зажатый в своей беспомощной руке. Мячик тускло светился красным, время от времени подмигивая. А ноги все топали и топали.

Артур поглядел на криккитского робота, что стоял перед ним неподвижно, спокойно и уверенно, подняв свою боевую битую на изготовку. Глаза его горели холодными огнями, и Артур не мог отвести глаз от этих холодных огней. Он смотрел на них, словно в туннель: ничего вокруг не существовало.

Среди мыслей, вихрившихся у Артура в голове, основными были следующие:

Он думал, что выглядит исключительно глупо.

Он думал, что следовало повнимательнее прислушиваться к тому, что говорилось вокруг, и в памяти его, шаг за шагом приближающегося к той точке, где он неминуемо выпустит из рук мячик, подав его криккитскому роботу, который неминуемо ударит по нему, теперь всплывали фразы.

Он вспомнил, как Хактар прошептал: “Не смог? Неудача не печалит меня.”

Он вспомнил последние слова Хактара: “Дело сделано. Я исполнил свой долг.”

Он вспомнил, как Хактар упомянул, что “кое-что создал”.

Он вспомнил странное движение в своей сумке, заставившее его взять ее и поставить на

диван.

Он вспомнил, что вернулся на два дня назад, чтобы попасть на стадион.

И вспомнил, что подачи ему никогда не удавались.

Он чувствовал, как рука его напрягается, пальцы смыкаются вокруг мяча, то есть, как он теперь точно знал, вокруг Сверхновой Бомбы, которую Хактар построил сам и подсунул ему, бомбы, которая положит всей Вселенной внезапный и безвременный конец.

Артур страстно пожелал и взмолился о том, чтобы того света не было. Потом он осознал скрытое здесь противоречие и просто страстно пожелал, чтобы никакого того света не было.

Как он будет там смотреть всем в глаза?

Артур мечтал, мечтал, мечтал, чтобы его подача удалась ему не лучше, чем обычно, потому что только это отделяло теперь весь мир от полного и окончательного исчезновения.

Артур слышал топот своих ног, почувствовал замах своей руки, увидел, как носок шлепанца ступает в ремень спортивной сумки, которую он со всей своей дурацкой небрежностью оставил на земле, понял, что летит наземь со всего размаху, но, будучи бесконечно занят другими делами, совершенно забыл о том, чтобы упасть – и не упал.

Не выпуская мячик из правой руки, Артур взмыл в воздух, не дыша от изумления.

Потеряв управление, он закувыркался и закружился в воздухе.

Затем он заложил глубокое пике, а потом взмыл в небо отчаянной свечой, закинув безвредную теперь бомбу как можно дальше.

Артур подлетел к ошеломленному роботу сзади. Робот все еще замахивался своей многоцелевой боевой битой, но бить вдруг стало не по чему.

Повинуясь внезапному безумному порыву, Артур вырвал биту из руки остолебеневшего робота, совершил в воздухе головокружительно сложную фигуру пилотажа, набрав бешеную скорость, выровнялся, поправил курс и одним яростным ударом снес голову робота с плеч.

– Ну, блин! Идешь ты наконец? – позвал Форд.

XXXIV

Наконец они снова летели все вместе.

В какой-то момент Артур Дент решил, что не хочет лететь дальше. Бистроматический двигатель, сказал он, открыл ему, что время и расстояние – одно и то же, и что разум и Вселенная – одно и то же, и что восприятие и реальность – одно и то же, и что чем больше путешествуешь, тем больше остаешься на том же месте, и что при прочих равных он лично предпочел бы побыть некоторое время на каком-нибудь одном месте, чтобы разобраться во всем и привести в порядок свои мысли, которые теперь стали одно и то же со Вселенной, по каковой причине это не должно занять много времени, а потом он был бы не прочь как следует отдохнуть, попрактиковаться в полетах и научиться как следует готовить, чем он всегда мечтал заняться. Банка с греческим оливковым маслом стала для него теперь главным сокровищем, сказал он, а то, как она неожиданно вернулась в его жизнь, заставило его ощутить некое скрытое единство всех вещей, которое навело его на мысль, что...

Здесь Артур зевнул и отключился.

Утром, когда Артура совсем уже собрались высадить на какой-нибудь тихой и мирной планете, где он никому не сможет морочить голову, корабль вдруг принял сигнал SOS и изменил курс.

Сигнал был послан компьютером небольшого, но, по всей видимости, мало поврежденного корабля класса “Мерида”, который танцевал в космосе что-то вроде джиги. Самый беглый осмотр показал, что корабль в полном порядке, компьютер функционирует нормально, но пилот совершенно свихнулся.

– И вовсе не свихнулся, – твердил тот, вырываясь и отбиваясь, пока его несли на “Золотое Сердце”, – и вовсе не свихнулся, а только тронулся, только тронулся!

По документам он оказался корреспондентом “Ежезвездного галактического истории и обществознания”. Его накормили таблетками и заперли в каюте под присмотром Марвина, пока корреспондент не попросился наружу, пообещав, что постарается вести себя разумно.

– Меня послали освещать один процесс на Аграбутоне, – начал он и вскочил, обхватив себя руками за тощие плечи и дико вращая глазами. Седые волосы его, казалось, приветствовали вставанием кого-то, только вошедшего в соседнюю комнату.

– Ну, только не надо так волноваться, – сказал Форд, а Триллиан положила руку ему на плечо. Корреспондент снова упал на койку и уставился в потолок корабельного лазарета.

– В чем там было дело, уже не имеет значения, – сказал он. – Но там был один свидетель... такой свидетель... по имени Прак. Непростой человек. В конце концов судья приказал дать ему наркотик правды. Чтоб он говорил правду.

Глаза корреспондента беспомощно закатились.

– И они дали ему слишком большую дозу, – проговорил он слабым голосом. – Слишком большую дозу. Устроили ему передоз. – Слезы потекли из глаз корреспондента. – Должно быть, кто-то из роботов толкнул врача под руку.

– Роботов? – вскинулся Зафод. – Каких таких роботов?

– Каких-то таких роботов, – сипло ответил корреспондент. – Они ворвались в зал суда и похитили у судьи скипетр – ну, Аргабутоновский Скипетр Правосудия. Ну, такую здоровую плексигласовую штуковину. На хрена она им понадобилась? – Корреспондент снова заплакал. – В общем, скорее всего, это они толкнули врача под руку...

Корреспондент уронил голову и помотал ею из стороны в сторону. Глаза его переполнились страданием.

– Когда заседание продолжилось, – сквозь рыдания говорил корреспондент, – они задали Праку самый скверный вопрос. Они потребовали... – корреспондента передернуло при воспоминании, – потребовали, чтобы он сказал им правду, всю правду и ничего, кроме правды. Вы понимаете, какой ужас?

Корреспондент вдруг сел в койке и взмахнул костлявыми кулаками:

– Ведь он был уже на передозе! – и рухнул обратно, бормоча, – На жутком передозе!

Члены экипажа “Золотого Сердца” стояли, переглядываясь, вокруг койки, и по спине у них ползли мурашки.

– Ну, и что дальше? – спросил наконец Зафод.

– Что-что! Он и сказал! Насколько я знаю, он до сих пор говорит. Жуткие, жуткие, кошмарные вещи! – корреспондент сорвался на визг. Его попытались успокоить, но он снова с силой поднялся на локтях. – Жуткие, кошмарные, непостижимые вещи! Просто свихнуться можно! – Корреспондент обвел глазами лазарет. – Ну, или, как я, только тронуться. Я ведь, сами знаете, журналист.

– Ну, конечно, – участливо заговорил Артур, – вам часто приходится сталкиваться лицом к лицу с правдой, какой бы...

– О чем вы? – не понял корреспондент. – Я просто сказал, что мне срочно нужно в редакцию и смылся оттуда, как только смог.

С этими словами он впал в коматозное состояние, из которого вышел лишь однажды и на очень короткое время. За это время от него удалось узнать только следующее.

Когда стало ясно, что Прак не остановится, и что все, что он говорит, есть истина в чистом виде и в последней инстанции, было приказано очистить зал суда.

Зал был не только очищен, но и заперт – с Праком внутри. Вокруг него были возведены стальные стены, а вокруг, для вящей надежности, выстроены заборы из колючей проволоки под током, вырыты рвы, наполненные акулами и крокодилами, а также выставлены три десантные дивизии, чтобы никто не подслушал, что говорит Прак.

– Какая жалость! – сказал Артур. – Вот бы послушать, что он там рассказывает. Ведь он, должно быть, знает и Главный Вопрос к Главному Ответу. Меня всегда так мучило, что мы никогда его не узнаем.

– Задумайте любое число, – предложил компьютер. – Абсолютно случайное число.

Артур сообщил компьютеру телефон справочного на вокзале Кингс-Кросс, тайно надеясь, что это вызовет какое-нибудь особое действие, и действие это окажется именно каким-нибудь таким, особенным. Компьютер ввел это число в отремонтированный невероятностный двигатель корабля.

В мире относительности материя указывает пространству, как оно должно искривиться, а пространство указывает материи, как она должна двигаться.

“Золотое Сердце” велело пространству вывернуться наизнанку и остановилось внутри стальной стены, окружавшей Аргабутонский Верховный Арбитраж.

Зал суда был суров и лишен излишеств. Это явно был чертог Правосудия, а не, скажем, Чревоугодия. Здесь не устраивали приемов – во всяком случае, таких, которые должны проходить в теплой дружественной обстановке. Само убранство зала нагоняло на посетителей беспокойство и тоску.

Под высокими сводчатыми потолками зала клубилась тьма. Там гнездились тени, полные смутной угрозы. Панели стен, спинки и поручни скамей, тяжеловесные колонны – все было вырезано из самого черного и злобного дерева печально знаменитых Ррыкобразилианских

лесов. Массивный Трон Правосудия, возвышавшийся посреди зала, был чудовищно увесист и внушителен. Если бы солнечному лучу удалось проникнуть так глубоко в недра Аргабутонского Дворца Правосудия, он немедленно развернулся бы, заведя его, и со скоростью света устремился обратно.

Артур и Триллиан вошли первыми, а Форд и Зафод храбро прикрывали их тыл.

Сперва зал показался им совершенно темным и пустым. Эхо разнесло их шаги. Это было странно: проверки показывали, что все оборонительные рубежи вокруг зала суда находятся в полной боевой готовности, и, следовательно, решили они, момент истины еще не закончился.

Но внутри было тихо.

Потом, когда глаза их привыкли к темноте, они увидели в одном углу красную точку, а рядом – что-то живое. Они посветили туда фонарем.

Прак сидел на скамье и докуривал папиросу.

– О, привет, – сказал он и махнул рукой. Голос его разнесся по залу.

Это был человечек небольшого роста с нечесанными космами волос. Он сидел, сгорбившись, и плечи и колени его подрагивали. Он сделал глубокую затяжку.

Четверо путешественников смотрели на него.

– Что здесь происходит? – спросила Триллиан.

– Да ничего, – сказал человек, и плечи его мелко затряслись.

Артур посветил Праку в лицо.

– Нам сообщили, – сказал он, – что вы тут рассказываете правду, всю правду и ничего, кроме правды.

– А, вы вон о чем, – ответил Прак. – Ну, да. Только я уже все. Это не такой длинный рассказ, как некоторые себе думают. Но, конечно, попадаются прикольные вещи, да.

Прак вдруг разразился приступом безумного смеха, но так же внезапно и резко умолк и снова сидел молча. Голова и колени его подрагивали. Он снова глубоко затянулся, и на губах его заиграла нехорошая улыбка.

Из темноты вышли Форд и Зафод.

– Ну, давай, расскажи теперь нам, – попросил Форд.

– Ой, да я уже всего и не упомяну. – махнул рукой Прак. – Я думал записать кое-что, но сначала никак не мог найти ручку, а потом подумал – на фиг?

Воцарилось молчание, и, казалось, стало слышно, как Вселенная стала на одну минуту старше. Прак смотрел на тень от фонаря.

– И вы ничего-ничего не помните? – спросил Артур. – Ничего-ничего?

– Да, почти ничего. Ну, кроме приколов про лягушек. Такое не забудешь!

Прак вдруг снова разразился гомерическим хохотом, топая ногами и колотя себя по ляжкам.

– Там такие были приколы про лягушек! – выговорил он сквозь смех. – Слушайте, пошли, найдем лягушку! Я вам такое про них расскажу! Вы ничего про них не знаете? Да вы же не жили! – Прак вскочил со скамьи и станцевал сумасшедший танец, а потом сделал длинную затяжку. – Пошли, пошли, найдем лягушку, поприкалываемся! – повторил он и спросил. – Чуваки, а вы вообще кто?

– Мы долго тебя искали, – сказала Триллиан, нарочито не скрывая своего разочарования. – Меня зовут Триллиан.

Прак дернул головой.

– Форд Префект, – представился Форд Префект, пожав плечами. Прак дернул головой в другую сторону.

– Что касается меня, – сказал Зафод, когда рассудил, что пауза выдержана достаточная для столь веского заявления, – то я Зафод Библброкс!

Прак снова дернул головой.

– А ты кто? – спросил Прак, дернув плечом в сторону Артура, который в тот момент ушел в свои невеселые мысли.

– Кто, я? – переспросил Артур. – Меня зовут Артур Дент.

Глаза Прака полезли на лоб.

– Да ты гонишь! – воскликнул он. – Как это – Артур Дент? Тот самый Артур Дент???

Прак рухнул на скамью, хватаясь за животики и корчась в новых приступах хохота.

– Ошизеть! Вот кого не ждал встретить! – выкрикивал он, задыхаясь от смеха. – Чувак, да ты же... Ты же... Лягушки отдыхают, чувак!

Прак выл и визжал, заходясь от хохота. Он катался по скамейке и брыкал ногами. Слезы брызнули из его глаз ручьями. Он колотил себя по груди тощими кулаками. Наконец, тяжело дыша, он начал успокаиваться, обвел глазами всех, поглядел на Артура – и снова зашелся в пароксизме веселья. Наконец, он упал без чувств.

Прака, погруженного в кому, понесли на корабль, а Артур все стоял, озадаченно поджав губы.

– До встречи с Праком, – сказал Артур, – я собирался сойти на берег. Я и сейчас собираюсь, и думаю, что сойду, как только смогу.

Остальные молча кивнули. Тишину нарушали лишь приглушенные взрывы истерического хохота, доносившиеся из каюты Прака в самом дальнем конце корабля.

– Мы, конечно, расспросили его, – продолжал Артур. – Точнее, вы его расспросили – вы же знаете, что я не могу показываться ему на глаза – и, в общем, похоже, что ему действительно особенно нечего сказать. Так, всякая белиберда. Да еще эти гнусности про лягушек.

Остальные изо всех сил подавили улыбки.

– Нет, у меня тоже есть чувство юмора, – сказал Артур и замолчал, дожидаясь, пока остальные отсмеются вдоволь. – Я тоже могу посме... – и замолчал снова, на этот раз – прислушиваясь к тишине. На корабле вдруг действительно стало очень тихо.

Прак замолчал. Сутки напролет корабль сотрясался от его безумного хохота, лишь иногда сменяющегося краткими периодами истерического хихиканья и сна. Паранойя просто истерзала Артура.

Но это была другая тишина. Это был не сон.

Зазвенел сигнальный звонок. Взглянув на приборную доску, они поняли, что Прак вызывает их к себе.

– Он совсем плох, – тихо сказала Триллиан. – Непрерывный хохот совершенно его истощил.

Артур поджал губы, но ничего не сказал.

– Пойдемте-ка, посмотрим, что с ним, – и Триллиан поднялась с кресла.

Триллиан вышла из каюты с очень серьезным лицом.

– Он хочет поговорить с тобой, – сказала она Артуру, стоявшему с лицом мрачным и недовольным.

Артур засунул руки глубже в карманы халата и попытался придумать какой-нибудь не слишком дурацкий ответ. Несмотря на всю очевидную бессовестность ситуации, ничего веского ему придумать не удалось.

– Ну что ты, в самом деле! – сказала Триллиан.

Артур пожал плечами и вошел, не меняя своего очень серьезного лица, хотя и знал прекрасно, как реагирует на это лицо Прак.

Артур поглядел на своего мучителя. Тот тихо лежал на койке, бледный и тощий. Дыхание его было редким и неровным. Форд и Зафод стояли рядом, растерянные и озабоченные.

– Ты хотел что-то спросить у меня, – спросил Прак еле слышным голосом и кашлянул. От его кашля Артур внутренне сжался, но продолжения не последовало.

– Почему вы так думаете? – спросил Артур.

Прак еле заметно пожал плечами:

– Потому что это правда.

Артур смирился.

– Ну, вообще говоря, да, – выдавил он из себя не без труда. – У меня есть один вопрос. Точнее, у меня есть Ответ. А я хотел бы знать, в чем состоит Вопрос.

Прак понимающе кивнул, и Артуру несколько полегчало.

– Дело в том, что... В общем, это длинная история, – продолжил Артур. – Вопрос, который мне нужно найти – это Главный Вопрос Жизни, Вселенной, и Вообще. Все, что мы знаем, это то, что Ответ будет сорок два, а это не очень-то много говорит.

Прак кивнул снова:

– Сорок два... – повторил он за Артуром. – Да, это правильный ответ.

Прак помолчал. Тени воспоминаний и размышлений проплыли по его лицу, как тени облаков проплывают по полю.

– Боюсь, – сказал он наконец, – что Вопрос и Ответ взаимоисключающи. Знание одного из них логически исключает знание другого. В одной и той же вселенной невозможно одновременно знать и то, и другое.

Прак снова умолк. На лице Артура отразилось глубокое разочарование и угнездились на привычном ему месте.

– То есть, – с заметным трудом заговорил снова Прак, – такое может случиться, но, по-видимому, Вопрос и Ответ в таком случае просто взаимно уничтожатся, и прихватят Вселенную с собой. Тогда вместо нее появится что-нибудь еще более необъяснимое и бессмысленное. Вполне может быть, что это уже произошло, – добавил Прак со слабой улыбкой. – Но полной уверенности тут быть не может.

Прак непроизвольно хихикнул. Артур присел на стул.

– Понятно, – подытожил он. – Я просто надеялся, что во всем этом есть какой-то смысл.

– Знаешь телегу про смысл? – спросил Прак.

Артур сказал, что не знает, и Прак кивнул, что знал, что он не знает.

Прак рассказал эту историю.

Однажды ночью, начал он, в небе планеты, которая до того не видела ни одного космического корабля, пролетел один такой корабль. Планета называлась Дальфорс, а корабль был вот этот вот самый корабль. Бриллиантовой звездой он беззвучно пронесся по

ночному небу.

Вожди отсталых племен, селившихся на Холодных Склонах, оторвались от своих дымящихся ночных чаш и трясущимися руками принялись указывать в небо, уверяя, что видели знак – знак, возвещающий волю богов, которые требуют от своих внуков наконец-то подняться, отправиться в поход и стереть с лица земли безбожных Князей Равнин.

Глядя в небо с площадок своих высоких башен, Князья Равнин увидели сверкающую звезду и безошибочно признали в ней знак, возвещающий волю богов, которые призывают подняться и навеки усмирить неверных Вождей Холодных Склонов.

А посередине между ними Лесные Жители поглядели вверх и увидели знамение новой звезды, и склонили головы в страхе и отчаянии, потому что, хоть они никогда и не видели такого знамения прежде, они очень хорошо знали, что оно предвещает.

Они знали, что начало дождей – это знамение.

Что конец дождей – это тоже знамение.

Что сильные ветры – это знамение.

И что затишье – это тоже знамение.

Что, если в полночь полной луны родится козленок с тремя головами – это знамение.

Что, если средь бела дня родится совершенно нормальный котенок или поросенок без малейших отклонений от нормы, или даже ребенок всего лишь с заячьей губой – это зачастую тоже знамение.

Поэтому у них не было никаких сомнений по поводу новой звезды в небе – это было знамение, и знамение особой знаменательной силы.

А все знамения предвещали только одно – что Князья Равнин и Вожди Холодных Склонов снова решили как следует вздуть друг дружку.

И само по себе это было бы еще не так уж плохо, но беда в том, что Князья Равнин и Вожди Холодных Склонов неизменно выбирали местом своих встреч Лес, и именно Лесным Жителям в итоге доставалось больше всех, хотя, насколько они могли понять, их это все вообще никаким боком не касалось.

И время от времени, после какой-нибудь особенно кровопролитной стычки, Лесные Жители посылали гонца то к верховному Князю Равнин, то к главному Вождю Холодных Склонов с просьбой объяснить смысл происходящего.

И предводитель тех или иных отводил гонца в сторонку и объяснял ему этот Смысл – медленно, доходчиво, во всех подробностях.

И беда состояла в том, что Смысл всегда был. Он был очень простой, очень убедительный и очень глубокий. Гонiec стоял, опустив голову, и чувствовал себя диким дураком, что сам до сих пор не понимал, как сложен и суров мир, и с какими проблемами и противоречиями приходится иметь дело тому, кто решился жить в нем.

– Понимаешь теперь? – спрашивал предводитель.

Гонiec уныло кивал головой.

– И что эти войны необходимы?

Гонiec кивал.

– И что их необходимо вести в Лесу? И что это в наших общих интересах? И Лесных Жителей в том числе?

– Но ведь...

– Я имею в виду, в конечном счете.

– А-а... Ну, тогда-то да...

И гонец, осознавший Смысл, возвращался к своему лесному народу. Но по пути, уже в Лесу, он вдруг обнаруживал, что все, что он помнит о Смысле – это то, как очевиден и непреложен тот был. А в чем он заключался, гонец никак не мог вспомнить.

И это, конечно, не очень утешало, когда Вожди и Князья в очередной раз огнем и мечом прокладывали себе путь через Лес, убивая всех Лесных Жителей, попадающихся на этом пути.

Здесь Прак помолчал и печально кашлянул.

– Я был таким гонцом, – сказал он. – Меня послали после битвы, вызванной появлением вашего корабля, особенно жестокой и жуткой. Много наших полегло. Я думал, что принесу людям Смысл. И я отправился к Великому Князю, но на обратном пути Смысл растаял и вытек из моей головы, как прошлогодний снег. Это было много лет назад. С тех пор произошло много всякого...

Прак посмотрел на Артура и снова тихо-тихо хихикнул.

– Есть еще кое-что, что я помню от наркотика правды. Ну, кроме лягушек... Это последнее послание Бога Своему творению. Рассказать, что в нем?

Путешественники не могли понять, серьезен ли Прак или издевается над ними.

– Нет, правда-правда, – сказал тот. – Это все правда. И ничего кроме.

Грудь Прака вздымалась – он с трудом ловил воздух ртом. Голова скатилась по подушке набок.

– Лично меня оно по первому разу не очень-то впечатлило, – тихо говорил Прак. – Но я тут подумал... я вспомнил, как впечатлил меня Смысл, рассказанный Великим Князем, и как быстро я его потерял. И я подумал, что это может оказаться гораздо полезнее. Хотите узнать? Хотите?

Стоящие кивнули.

– Знаю, что хотите. Так вот, если хотите его узнать, то отправляйтесь и узнайте. Оно написано десятиметровыми огненными буквами на склоне гор Квентулюс-Квазгар в стране Севорбеупстрии на планете Прелюмтарен, третьей от звезды Зараззс в секторе QQ7 Активный Ж-Гамма. Его охраняет Лажественный Крякопауг.

Услышав это, все надолго замолчали. Наконец, Артур нарушил тишину:

– Где-где-где оно находится? – спросил он.

– Оно написано десятиметровыми огненными буквами, – повторил Прак, – на склоне гор Квентулюс-Квазгар в стране Севорбеупстрии на планете Прелюмтарен, третьей от...

– Я прошу прощения, – перебил Артур, – какой горы?

– Горы Квентулюс-Квазгар в стране Севорбеупстрии на планете...

– Какой стране? Я не уверен, что правильно расслышал название.

– Севорбеупстрии, на планете...

– Севорбе-как?

– Да блин! – в сердцах воскликнул Прак и скончался.

XXXV

Всю следующую неделю Артур размышлял о последних словах Прака и о Послании, но в конце концов решил, что не даст втравить себя в эту авантюру, а будет следовать своему изначальному плану: найти себе какой-нибудь симпатичный мирок, осесть там и жить тихой и спокойной жизнью. Человек, который за один день дважды спас Вселенную, подумал Артур, имеет моральное право относиться ко всему несколько легче.

Артура высадили на планете Криккит, снова ставшей теперь планетой пасторальной идиллии, хотя песни криккитян и действовали иногда ему на нервы.

Артур много летал.

Он научился понимать язык птиц и обнаружил, что речь их фантастически безынтересна. Птицы разговаривали только о скорости ветра, размахе крыльев, отношении подъемной силы к весу, да еще о червяках. К несчастью, Артур обнаружил, что стоит только начать понимать птичью речь, как воздух становится просто полон ею — пустой птичьей болтовней, бестолковым щебетом, деваться от которого абсолютно некуда.

Через какое-то время Артур отказался от полетов и научился жить на земле и любить эту жизнь, несмотря на огромное количество бестолкового щебета, окружавшего его и там, внизу.

Однажды он шел по полям и лугам, напевая чудесную мелодию, услышанную недавно в деревне, как вдруг серебряный звездолет спустился с неба и приземлился прямо перед ним.

Открылся люк, выдвинулся трап, и по трапу сошел высокий серо-зеленый пришелец.

— Артур Фили... — начал было пришелец, но потом оглядел Артура, сверился со своим блокнотом, нахмурился и снова поглядел на Артура.

— Стоп! — сказал он. — Было уже!